

ISSN 2618-9453

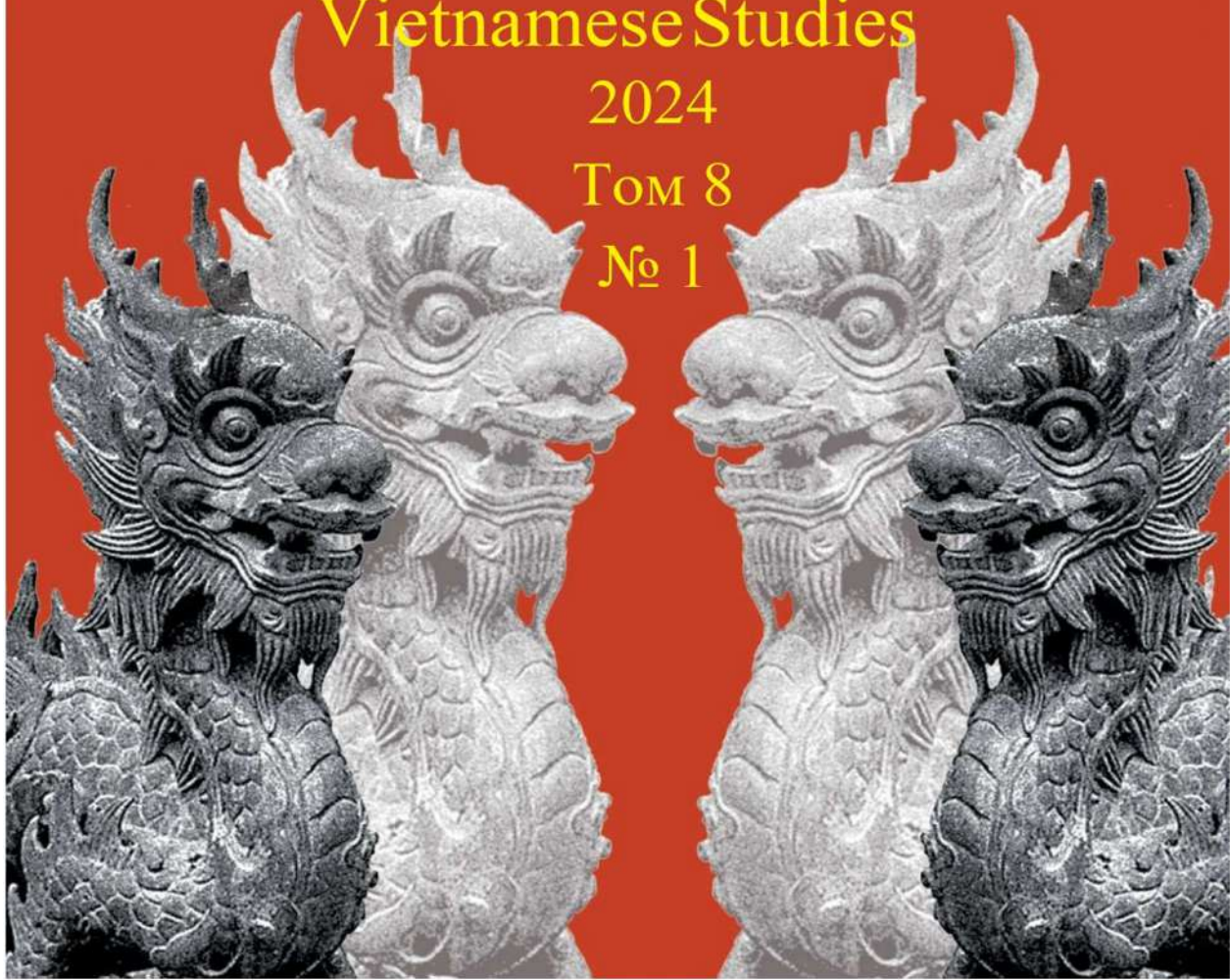
ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

The Russian Journal of
Vietnamese Studies

2024

Том 8

№ 1

Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИККА РАН)
www.iccaras.ru

Электронный научный журнал «Вьетнамские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2018 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы вьетнамоведческих исследований: политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию и другие. Все статьи рецензируются.

Учредитель: ИККА РАН. URL: <https://www.iccaras.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-73494.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
Входит в Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Главный редактор: Мазырин В.М., д.э.н., профессор МГУ.

Редакционная коллегия: Аносова Л.А., д.э.н.; Григорьева Н.В., к.и.н.; Канаев Е.А., д.и.н.; Колотов В.Н., д.и.н.; Малетин Н.П., д.и.н.; Рязанцев С.В., чл.- корр. РАН, д.э.н.; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Федорин А.Л., д.и.н.; Цветов П.Ю., к.и.н.

Редакционный совет: Бабаев К.В., д.филол.н., председатель; Деопик Д.В., д.и.н., профессор; Маслов А.А., д.и.н., профессор; Михоко Като, профессор (Япония); Ву Тхюи Чанг, профессор (Вьетнам); Мосяков Д.В., д.и.н., профессор; Петрасяк Малгожата, профессор (Польша); Сумский В.В., д.и.н.; Тэйер Карлайл, профессор (США); Фьорд Адам, профессор (Австралия); Бенуа де Треглоде, профессор (Франция); Стори Ян, главный редактор журнала “Contemporary South East Asia” (Сингапур).

Редакция: Никулина Е.В. (зав. редакцией), Мальцева О.И., Ларин В.П., Кучеренко Г.Н., Бритенкова А.Э.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН.
E-mail: vietnamjournal@yandex.ru
Тел.: (499) 124 08 33.

Информация для авторов: <https://vietnamjournal.ru/2618-9453/about/submissions>

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

ISSN 2618-9453 электронная версия
DOI: 10.54631/VS.2024.81-156

© Коллектив авторов
© ИККА РАН

Научные специальности:
• 5.2.5. Мировая экономика
• 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
• 5.5.4. Международные отношения
• 5.6.3. Археология
• 5.6.7. История международных отношений и внешней политики
• 5.9.2. Литературы народов мира
• 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (вьетнамский язык)
• 5.10.3. Виды искусства
• 5.11.3. Практическая теология

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внешняя политика и внутривластные процессы

- Бутко А. А.* Маневры во вьетнамо-китайских отношениях на фоне американо-китайского противостояния в регионе 7
- Калмыков И. Д.* Характерные черты политической культуры современного Вьетнама 22

Социально-экономическое развитие

- Ты Тхюу Ань, Тю Тхи Май Фьонг, Чьонг Тхи Лан Хьонг.* Влияние американо-китайской торговой войны и ВРЭП на торговый баланс между Вьетнамом и Китаем 38
- Ву Тхи Тхюу Зунг, Ким Ань Зьонг, Ле Минь Тиен.* Бедность среди женщин коренного населения вьетнамского плато Тэйнгуен: критический анализ 52

История, религия, культура

- Шкунов В. Н.* Внешняя торговля Вьетнама во второй половине XIX в. и российские внешнеторговые интересы 66
- Ле Динь Шон, Чан Чонг Зьонг.* Обряды власти: исследование гармонии трёх учений во Вьетнаме в период правления династии Начальных Поздних Ле (Ле Шо) 81
- Фам Хунг Кыонг.* Отражение вьетнамского народного искусства в серии картин «Техника аннамитского народа» 94

Филология

- Минина Ю. Д.* Заимствование и развитие сказочных сюжетов о чудесном герое в фольклоре народов Вьетнама 110

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Никулина Е. В.* Научная конференция в память о выдающемся учёном 125

Новый взгляд на старый формат

Колотов В. Н. Сложная история яркой метафоры Хо Ши Мина 132

О защите диссертаций 138

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Совместное заявление о повышении уровня отношений
между Вьетнамом и Австралией до всеобъемлющего
стратегического партнерства 144

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Конорева И. А. Новая книга по истории советско-вьетнамских
отношений 150

CONTENTS

SCIENTIFIC RESEARCH

Foreign policy and inward political processes

Butko A.A. Maneuvers in Vietnamese-Chinese relations against the background of the US-Chinese confrontation in the region 7

Kalmykov I.D. The Characteristics of Modern Vietnam Political Culture 22

Socio-economic development

Tu Thuy Anh, Chu Thi Mai Phuong, Truong Thi Lan Huong. Impacts of the US—China Trade Tension and RCEP on Vietnam—China Trade Balance 38

Vu Thi Thuy Dung, Kim Anh Duong, Le Minh Chien. Poverty Among Indigenous Women in the Central Highlands of Vietnam: A Critical Analysis 52

History, religion and culture

Shkunov V.N. Vietnam's Foreign Trade in the Second Half of the XIX Century and Russian Foreign Trade Interests 66

Le Dinh Son, Tran Trong Duong. Rites for/of Power: Research on the Harmony of Three Teachings in Vietnam during the Former Lê (Lê Sơ) Dynasty (1428—1527) 81

Pham Hung Cuong. The Expression of Vietnamese Folk Art in the Painting Series “Technique du Peuple Annamite” 94

Philology

Minina Yu. D. Borrowing and Historical Evolution of Tales and Fables about the Wonderful Hero in the Folklore Traditions of Vietnamese Peoples 110

SCIENTIFIC EVENTS

Nikulina E.V. Scientific Conference in Memory of the Outstanding Scholar 125

A new look at an old format

Kolotov V.N. A Complex Story of a Strking Metaphor of Ho Chi Minh 132

Dissertations Defense 138

OFFICIAL DOCUMENTS

Joint Statement on the Elevation to a Comprehensive Strategic Partnership
between Vietnam and Australia 144

BOOKSHELF

Konoreva I.A. New Book on the History of Soviet-Vietnamese Relations 150

TÂN
XUÂN
GIÁP
THÌN
2024

KÍNH CHÚC THÂN TÂM AN LẠC

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.54631/VS.2024.81-626850

А.А. Бутко

Маневры во вьетнамо-китайских отношениях на фоне американо-китайского противостояния в регионе

Аннотация. В статье предпринята попытка оценить динамику и характер развития отношений между Вьетнамом и Китаем с учетом происходящих в регионе и мире событий. Главное внимание уделено новому этапу двустороннего сотрудничества, начатому с создания «Сообщества единого будущего, имеющего стратегическое значение». Рассмотрены причины заявленного углубления взаимодействия СРВ и КНР на фоне американо-китайского противостояния.

Несмотря на публикацию в отечественных и зарубежных научных изданиях множества работ, посвященных тем или иным аспектам отношений СРВ и КНР, высокая динамика происходящих в Юго-Восточной Азии событий требует проведения дополнительных исследований, направленных на переосмысление старых и выявление новых тенденций.

Основу статьи составляет анализ недавнего (декабрь 2023 г.) совместного заявления лидеров двух стран и его сравнение с другими аналогичными документами — китайско-вьетнамским заявлением 2022 г., американо-вьетнамским и японо-вьетнамским заявлениями 2023 г. Такой метод позволяет более точно оценить текущее состояние вьетнамо-китайских отношений и спрогнозировать их дальнейшее развитие.

Ключевые слова: Вьетнам, Китай, американо-китайское противостояние, китайско-вьетнамские отношения, Сообщество единого будущего, имеющее стратегическое значение.

Автор: Бутко Александр Александрович, ведущий специалист, Центр научно-аналитической информации Института востоковедения РАН. ORCID: 0000-0001-5535-367X. E-mail: alexanderbutko27@gmail.com

Для цитирования: Бутко А.А. Маневры во вьетнамо-китайских отношениях на фоне американо-китайского противостояния в регионе // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 7—21.

A.A. Butko

Maneuvers in Vietnamese-Chinese Relations against the Background of the US-Chinese Confrontation in the Region

Abstract. The article is devoted to the assessment of dynamics and nature of relations between Vietnam and China against the background of events taking place in the region and the world. The main attention in this work is paid to a new stage of bilateral cooperation, which began with the creation of a «Community with a shared future that carries strategic significance», to the reasons for the stated deepening of interaction between Vietnam and China in the context of the US-Chinese confrontation.

Despite the publication of many works devoted to various aspects of relations between these two countries, the large dynamics of events taking place in Southeast Asia requires additional research aimed at rethinking old and revealing new trends.

The article is based on an analysis of the recent China-Vietnam joint statement (December 2023) and its comparison with other similar documents — the China-Vietnam statement of 2022, the US-Vietnam and Japan-Vietnam statements of 2023. This method allows us to more accurately assess the current state of Vietnamese-Chinese relations and predict their further development.

Keywords: Vietnam, China, the US-China confrontation, Sino-Vietnamese relations, a Community with a shared future that carries strategic significance.

Author: Butko Alexandr A., Leading Specialist, Center for Scientific and Analytical Information, Institute of Oriental Studies of RAS. ORCID: 0000-0001-5535-367X. E-mail: alexanderbutko27@gmail.com

For citation: Butko A.A. Maneuvers in Vietnamese-Chinese relations against the background of the US-Chinese confrontation in the region. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (1): 7—21.

Введение

Результаты недавнего визита в Ханой председателя КНР Си Цзиньпина вызвали в международном экспертном сообществе дискуссии по поводу вьетнамо-китайских отношений. Появилось множество публикаций с совершенно противоположными мнениями. В одних утверждается о качественном сдвиге в двустороннем взаимодействии и утопичности американских надежд на вовлечение Вьетнама в антикитайский лагерь [Пироженко 2023], в других — о политике умиротворения Пекина на фоне сближения Ханоя с Западом [Cộng đồng chia sẻ tương lai...: 14.12.2023]. В то же время вьетнамские исследователи выражают уверенность в сохранении неизменной внешней политики Ханоя по поддержанию хрупкого баланса в отношениях между Пекином и Вашингтоном [Nguyen Khac Giang: 18.12.2023]. Это мнение созвучно видению ситуации частью западных экспертов, которые отмечают одновременный всплеск взаимодействия Вьетнама с Китаем и США [Strangio: 08.12.2023; Kurlantzick: 12.12.2023 и др.].

В России отношениям двух стран посвящено множество работ, среди которых можно выделить статьи сотрудников ИКСА РАН [Бабаев 2023], Института Хо Ши Мина СПбГУ [Колотов 2020], ИВ РАН [Мосяков, Шпаковская, Чанг Ву Тхуи 2019]. Большинство из них раскрывает политические взаимоотношения Вьетнама и Китая с акцентом на территориальные споры в контексте меняющегося геополитического расклада в регионе. Однако стремительная динамика происходящих в Юго-Восточной Азии процессов требует непрерывного переосмысления ранее выделенных и выявления новых тенденций для более точного прогнозирования развития ситуации в регионе.

В представленной статье на основе анализа недавнего совместного заявления лидеров двух стран и его сравнения с другими аналогичными документами — китайско-вьетнамским заявлением 2022 г., американо-вьетнамским и японо-вьетнамским заявлениями 2023 г. — предпринята попытка оценить динамику и характер развития отношений между СРВ и КНР на фоне происходящих в регионе и мире событий. Основное внимание уделено объяснению смысла заявленного перехода к новому этапу сотрудничества, характеризуемого построением вьетнамо-китайского «Сообщества единого будущего, имеющего стратегическое значение».

Китайско-вьетнамское совместное заявление

По итогам переговоров председателя КНР Си Цзиньпина с высшим партийно-государственным руководством СРВ, состоявшихся 12–13 декабря 2023 г. в Ханое, стороны опубликовали совместное заявление [Toàn văn Tuyên bố chung

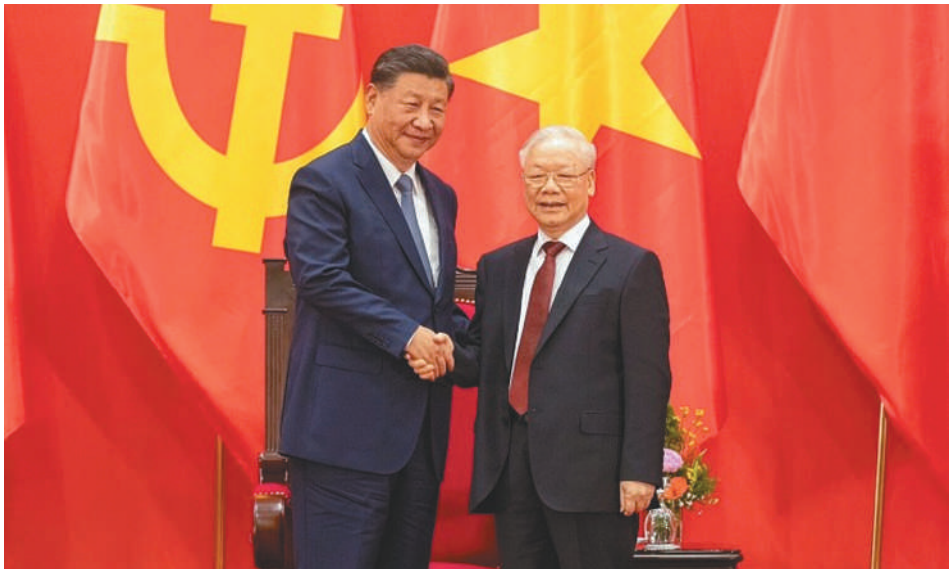

Рис. 1. Председатель КНР Си Цзиньпин и Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг. Ханой, 13 декабря 2023 г.

Фото: Зянг Нгок.

Việt Nam — Trung Quốc...: 13.12.2023] (рис. 1). Так как визит китайского лидера последовал, с одной стороны, за посещением Пекина генеральным секретарем ЦК КПВ Нгуен Фу Чонгом (30 окт. — 1 нояб. 2022 г.), а с другой — за поездкой в Ханой президента США Джо Байдена (10—11 сент. 2023 г.), а также визитом в Токио президента Вьетнама Во Ван Тхьонга (27—30 нояб. 2023 г.), то правильно было бы комментировать заявление, сравнивая его с аналогичными документами, сделанными по итогам трех других вышеуказанных встреч [Toàn văn Tuyên bố chung Việt Nam — Trung Quốc...: 01.11.2022; Toàn văn Tuyên bố chung Việt Nam — Hoa Kỳ...: 11.09.2023; Joint Statement on the Elevation of the Japan — Viet Nam Relations...: 27.11.2023]. В этом случае интересными представляются различия в их содержании, которые позволяют оценить характер развития китайско-вьетнамских отношений.

Политический аспект

Оба китайско-вьетнамских заявления отражают намерения по дальнейшему укреплению и углублению отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства. При этом в последнем говорится о новом этапе их развития, который характеризуется построением «Сообщества единого будущего, имеющего стратегическое значение» («Cộng đồng chia sẻ tương lai Việt Nam — Trung Quốc có ý nghĩa chiến lược»). В китайских и вьетнамских СМИ, публикующих материалы на английском языке, также было использовано это название («Community with a shared future that carries strategic significance») [China, Vietnam jointly build «a shared future»...: 14.12.2023]. В документе заявлено о необходимости развития отношений «в соответствии с Уставом ООН, международным правом, основополагающими нормами международных отношений, на основе принципов взаимоуважения, взаимной выгоды, равенства, уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности друг друга, а также приверженности решению споров мирным путем».

Использование слова «будущее» вместо «судьбы» привело к появлению противоречивых взглядов на вопрос поддержки Ханоем концепции «Сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ, «Cộng đồng chung vận mệnh» или «Community of common destiny»). В 2022 г. стороны хоть и не упоминали о ней, однако подчеркивали общность судьбы двух стран («Hai bên ... chia sẻ vận mệnh chung»). Если признать, что Вьетнам согласился с китайской инициативой, то необходимо сделать ряд оговорок. Различия в названиях и ссылка на международное право свидетельствуют о попытке Ханоя подчеркнуть свою независимость, а также твердую позицию по проблеме территориальных споров в Южно-Китайском море (ЮКМ).

Аналогичный подход наблюдается в ходе китайско-вьетнамского взаимодействия в инфраструктурной сфере. Совместные проекты осуществляются во Вьетнаме не в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), а под эгидой вьетнамской концепции развития приграничных торгово-экономических связей «Два экономических коридора — один пояс» (первый коридор — китай-

ский г. Куньмин провинции Юньнань, вьетнамская провинция Лаокай, г. Ханой, г. Хайфон и провинция Куангнинь; второй коридор — китайский г. Наньнин Гуанси-Чжуанского автономного района, вьетнамская провинция Лангшон, г. Ханой, г. Хайфон; Тонкинский экономический пояс включает в себя 14 северовьетнамских провинций и три китайские административные единицы — Гуанси-Чжуанский автономный район, провинцию Гуандун и островную провинцию Хайнань). В совместных заявлениях по итогам встреч говорится не о вхождении второй инициативы в первую, а об их сопряжении [Терских 2019: 167]. С учётом того, что ОПОП является важнейшей практической платформой КНР для продвижения СЕСЧ, использование Ханоем своего видения симптоматично.

Здесь же следует отметить неразрывную связь концепции СЕСЧ с тремя другими важными китайскими идеями — Инициативами глобального развития (ИГР), глобальной безопасности (ИГБ) и глобальной цивилизации (ИГЦ), призванными утвердить лидирующую роль КНР в мире. Продвижение этих идей отражает высший уровень борьбы, который ведется не за ресурсы или коммуникации, а за установление правил или норм, соответствующих интересам и ценностям китайского народа, что является вызовом монополии Запада в этой области. При этом если ИГР и ИГБ утверждают принципы международных отношений и международной безопасности [Верченко 2022: 75; Петровский 2023: 14—16], то ИГЦ отстаивает право разных цивилизаций по-своему трактовать те или иные ценности (например, права человека) [Си Цзиньпин принял участие...: 16.03.2023], тем самым выступая против навязывания одними странами своих ценностей другим или, иными словами, против вмешательства одних государств во внутренние дела других. Это является не чем иным, как ударом по основам гегемонии Запада. Продвигая такие инициативы, китайское руководство следует философии древнекитайского полководца Сунь-цзы, который в известном трактате «Законы войны» утверждал, что лучше победить, не сражаясь, то есть разбить замыслы противника и его связи [Хо Ши Мин 2022: 61].

Каково же отношение Ханоя к этим китайским инициативам? В совместном заявлении 2022 г. Вьетнам поддержал и выразил готовность участвовать в ИГР, а также признал ИГБ в соответствии с принципами Устава ООН (ИГЦ была выдвинута в 2023 г.). В документе 2023 г. Ханой, поддержав все три инициативы, уже выразил готовность участвовать в конкретных проектах ИГР, изучить возможность сотрудничества в рамках ИГБ (совместно с китайской стороной) и ИГЦ. Таким образом, Ханой пошел на некоторые уступки в отношении китайских глобальных инициатив.

Смягчение формулировок также произошло по менее масштабным, однако все же важным для мира вопросам. Так, если в 2022 г. Вьетнам поддержал только подачу Китаем заявки на присоединение к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнерстве, то через год — уже само китайское участие в этом торговом соглашении. В части, касающейся суверенитета и территориальной целостности КНР, в 2023 г. Ханой снова подтвердил приверженность политике «одного Китая», признал Тайвань неотъемлемой частью КНР и выступил против любых действий, направленных на обеспечение независимости острова. Помимо этого, в последнем документе было добавлено, что Вьетнам

признает проблемы Гонконга, Синьцзяна и Тибета внутренним делом Китая, а также выражает уверенность, что под руководством партии и правительства КНР на этих территориях будут достигнуты стабильность и процветание.

Аспект безопасности

Обе страны снова подтвердили намерения развивать отношения в соответствии с формулой «16 иероглифов» (добрососедство, всестороннее сотрудничество, долгосрочная стабильность, устремленность в будущее) в духе «четырёх хорошо» (хорошие соседи, хорошие друзья, хорошие товарищи, хорошие партнеры). Эти выражения, принятые на рубеже веков, лежат в основе межгосударственного общения двух стран [Мурашева 2006: 218]. При этом в Заявлении 2023 г. они подчеркнули стратегическую значимость двустороннего взаимодействия: Китай назвал Вьетнам «приоритетным направлением дипломатии соседства», а Вьетнам подтвердил, что считает китайско-вьетнамские отношения «главным приоритетом своей независимой, самостоятельной, многосторонней и диверсифицированной внешней политики», что является «стратегическим выбором двух сторон». В то же время в документах отсутствуют признаки смягчения главной проблемы двусторонних отношений — территориальных споров в Южно-Китайском море. Стороны подтвердили намерения продолжать поиск долгосрочных и приемлемых для всех решений этого вопроса, а до этого — держать развитие противоречий под контролем, не предпринимать действий, усложняющих ситуацию и усугубляющих споры, совместно поддерживать стабильность на море.

Оценивать вышесказанное необходимо с учетом поднятия уровней отношений между Вьетнамом и потенциальными противниками Китая — США (сразу на две ступени до «всеобъемлющего стратегического партнёрства во имя мира, сотрудничества и устойчивого развития»), Японией (до «всеобъемлющего стратегического партнёрства во имя мира и процветания в Азии и во всем мире») и Австралией (до «всеобъемлющего стратегического партнёрства») [Joint statement on the elevation...: 07.03.2024]¹. Например, в части американо-вьетнамского совместного заявления, касающейся ситуации в ЮКМ, руководители СРВ и США выразили поддержку свободы судоходства на море и полетов над ним, уважение суверенитета и юрисдикции каждого прибрежного государства в отношении его исключительной экономической зоны и континентального шельфа. Аналогичная позиция имеется в японо-вьетнамском документе, в котором стороны заявили об обеспокоенности ситуацией в ЮКМ, выступив против односторонних силовых попыток изменения статус-кво.

В условиях обострения противостояния между КНР, с одной стороны, США и их союзниками, с другой (ареной которого является ЮКМ), дальнейшее укрепление китайско-вьетнамских отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства позволяет сделать ряд выводов. С одной стороны, оно отражает намерения Пекина в какой-то степени компенсировать увеличение влияния США

¹ См. полный текст заявления СРВ и Австралии от 7 марта по этому поводу в разделе «Документы» данного номера журнала.

на СРВ. С другой — говорит о стремлении Ханоя продемонстрировать приверженность развитию добрососедских отношений с КНР после недавнего поднятия уровня взаимодействия с США, Японией, а затем и с Австралией. Представляется, что растущие опасения Вьетнама о судьбе территориальных споров в ЮКМ толкают его на сближение с США. При этом Вьетнам делает все, чтобы «не расстроить Китай» своим движением к США, а Китай — все, чтобы «не отпускать» Вьетнам далеко. Обе стороны, по тем или иным причинам предпринимая действия, усугубляющие противоречия в отношениях друг с другом, пытаются не допустить их ухудшения, так как это нанесет значительный ущерб интересам двух стран.

На фоне возрастания разногласий по территориальным спорам в ЮКМ, угрожающих внешней безопасности двух стран, наблюдается усиление координации в области обеспечения внутренней безопасности. Подтверждено намерение расширять сотрудничество в деле предотвращения «мирной трансформации» (политического разложения социалистической системы мирными средствами) и «цветных революций» (смены власти под напором массовых уличных протестов, управляемых и финансируемых из-за рубежа). С этой целью стороны в 2023 г. договорились установить горячую линию связи между министрами общественной безопасности, а также запустить механизм диалога по политической безопасности на уровне заместителей министров.

В основе такой близости лежат исторически сложившиеся тесные межпартийные связи. В обоих китайско-вьетнамских заявлениях большое внимание уделено взаимному признанию легитимности правящих партий, выраженное путем перечисления их достижений и поддержки поставленных ими стратегических целей. Так, вьетнамская сторона заявила о своей уверенности, что «под твердым руководством ЦК КПК, ядром которой является товарищ Си Цзиньпин, вооружившись идеей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху, партия, правительство и народ Китая... своевременно выполняют цели и задачи XX съезда КПК и успешно достигнут цели второго столетия, построят сильную, демократическую, гармонизированную и современную социалистическую державу». В то же время китайское руководство выразило убежденность, что «под верным руководством ЦК КПВ, возглавляемым Нгуен Фу Чонгом, партия, государство и народ Вьетнама непременно выполняют большие цели и задачи, сформулированные XIII съездом КПВ, построят к 2045 г. развитое государство с высоким уровнем доходов и социалистической ориентацией».

Получается, что, стремясь заручиться поддержкой США по проблеме ЮКМ, Вьетнам рассчитывает на помощь КНР в противодействии вмешательству в свои внутренние дела «вражеских, реакционных сил», под которыми нетрудно разглядеть США. О таких опасениях Ханоя свидетельствует утверждение в качестве одного из принципов американо-вьетнамских отношений «уважения политических институтов друг друга», упомянутое в совместном заявлении, призванном поднять уровень отношений. В данном случае можно говорить о разнонаправленном влиянии двух факторов развития китайско-вьетнамских отношений — национального (пересечение национальных интересов способствует расхождению стран) и идеологического (тесные межпартийные связи способствуют сближе-

нию стран, а также преодолению кризисных ситуаций в двусторонних отношениях) [Ха Ле Тхань Чунг, Чинь Куок Винь, Писарев 2023: 190].

В условиях, когда два ключевых экономических партнера одновременно являются источниками двух главных вызовов в области безопасности — территориальных споров и подрывной деятельности, единственным адекватным ответом вьетнамского руководства может стать ограничение развития отношений с ними в чувствительных сферах за счет наращивания такого сотрудничества с третьими странами. Одним из таких государств выступает Япония, что объясняется достаточной близостью стратегических интересов двух стран. Оба государства обеспокоены растущим влиянием КНР и обострением споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Токио рассматривает развитие отношений с Ханоем в качестве важного шага в реализации концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». В свою очередь, Вьетнам заинтересован в повышении своей безопасности за счет развития военных и военно-технических связей с другими государствами [Мазырин 2023: 141].

Помимо активного развития экономической сферы, как основы взаимодействия Токио и Ханоя (Япония является для Вьетнама крупнейшим донором официальной помощи в целях развития и одним из главных торгово-инвестиционных партнеров), стороны уделяют все больше внимания проблемам безопасности. Так, в 2011 г. военные ведомства двух государств подписали Меморандум о двустороннем сотрудничестве и обменах в области обороны, что заложило основы их взаимодействия на различных уровнях. С 2012 г. стартовал диалог по политике в области безопасности. После произошедшего в 2014 г. инцидента с заходом буровой установки КНР в спорные районы ЮКМ Япония начала передавать на безвозмездной основе Вьетнаму ранее бывшие в эксплуатации патрульные суда Управления рыболовства и коммерческие рыболовные суда, которые переоборудовались в корабли вьетнамских сил морской полиции (ВСМП). В 2016 г. корабли морских сил самообороны Японии (МССЯ) впервые зашли в порт Дананг, а в 2018 г. визит туда совершила уже подводная лодка МССЯ. В 2020 г. японское Агентство по международному сотрудничеству и правительство СРВ заключили соглашение о финансировании на льготных условиях постройки шести патрульных кораблей для нужд ВСМП (последний из них должен быть передан в 2025 г.). В 2021 г. министры обороны двух стран подписали соглашение, предусматривающее поставку во Вьетнам японского вооружения и военных технологий [Киреева 2021: 8—11].

Исходя из вышеуказанной тенденции развития отношений между двумя странами, а также по стратегическим соображениям Вьетнам вскоре может стать участником японской программы предоставления помощи в сфере безопасности («Official security assistance»), запущенной в 2023 г. и направленной на повышение безопасности Японии за счет развития военного потенциала стран-партнеров. Ханой рассматривается Токио в качестве одного из наиболее перспективных участников программы, что определяется его стратегическим расположением и остротой противоречий с КНР. Это нашло свое отражение в совместном заявлении о поднятии уровня отношений, где сказано о поручении соответствующим ведомствам провести соответствующие переговоры.

Экономический аспект

Анализ экономической части двух китайско-вьетнамских заявлений также позволяет сделать ряд важных выводов. Основное внимание в них уделено развитию транспортной инфраструктуры. Если в документе 2022 г. упоминается о строительстве только одной железнодорожной линии (Лаокай—Ханой—Хайфон), то в следующем — о еще двух (Донгданг—Ханой и Монгкай—Халонг—Хайфон). Развитие транспортной инфраструктуры на севере страны отвечает интересам Вьетнама. По некоторым оценкам, СРВ обеспокоена уменьшением своей роли в качестве коридора, соединяющего Китай со странами АСЕАН. Причиной этого является реализация КНР масштабных транспортных проектов в Лаосе (запуск в 2021 г. 414-километровой железной дороги Ботен — Вьентьян, обеспечившей за первый год работы транспортировку 11,2 млн т грузов, что вдвое больше показателя всей железнодорожной сети Вьетнама, равного 5,7 млн т), и Камбодже (планируемый 180-километровый канал, который сделает реку Меконг судоходной на всем протяжении до Сиамского залива Южно-Китайского моря) [Hoang Thi Ha: 14.12.2023]. Возникает вопрос, совпадают ли интересы КНР и Вьетнама в данной сфере.

При этом в китайско-вьетнамских заявлениях отсутствуют какие-либо упоминания о редкоземельных металлах (РЗМ) или полупроводниковых приборах (ПП), что с учётом растущей роли последних в мировой экономике и американо-китайском противостоянии может говорить о противоречиях в интересах двух стран. В то же время именно эта сфера стала недавно ключевым направлением американо-вьетнамского сотрудничества. В документе о повышении уровня отношений с США отмечен большой потенциал Вьетнама стать ключевым центром развития мировой полупроводниковой промышленности, заявлено о координации действий по повышению позиций Вьетнама в глобальной цепочке поставок ПП, а также о сотрудничестве по подготовке высококвалифицированной рабочей силы.

Вьетнам занимает второе и шестое места по объемам предполагаемых запасов (22 млн т) и добыче (4,3 тыс. т) РЗМ. Лидером в обоих показателях является Китай (44 млн т и 210 тыс. т соответственно), который также доминирует на всех этапах производства РЗМ (на КНР приходится 70 % мировой добычи руд РЗМ и 85 % мощностей по их переработке). К концу десятилетия Вьетнам планирует увеличить ежегодный объем добываемой руды РЗМ до 2,02 млн т, что значительно больше аналогичного показателя 2022 г., равного 4,3 тыс. т. Добыча РЗМ связана с планами по их переработке. К 2030 г. Вьетнам намерен производить 20—60 тыс. т оксидов РЗМ в год [Việt Nam dự kiến khai thác...: 27.07.2023]. В соответствии с договоренностями, достигнутыми по итогам визита во Вьетнам американского президента, Вашингтон окажет поддержку Ханюю в оценке запасов редкоземельных металлов, экономическом обосновании и привлечении инвестиций в их добычу и обработку. Помимо этого США будут содействовать развитию предприятий, занятых в проектировании и производстве (сборке) ПП. По утверждению представителя делового совета США—АСЕАН во Вьетнаме Ву Ту Тхэня, страна испытывает дефицит инженеров в сфере производства ПП. По его

оценкам, в настоящее время их численность составляет от 5 до 6 тыс. человек, в то время как ожидаемая потребность составит 20 и 50 тыс. человек через 5 и 10 лет соответственно [Engineer shortage...: 01.09.2023]. Помощь США в преодолении кадрового дефицита Вьетнама очень важна.

С учётом стремления Ханоя к технологической модернизации американская помощь будет способствовать становлению и развитию системы предприятий, занятых в сфере добычи и обработки РЗМ, а также проектирования и производства (сборки) ПП, связанных с аналогичными предприятиями в США. Это отвечает интересам Вашингтона и их союзников по созданию независимой от Пекина цепочки создания стоимости высокотехнологичной продукции.

Международный контекст

Развитие вьетнамо-китайских отношений происходит на фоне роста центробежных тенденций внутри АСЕАН, усиливаемых американо-китайским соперничеством. Этому способствует долгосрочная политика самой организации по вовлечению в дела региона как можно большего числа международных игроков, что позволяет ей получать наибольшие экономические выгоды от балансирования во взаимоотношениях между ними. Однако, несмотря на усилия по сохранению политико-экономической субъектности, они подрываются реализацией США, КНР и другими игроками конкурирующих макрорегиональных проектов, в которых АСЕАН отводится хотя и важная, но не главная роль. Это сказывается на всех членах организации.

Основными болевыми точками региона, используемыми внешними игроками для наращивания влияния в ЮВА, являются: территориальные споры в ЮКМ, ситуация в Мьянме, споры вокруг использования ресурсов реки Меконг. Интенсификация вовлечения внешних игроков в эти проблемы подвергает эрозии единство АСЕАН. Это наглядно проявилось на саммите организации в сентябре 2023 г. Например, несмотря на обострение территориальных споров в ЮКМ, страны смогли согласовать между собой довольно мягкую позицию по их урегулированию. В итоговом заявлении саммита без упоминания Китая отмечена обеспокоенность лишь некоторых государств-членов ситуацией в ЮКМ, а также выражена приверженность разработке Кодекса поведения в ЮКМ [Chairman's Statement... 2023]. По мнению многих экспертов, хотя заинтересованные стороны и наметили принятие кодекса к 2026 г., тянущиеся уже более 20 лет переговоры по этому вопросу вряд ли завершатся успехом. Соответственно, отсутствие согласованной позиции АСЕАН, удовлетворяющей участников территориальных споров, будет только способствовать переносу решения вопроса ЮКМ на другие площадки.

Другими словами, эрозия единства АСЕАН будет толкать отдельные страны ЮВА к поиску решений собственных проблем за счет сотрудничества с внерегиональными силами. Именно это отчетливо проявляется во внешней политике Вьетнама, активно сближающегося с главным противовесом Китая — США. Вероятно, с целью избежать чрезмерного вовлечения в американо-китайское про-

тивостояние СРВ будет наращивать взаимодействие в чувствительных сферах с третьими сторонами. В то же время следует отметить, что такие страны, как Япония, Республика Корея, Австралия хоть и рассматриваются в Юго-Восточной Азии в качестве нейтральных, однако все же принадлежат к американскому лагерю. Все большая поляризация международного политического пространства уменьшает возможности стран ЮВА для маневрирования.

Заключение

В целом анализ принятого лидерами КНР и СРВ заявления с учетом международной обстановки в регионе показывает движители и ограничители развития отношений между сторонами. Пекин и Ханой наращивают взаимодействие до стратегического уровня для обеспечения своих интересов, в то же время эти интересы, как часто бывает у соседних государств, пересекаются. Посредством объявления о новом этапе развития отношений (т. е. о построении «Сообщества единого будущего, имеющего стратегическое значение») Китай стремится предупредить чрезмерное вовлечение Вьетнама в орбиту американского влияния. Последний же, стремясь занять наиболее выгодное положение в претерпевающей большие изменения системе международных отношений, пытается не спровоцировать своими действиями дополнительную напряженность в отношениях с Китаем.

Вышеуказанный вывод сделан при том допущении, что вьетнамское руководство в целом способно оставаться национально-ориентированным, стремиться к проведению независимой внешней политики, находясь на равном удалении от всех центров силы. В этом случае шаги в сторону США можно интерпретировать как реакцию на увеличивающееся влияние КНР, на поиск новой точки равновесия. Вместе с тем восприятие той или иной ситуации как равновесной является достаточно субъективным, что отчасти и обуславливает различия в оценках внешнеполитического курса Вьетнама (помимо ангажированности источников таких суждений) и создает поле для дискуссий.

Исходя из вышесказанного, понятно, что Вьетнам может действовать в ограниченном коридоре возможностей, границы которого во многом зависят от нахождения компромисса с Китаем. Расширению таких возможностей будет способствовать развитие сотрудничества с третьими странами.

Дата поступления статьи: 16.01.2024

Дата поступления в переработанном виде: 13.03.2024

Принята к печати: 17.03.2024

Received: January 16, 2024

Received in revised form: March 13, 2024

Accepted: March 17, 2024

Список литературы

Бабаев К.В. Проблемы и перспективы вьетнамо-китайских отношений на современном этапе // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7. № 3-2. С. 5—17.

Верченко А.Л. Китайская концепция «Сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27. С. 71—83.

Законы войны Сунь-цзы. 1945—1946 / пер. с вьет., сост. и коммент. В. Н. Колотова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. 224 с.

Киреева А.А. Стратегическое партнёрство Японии и Вьетнама: интересы и ограничители // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 6—25.

Колотов В.Н. Между Пекином и Вашингтоном: основные политические и экономические параметры вьетнамско-китайских отношений на современном этапе // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 47—56.

Мазырин В.М. Сближение Вьетнама с Японией: этапы, факторы и сферы // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7. № 4. С. 135—141.

Мурашева Г.Ф. Вьетнам и Китай в 2005 году // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2006. № 9. С. 217—236.

Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Чанг Ву Тхуи. Вьетнам и его отношения с Китаем, США и Россией // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 2. № 4 (45). С. 124—134.

Петровский В.Е. «Инициатива в области глобальной безопасности» глазами китайских политологов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. № 28. С. 11—19.

Пироженко В. Китай и Вьетнам переводят сотрудничество на новый качественный уровень // Фонд стратегической культуры. 16.12.2023. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2023/12/16/kitay-i-vietnam-perevodyat-sotrudnichestvo-na-novyyu-kachestvennyu-uroven.html>

Си Цзиньпин принял участие в диалоге между КПК и другими политическими партиями мира и выдвинул Инициативу глобальной цивилизации // Синьхуа. 16.03.2023. URL: <https://russian.news.cn/20230316/a2bc0c83102e4cdea489909f82693a4d/c.html>

Терских М.А. «Один пояс, один путь»: взгляд из Вьетнама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 1. № 2 (43). С. 166—171.

Ха Ле Тхань Чунг, Чинь Куок Винь, Писарев И.И. О роли идеологии во вьетнамско-китайских отношениях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Том 2. № 2 (59). С. 182—197.

Хо Ши Мин. Законы войны Сунь-цзы. 1945—1946 / пер. с вьет., сост. и коммент. В.Н. Колотова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. 224 с.

Chairman's Statement of the 43th ASEAN Summit. Jakarta, 5 September 2023 // ASEAN: official website. 2023. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/09/CHAIRMAN-STATEMENT-OF-THE-43RD-ASEAN-SUMMIT-FIN.pdf>

China, Vietnam jointly build «a shared future» of peace, prosperity, defying Western smearing // Global Times. 14.12.2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1303691.shtml>

Cộng đồng chia sẻ tương lai với Trung Quốc chỉ là cái vỏ rỗng? [Сообщество единого будущего является лишь пустой формой?] // Voice of America. 14.12.2023. URL: <https://www.voatiengviet.com/a/cong-dong chia-se-tuong-lai-voi-trung-quoc-chi-la-cai-vo-rong-/7396673.html> (На вьет. яз.)

Engineer shortage may harm US plan to turn Vietnam into chips powerhouse // Reuters. 01.09.2023. URL: <https://www.reuters.com/technology/engineer-shortage-may-harm-us-plan-turn-vietnam-into-chips-powerhouse-2023-08-31/>

Hoang Thi Ha. Late to the Party: Vietnam and the Belt and Road Initiative // FULCRUM. 14.12.2023. URL: <https://fulcrum.sg/late-to-the-party-vietnam-and-the-belt-and-road-initiative/>

Joint Statement on the Elevation of the Japan-Viet Nam Relations to the Comprehensive Strategic Partnership for Peace and Prosperity in Asia and the World // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 27.11.2023. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100587102.pdf>

Joint Statement on the Elevation to a Comprehensive Strategic Partnership between Vietnam and Australia // Prime-minister of Australia. 07.03.2024. URL: <https://www.pm.gov.au/media/joint-statement-elevation-comprehensive-strategic-partnership-between-vietnam-and-australia#:~:text=Mr.,from%207%2D9%20March%202024.>

Kurlantzick J. Xi Jinping and Joe Biden Compete to Win Over Vietnam, the Region's Critical Partner // The Council on Foreign Relations. 12.12.2023. URL: <https://www.cfr.org/blog/xi-jinping-and-joe-biden-compete-win-over-vietnam-regions-critical-partner>

Nguyen Khac Giang. Xi Jinping in Hanoi: Courting for a Common Destiny? // FULCRUM. 18.12.2023. URL: <https://fulcrum.sg/xi-jinping-in-hanoi-courting-for-a-common-destiny/>

Strangio S. China's Leader Xi Jinping to Visit Vietnam Next Week // The Diplomat. 8.12.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/12/chinas-leader-xi-jinping-to-visit-vietnam-next-week/>

Toàn văn Tuyên bố chung Việt Nam — Hoa Kỳ về nâng cấp quan hệ lên đối tác chiến lược toàn diện [Полный текст совместного заявления СРВ и США о повышении уровня отношений до всеобъемлющего стратегического партнерства] // Cổng thông tin điện tử Chính phủ. 11.09.2023. URL: <https://xaydungchinhhsach.chinhphu.vn/toan-van-tuyen-bo-chung-ve-nang-cap-quan-he-viet-nam-ho-a-ky-len-doi-tac-chien-luoc-toan-dien-119230911120518326.htm> (На вьет.яз.)

Toàn văn Tuyên bố chung Việt Nam — Trung Quốc [Полный текст совместного заявления СРВ и КНР] // Báo Điện tử Chính phủ. 01.11.2022. URL: <https://baochinhphu.vn/toan-van-tuyen-bo-chung-viet-nam-trung-quoc-102221101184708373.htm> (На вьет.яз.)

Toàn văn Tuyên bố chung Việt Nam — Trung Quốc [Полный текст совместного заявления СРВ и КНР] // Tuổi Trẻ. 13.12.2023. URL: <https://tuoitre.vn/toan-van-tuyen-bo-chung-viet-nam-trung-quoc-20231213160108685.htm> (На вьет.яз.)

Việt Nam dự kiến khai thác hơn 2 triệu tấn đất hiếm mỗi năm [Вьетнам планирует добывать более 2 млн т редкоземельных металлов ежегодно] // Vietnambiz. 27.07.2023. URL: <https://vietnambiz.vn/viet-nam-du-kien-khai-thac-hon-2-trieu-tan-dat-hiem-moi-nam-202372514523359.htm> (На вьет.яз.)

References

Babaev, K.V. (2023) Problemy i perspektivy v'etnamo-kitajskix otnoshenij na sovremennom e'tape [Problems and Prospects of Contemporary Vietnam—China Relations]. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 7 (3-2): 5—17. (In Russian)

Chairman's Statement of the 43th ASEAN Summit. Jakarta, 5.09.2023. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/09/CHAIRMAN-STATEMENT-OF-THE-43RD-ASEAN-SUMMIT-FIN.pdf>

China, Vietnam jointly build «a shared future» of peace, prosperity, defying Western smearing. *Global Times*, 14.12.2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1303691.shtml>

Cộng đồng chia sẻ tương lai với Trung Quốc chỉ là cái vỏ rỗng? [Is the Community of shared future just an empty form?]. *Voice of America*, 14.12.2023. URL: <https://www.voatiengviet.com/a/cong-dong-chia-se-tuong-lai-voi-trung-quoc-chi-la-cai-vo-rong-/7396673.html> (In Vietnamese)

Engineer shortage may harm US plan to turn Vietnam into chips powerhouse. *Reuters*, 01.09.2023. URL: <https://www.reuters.com/technology/engineer-shortage-may-harm-us-plan-turn-vietnam-into-chips-powerhouse-2023-08-31/>

Ha Le Thanh Trung, Trinh Quoc Vinh, Pisarev, I.I. (2023) O roli ideologii vo v'etnamsko-kitajskix otnosheniyax [The role of ideology in Vietnam-China relations]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [South East Asia: Actual problems of Development], № 2 (59): 182—197. (In Russian)

Ho Chi Minh (2022). *Zakony vojny Sun'-czy. 1945—1946* / per. s v'et., sost. i komment. V.N. Kolotova [*Sun Tzu's Laws of War. 1945—1946*. Trans. from Vietnamese, comp. and comment. V.N. Kolotov]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 224 s. (In Russian)

Hoang Thi Ha (2023). Late to the Party: Vietnam and the Belt and Road Initiative. *FULCRUM*, December 14. URL: <https://fulcrum.sg/late-to-the-party-vietnam-and-the-belt-and-road-initiative/>

Joint Statement on the Elevation of the Japan-Viet Nam Relations to the Comprehensive Strategic Partnership for Peace and Prosperity in Asia and the World. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, 27.11.2023. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100587102.pdf>

Joint Statement on the Elevation to a Comprehensive Strategic Partnership between Vietnam and Australia. *Prime-minister of Australia*, 07.03.2024. URL: <https://www.pm.gov.au/media/joint-statement-elevation-comprehensive-strategic-partnership-between-vietnam-and-australia#:~:text=Mr.,from%207%2D9%20March%202024>

Kireeva, A.A. (2021) Strategicheskoe partnyorstvo Yaponii i V'etnama: interesy` i ogranichiteli [Japan — Vietnam Extensive Strategic Partnership: Interests and Constraints]. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5(4): 6—25. (In Russian)

Kolotov, V.N. (2020) Mezhdru Pekinom i Vashingtonom: osnovny`e politicheskie i e`konomicheskie parametry` v`etnamsko-kitajskix otnoshenij na sovremennom e`tape [Between Beijing and Washington: the main political and economic parameters of Vietnam–China relations at the present stage]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]*, 2: 47—56. (In Russian)

Kurlantzick, J. Xi Jinping and Joe Biden Compete to Win Over Vietnam, the Region's Critical Partner. *The Council on Foreign Relations*, 12.12.2023. URL: <https://www.cfr.org/blog/xi-jinping-and-joe-biden-compete-win-over-vietnam-regions-critical-partner>

Murasheva, G.F. (2006) V'etnam i Kitaj v 2005 godu [Vietnam and China in 2005]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'ny`e problemy` razvitiya [South East Asia: Actual problems of Development]*, 9: 217—236. (In Russian)

Mazyrin, V.M. (2023) Sblizhenie V'etnama s Yaponiej: e`tapy`, faktory` i sfery` [Vietnam's rapprochement with Japan: stages, factors and areas]. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 7 (4): 135—141. (In Russian)

Mosyakov, D.V., Shpakovskaya, M.A., Trang Vu Thuy. (2019) V'etnam i ego otnosheniya s Kitaem, SShA i Rossiej [Vietnam and its relations with China, the United States and Russia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'ny`e problemy` razvitiya [South East Asia: Actual problems of Development]*, 4 (45): 124—134. (In Russian)

Nguyen Khac Giang. Xi Jinping in Hanoi: Courting for a Common Destiny? *FULCRUM*, 18.12.2023. URL: <https://fulcrum.sg/xi-jinping-in-hanoi-courting-for-a-common-destiny/>

Petrovsky, V.E. (2023) «Iniciativa v oblasti global'noj bezopasnosti» glazami kitajskix politologov ["Global Security Initiative" as seen by Chinese political scholars]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics (History and Modernity)]*, 28: 11—19. (In Russian)

Pirozhenko, V. (2023) Kitaj i V'etnam perevodyat sotrudnichestvo na novy`j kachestvenny`j uroven` [China and Vietnam are taking cooperation to a new qualitative level]. *Fond strategicheskoy kul'tury` [Strategic Culture Foundation]*, January 16. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2023/12/16/kitaj-i-vetnam-perevodyat-sotrudnichestvo-na-novyj-kachestvennyj-uroven.html>. (In Russian)

Si Czzin'pin prinyal uchastie v dialoge mezhdru KPK i drugimi politicheskimi partiyami mira i vy`dvinul Inicijativu global'noj civilizacii [Xi Jinping took part in the dialogue between the CPC and other political parties of the world and put forward the Global Civilization Initiative]. *Xinhua*, 16.03.2023. URL: <https://russian.news.cn/20230316/a2bc0c83102e4cdea489909f82693a4d/c.html> (In Russian)

Strangio, S. China's Leader Xi Jinping to Visit Vietnam Next Week. *The Diplomat*, 08.12.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/12/chinas-leader-xi-jinping-to-visit-vietnam-next-week/>

Terskih, M.A. (2019) «Odin poyas, odin put'»: vzglyad iz V'etnama [One belt, one road: view from Vietnam]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'ny'e problemy' razvitiya* [South East Asia: Actual problems of Development], 2 (43): 166—171. (In Russian)

Toàn văn Tuyên bố chung Việt Nam — Hoa Kỳ về nâng cấp quan hệ lên đối tác chiến lược toàn diện [The full text of the joint statement of Vietnam and the United States on raising the level of relations to a comprehensive strategic partnership]. *Cổng thông tin điện tử Chính phủ* [The electronic portal of the Government of Vietnam], 11.09.2023. URL: <https://xaydungchinhhsach.chinhphu.vn/toan-van-tuyen-bo-chung-ve-nang-cap-quan-he-viet-nam-hoa-ky-len-doi-tac-chien-luoc-toan-dien-119230911120518326.htm> (In Vietnamese)

Toàn văn Tuyên bố chung Việt Nam — Trung Quốc [The full text of the joint statement of Vietnam and China]. *Báo Điện tử Chính phủ* [Government electronic newspaper], 01.11.2022. URL: <https://baochinhphu.vn/toan-van-tuyen-bo-chung-viet-nam-trung-quoc-102221101184708373.htm> (In Vietnamese)

Toàn văn Tuyên bố chung Việt Nam — Trung Quốc [The full text of the joint statement of Vietnam and China]. *Tuổi Trẻ*, 13.12.2023. URL: <https://tuoitre.vn/toan-van-tuyen-bo-chung-viet-nam-trung-quoc-20231213160108685.htm> (In Vietnamese)

Verchenko, A.L. (2022) Kitajskaya koncepciya «Soobshhestva edinoj sud'by' chelovechestva» i diplomatiya pervogo licza [China's «Community of common destiny» concept and the First Person's diplomacy]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics (History and Modernity)], 27: 71—83. (In Russian)

Việt Nam dự kiến khai thác hơn 2 triệu tấn đất hiếm mỗi năm [Vietnam plans to extract more than 2 million tons of rare earth metals annually]. *Vietnambiz*, 27.07.2023. URL: <https://vietnambiz.vn/viet-nam-du-kien-khai-thac-hon-2-trieu-tan-dat-hiem-moi-nam-202372514523359.htm> (In Vietnamese)

И.Д. Калмыков

Характерные черты политической культуры современного Вьетнама

Аннотация. В статье рассматривается комплекс исторических и культурных процессов, определивших текущее состояние политической культуры Вьетнама. Автор использует определение политической культуры, предложенное Т. Парсонсом, и анализирует её основные элементы применительно к Вьетнаму. Представлены ключевые аспекты формирования политической культуры Вьетнама, современные реалии, а также оценки легитимности правления Коммунистической партии Вьетнама (КПВ). Выявлены факторы, способствующие сохранению авторитарного типа правления, рассмотрены перспективы возможной демократической трансформации.

Ключевые слова: Вьетнам, Коммунистическая партия Вьетнама (КПВ), политическая культура, демократическая трансформация, легитимность власти, гражданское общество.

Автор: Калмыков Иван Дмитриевич, магистрант, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. SPIN-код: 6850-9923. E-mail: iwankalmykow@gmail.com

Для цитирования: Калмыков И.Д. Характерные черты политической культуры современного Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 22—37.

I. D. Kalmykov

The Characteristics of Modern Vietnam Political Culture

Abstract. The article examines the complex of historical and cultural conditions which have determined the current state of Vietnam's political culture. The author uses Talcott Parsons' definition of "political culture" and analyzes its main elements in relation to Vietnam. The article presents key aspects of the formation of the political culture of Vietnam, features of the political culture of modern Vietnam, as well as views on the legitimacy of the rule of the Communist Party of Vietnam. Factors contributing to the preservation of the authoritarian political system were identified, the prospects for possible democratic transition were assessed.

Keywords: Vietnam, the Communist Party of Vietnam (CPV), political culture, democratic transformation, political legitimacy, civil society.

Author: Kalmykov, Ivan D., master student, IAAS MSU. SPIN-code: 6850-9923. E-mail: iwankalmykow@gmail.com

For citation: Kalmykov I.D. (2024) The Characteristics of the Political Culture of Modern Vietnam. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (1): 22—37.

Введение

Вьетнам остается одной из двух стран Юго-Восточной Азии, сохранивших однопартийную систему и марксизм-ленинизм в качестве господствующей идеологии¹. За стартом политики обновления «Дой мой» (декабрь 1986 г.) не последовало выраженного изменения общественно-политического строя, подобно перестройке в СССР, не была заявлена цель и всесторонней демократизации. Руководство СРВ, преобразуя экономическую действительность на рыночных принципах, сохранило социалистическую ориентацию развития страны с опорой на идеологическое наследие Хо Ши Мина. Именно это наследие, в основе которого лежат патриотические идеи строительства «богатого и процветающего» Вьетнама и «великого национального единства и сплочения» [Завещание 1990: 220—222], предопределяет особый характер формирования современной политической культуры Вьетнама.

При этом на фоне углубления процессов глобализации и интеграции Вьетнама в мировую экономику с конца XX в. большое значение имеет степень адаптивности политического руководства страны к новым реалиям.

Научный дискурс

Автор опирается на исследования отечественных специалистов-вьетнамцев: О.В. Новаковой, В.М. Мазырина, Г.Ф. Мурашевой, Е.А. Марченко и др. Также использованы работы известных иностранных экспертов по Вьетнаму — К. Тэйера [Thayer 2009], Б. Керквлиета [Kerkvliet 2010], А. Фьорда, Л. Хомутовой [Fforde, Homutova 2017, Fforde 2020], вьетнамских ученых.

В отечественной науке вопросы развития вьетнамской политической культуры подробно освещались О.В. Новаковой [Новакова 2009; 2014; 2017]. По её мнению, современная идейно-политическая база КПВ состоит из трёх компонентов: обеспечение незыблемости официальной идеологии, основанной на марксизме-ленинизме; идеологическое наследие президента Хо Ши Мина; возрождение национальных традиций. О. В. Новакова обращает внимание на значительную «перестройку ортодоксальных коммунистических взглядов» с началом политики обновления, а также восстановление морализаторских положений конфуцианской культуры как ответ руководства на сложные вызовы глобального мира, главным из которых является опасность утраты национальной идентичности.

Изучением эволюции общественных процессов во Вьетнаме занимался В.М. Мазырин [Мазырин 2009]. Он отмечает сочетание общей традиционной послушности и доверия населения к правящей элите с проявленной государственной властью способностью к политической мимикрии и эволюции, т. е. деидеологизации и качественному росту навыков управления.

Г.Ф. Мурашева, исследуя политические элиты Вьетнама в начале периода обновления, сделала вывод об их высокой способности выступать единым фрон-

¹ В Лаосе правящей является Народно-революционная партия, во Вьетнаме — Коммунистическая партия Вьетнама (КПВ).

том в поворотный момент развития страны. Отличительные черты политической культуры того времени она видит в том, что критика была направлена на курс партии и отдельные неверные решения, а не на конкретных лиц, руководство осуществлялось через консенсус, отсутствовали открытые персональные конфликты [Мурашева 2011].

Самобитные черты политической культуры Вьетнама выявила Е.А. Марченко [Марченко 2012]. Автор также провела сравнительный анализ с другими странами региона, подтвердив большую близость Вьетнама к китайскому культурному ареалу, а не к ареалу распространения индийского культурного влияния.

Западные ученые при характеристике вьетнамской политической системы делают акцент на другие черты. Так, Б. Керквлиет выделяет её респонсивно-репрессивную, т. е. двойственную сущность. Руководство готово к компромиссам до тех пор, пока это не приводит к угрозе стабильности системы. Тогда начинает работать аппарат принуждения. Также он отмечает два направления мысли среди сторонников демократизации Вьетнама: одни считают необходимым политическое участие и взаимодействие с властью в действующей однопартийной рамке для последующей демократической трансформации (акцент на респонсивном характере политической системы); другие настроены на прямую конфронтацию и переход к многопартийной системе (акцент на репрессивном характере политической системы) [Kerkvliet 2010].

А. Фьорд и Л. Хомутова в своей работе 2017 г. используют метод интервью для анализа восприятие понятия «авторитет» (uy thê, quyên uy) во вьетнамском обществе, подчеркивают необходимость укрепления авторитета КПВ в глазах вьетнамских граждан, использования новых, более эффективных методов управления.

К. Тэйер, характеризуя вьетнамский политический режим, описывает его как «мягкий авторитаризм», оценивает успешность ответных мер руководства на вызовы для легитимности однопартийной системы [Thayer 2009]. Среди исследований вьетнамских ученых-эмигрантов на схожую тему выделяется работа Ле Хонг Хиэпа. В ней автор переосмысливает причины легитимации права КПВ на монопольное правление после объединения страны в 1976 г. [Le Hong Hiep 2012].

Характерно, что эти исследователи в основном сосредоточены на изменениях политической культуры Вьетнама в конце XX в., в то время как новые процессы спустя 30 лет остаются практически без внимания. В данной статье делается попытка определить взаимосвязи между историческими традициями формирования политической культуры Вьетнама и ее текущим состоянием. Ставится задача оценки легитимности правления КПВ и потенциала демократической трансформации Вьетнама.

Формирование политической культуры Вьетнама

Следуя определению Толкотта Парсонса, политическая культура — это совокупность явлений из мира политики, на которые влияют характерные для него цивилизационные составляющие жизнедеятельности: религия, этнонациональ-

ный менталитет, достигнутые уровни развития науки и техники, образованности и т. д. [Мельвил 2004: 293]. Кроме того, рассуждая о политической культуре любой страны, необходимо учитывать влияние географического фактора и исторических условий.

Вьетнам более тысячи лет находился под китайским господством¹, соответственно была усвоена та модель мироустройства, на которую опирался Китай, — конфуцианская. В соответствии с ней император имел небесный мандат, его власть не могла оспариваться и должна была признаваться как подданными, так и чужеземцами — «варварами». В сознании вьетнамцев укоренилась идея собственной значимости и даже превосходства над соседними нациями, усилившаяся в XX в. за счет военно-политических успехов, а в XXI в. — на фоне бурного экономического роста. Чувство национальной гордости, патриотизм и одновременно почтение к носителю власти (апелляция к моральному авторитету) по-прежнему являются доминирующими чертами политической культуры.

Кроме того, в основе конфуцианского учения лежит иерархичность, также обусловившая многоступенчатую структуру традиционного вьетнамского общества. Чиновниками становились лишь те, кто сумел сдать многочисленные экзамены по китайскому образцу, поэтому понятия власти и учености были тесно взаимосвязаны. Соответственно, современная политическая культура Вьетнама принципиально отличается от западной тем, что она имеет выраженный иерархический характер. Иерархия выстраивается как во внешне- и внутривластной сфере, так и в общественном и личном сознании. Каждый индивид, встроившись в эту систему, должен приносить пользу и вносить вклад в построение «общества порядка и благополучия».

Трансформация политической традиции как элемента политической культуры имела интересную особенность. Во времена правления убежденного конфуцианца императора Минь Манга (1819—1841) печать была ограничена на основании идеи, что простолюдины вообще не способны принимать решения и не должны уметь ни писать, ни читать, не говоря уже о каком-либо политическом участии. Диалога с властью на равных быть не могло, права индивида по отношению к государству отсутствовали, отношения власть — общество были репрессивные, а не партнерские и постепенно смещались в сторону репрессивно-репрессивных (по определению Г. Крауча) [Kerkvliet 2010]. Марксизм-ленинизм модифицировал конфуцианскую концепцию, одновременно придав легитимность коллективным формам власти, которые соответствовали запросу широких слоев населения: сакральную функцию императора — посланника Неба теперь исполняет компартия. Таким образом, именно конфуцианство сформировало основы личностного поведения, взаимодействия граждан с носителями власти.

«Они не понимают, что такое демократия», — заметил Грэм Грин в своем знаменитом романе «Тихий американец». Это не образное выражение, так как перевод на вьетнамский язык даже базовой политической терминологии представляет сложность. Эквивалентов привычных нам понятий либо нет вовсе, либо

¹ Во вьетнамской исторической традиции — *Việt thuộc* (Эпоха северной зависимости).

в них заложен иной, близкий вьетнамцам смысл. Например, слово «революция» может быть дословно переведено как «смена небесного мандата»¹, «республика» как «всеобщая гармония».

Базовыми институтами традиционного вьетнамского общества являлись патриархальная семья и крестьянская община. И если роль общинного земледелия была в значительной степени утрачена с ограничением коллективных форм труда в годы обновления (а на юге оно и вовсе не получило широкого распространения), то институт семьи всё ещё устойчив и значим. Уважение к главе семьи и старшим воспитывается с рождения, например, назвать ребенка послушным будет для него наилучшей похвалой. Важную роль во вьетнамском языке играет фразоконечная частица «а», которая употребляется для выражения почтения к старшим по возрасту. Учитель во Вьетнаме обладает особым статусом: ему безусловно подчиняются, его авторитет непререкаем. Поэтому можно предположить, что вертикальный императивный характер социализации остается преобладающим и в наше время. Семья также связана с таким явлением, как культ предков.

Вьетнамские историки часто подчеркивают, что, несмотря на культурную близость с Китаем, вьетнамцы избежали ассимиляции, сумели сохранить свою самобытность и язык. Утверждается, что страна использовала метод «приобщения к культуре ради удержания независимости». Самоидентификация вьетнамцев, как и во многих других азиатских обществах, основана на традициях прошлого, которые адаптируются к современным условиям. Эти традиции являются либо полностью заимствованными из китайской культуры (что не мешает считать их исконно вьетнамскими), либо и вовсе «изобретенными», следуя определению Эрика Хобсбаума [Hobsbawm, Ranger 2012]. Также следует учитывать мифологизированность вьетнамского сознания. Так, например, даже современные вьетнамские историки приписывают основание своего государства полубогородной династии королей Хунгов². Мифологическая и научная формы знания сосуществуют, между ними не проводится четкая граница. Этот феномен общественного сознания эффективно используется политической элитой для сохранения существующего положения и не вызывает отторжения у граждан Вьетнама.

Героизация (тесно связанная с мифологичностью) — еще одна характерная черта вьетнамского сознания. Согласно французскому историку Бенуа де Трегулоде, более 60 % богов, которым поклонялись в сельских районах и деревнях, — это те, кто когда-то сражался в войнах, чтобы защитить страну [Hoang Thi Hong Ha: 26.06.2017]. Основными добродетелями героев во все времена считались их мужество в борьбе за независимость, готовность отстаивать национальные интересы и консолидировать общество. Образы этих героев сыграли важную роль в поддержании власти различных вьетнамских династий, каждая из которых уделяла внимание строительству и поддержанию храмов в их честь, чтобы заручиться поддержкой людей. Здесь выделяется имя Чан Хынг Дао, спасшего нацию от монгольских захватчиков. Люди развивали культ поклонения и распространяли

¹ Или «смена судьбы».

² Согласно легенде, вьетнамская нация произошла от феи и дракона, дети которых и есть короли Хунги.

легенды о его жизни. В XX в. он вновь стал символом сопротивления французским колониальным властям, а затем и американцам во время Второй войны Сопротивления.

Обретение независимости в 1945 г. связано с именем Хо Ши Мина — главного национального героя Вьетнама. По мнению О.В. Новаковой, его фигура в настоящее время также возводится в статус духа — покровителя нации [Новакова 2014: 65—66]. Мы наблюдаем, как события совсем недавнего прошлого вновь обрастают легендами и мифами. Это выгодно нынешнему руководству КПВ, которое пытается не допустить «культурного вакуума» и использует проверенные временем и близкие народу консолидирующие механизмы. Притом утрата независимости в колониальный период рассматривается во вьетнамской историографии как нарушение логики исторического процесса, которое было успешно преодолено благодаря усилиям Хо Ши Мина и последующих коммунистических лидеров.

Черты политической культуры современного Вьетнама

Важно отметить, что в настоящее время Вьетнам, в отличие от многих авторитарных восточных режимов, уделяет значительное внимание роли женщин как в историческом прошлом страны (каждый вьетнамец знает о восстании сестер Чынг), так и в социальном и политическом контекстах.

Гендерное равенство является важным направлением политики КПВ. Всё заметнее становится роль женщины и в политическом управлении. В 2015 г. был принят закон, согласно которому женщины должны составлять не менее 35 % от общего числа кандидатов, участвующих в выборах в высший законодательный орган власти — Национальное собрание СРВ¹. В 2016 г. его председателем впервые стала женщина — Нгуен Тхи Ким Нган. На выборах в Национальное собрание в 2011 г. женщины получили 24,4 % мест, в 2016 г. — уже 26,8 %, в 2021 г. — 30,3 % (151 место из 499) [30,26 % female deputies...: 21.06.2021].

Также немного увеличилось представительство национальных меньшинств в Национальном собрании (в 2011 г. — 15,6 %, 2016 г. — 17,3 %, 2021 г. — 17,8 %). Однако, несмотря на приоритетное внимание руководства к «инклюзивности», их роль в политическом управлении на местном уровне признается вьетнамскими исследователями недостаточной [Trinh Hoang Hong Hue 2023: 39—41].

Важным показателем развития политической культуры является способ рекрутирования политических элит. В.М. Мазырин, анализируя реалии начала XXI в., констатирует, что активное участие вьетнамцев в процессе формирования элит не входило в сферу приоритетов вьетнамских граждан: демократия западного образца еще не была ими востребована, так как для этого не созрели внутренние условия (правовая грамотность, демократический опыт) [Мазырин 2009: 231]. Возможно, это не вопрос времени, а особенность менталитета народа, не склонного к общественной самодеятельности. Западная модель рекрутирования, которая подразумевает обновление элит за счет конкурсов и альтернативных вы-

¹ Тот же закон 2015 г. определяет и минимальную квоту в 18 % для представителей этнических меньшинств.

боров, не приживается на вьетнамской политической почве. Очевидно, что и КПВ не желает допускать посягательств на свое политическое доминирование, несмотря на формальное следование верховенству закона и конституционным принципам.

Партийное руководство осуществляет «отсев» беспартийных кандидатов, и лишь немногие получают право на участие в выборах. Перед выборами в 2011 г. три депутата — демократических активиста были приговорены к тюремному заключению «в связи с угрозой государственной безопасности и антигосударственной пропагандой». В 2011 г. лишь 8,4 % выбранных депутатов Национального собрания не были представителями КПВ, в 2016 г. — 4,2 %, в 2021 г. — лишь 2,8 % [Vào sự Quốc hội...: 10.06.2021]. Таким образом, система рекрутирования элит, основанная на номенклатурном партийном воспроизводстве (система гильдий), не позволяет распространять элементы демократии западного толка и превращает выборы, скорее, в ритуал.

Права граждан на общественную активность в основном реализуются через профсоюзы, НПО, проправительственные объединения (Союз женщин, Всеобщую конфедерацию трудящихся и др.). Все общественные и политические организации являются частью Отечественного фронта Вьетнама, который служит приводным ремнем для КПВ [Мазырин 2007: 91—94]. Даже возникающие субкультуры, связанные с творческой деятельностью, спортом, экологией, в основном унифицированы и так или иначе контролируются властью. В этом проявляются классические черты восточной политической культуры — господство коллективистских форм организации частной жизни, вертикальная форма управления.

Согласно западной классификации, в 1980—1990-е годы доминирующий тип политической культуры во Вьетнаме определялся как подданнический (Алмонд, Верба 2014): подчеркивалась зависимость народа от власти, восприятие ее как основного источника силы и богатства. В XXI в. общество уже не столь безразлично к политической жизни, граждане демонстрируют растущую активность на выборах. Вьетнамские исследователи под высоким уровнем политического участия подразумевают «народное, общинное единство, сплоченность, а не индивидуально-гражданское проявление воли», что более привычно для западного общества [День Тхи Тху Зунг 2021: 29].

Здесь следует обратить внимание на результаты всемирного исследования культурных ценностей Инглхарта—Вельцеля за 2023 г., представленные на карте. Вьетнам является страной с достаточно сильным влиянием «традиционных» ценностей, под которыми подразумеваются семья, религия и верования, социальный конформизм, почтение к власти, превалирование «общественного» над «личным» (рис. 1). Также заметны различия в положении на карте с Китаем, где относительно более предпочтительны «секулярно-рациональные» ценности. Таким образом, несмотря на отмеченную Е. Марченко близость Вьетнама к китайскому культурному ареалу, на современном этапе это менее очевидно [Марченко 2012: 139].

Более того, протестные настроения вьетнамских граждан зачастую имеют экстернальный — антикитайский вектор. Это неудивительно по той причине,

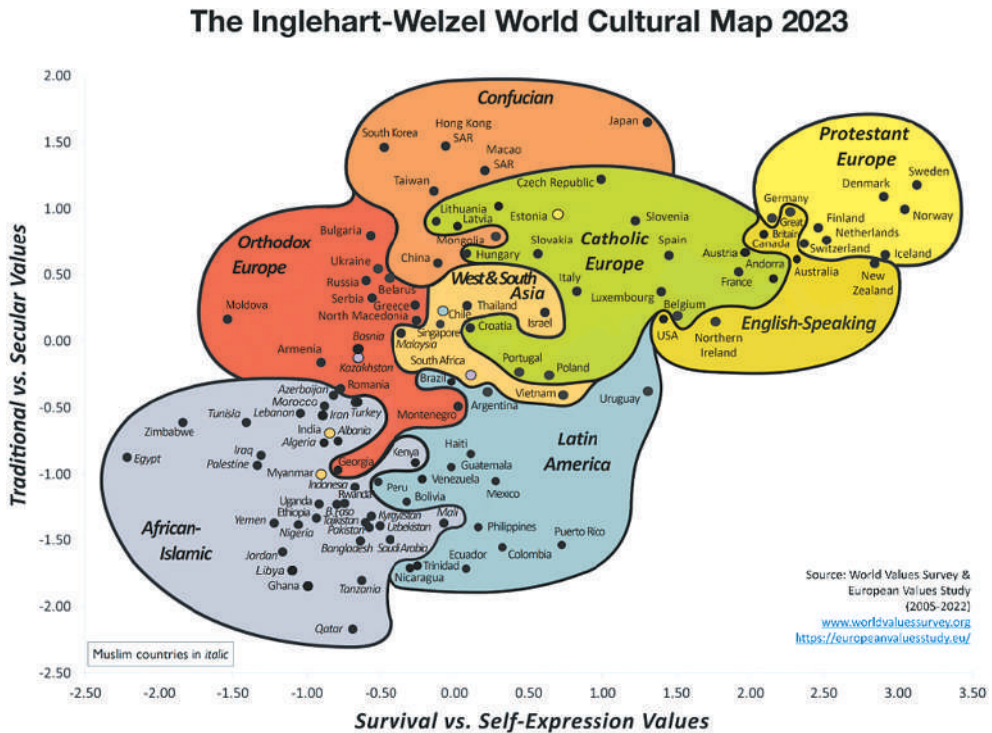

Рис. 1. Мировая культурная карта Инглхарта — Вельцеля.

Источник: URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/>

что Китай воспринимается как могущественный сосед, которого следует опасаться. Многие помнят опыт пограничной войны 1979 г., постоянно напряженную ситуацию вокруг спорных островов (Парасельские и Спратли) в Южно-Китайском море. Другим примером подобных выступлений служат протесты 2018 г. против принятия закона об особых экономических зонах (ОЭЗ), который предусматривал право иностранных инвесторов арендовать землю в ОЭЗ на срок до 99 лет. Несмотря на отсутствие упоминания Китая в проекте закона, среди вьетнамских граждан распространилось мнение о его ориентации на интересы китайских инвесторов. Заметим, что под давлением общественности этот законопроект был отклонен [Public criticism...: 26.02.2019]. Множество свидетельств имеется о выступлениях недовольных решением земельных проблем в городах [Kerkvliet 2014; 3 injured in Vietnam...: 16.11.2023].

Правильность же внутривнутриполитического курса КПВ в широком смысле не подвергается сомнению. Оппозиция означает отклонение от нормы, опасность для общественной гармонии и единства, чего допустить ни в коем случае нельзя. Соответственно ограничение государством протестных выступлений (в терминах Запада «демократически настроенной оппозиции») не встречает широкой негативной реакции. Этому способствует также низкий уровень информированности граждан о проявлениях внутривнутриполитического недовольства. Все средства массо-

вой информации контролируются правительством, КПВ или подчинёнными им структурами, поэтому граждане, как правило, имеют достаточно однобокий взгляд на происходящие события. Но постепенно, по мере повышения популярности английского языка, во вьетнамском обществе появляются возможности читать иностранную прессу и соцсети, знакомиться с альтернативными точками зрения на политическую ситуацию в стране, осваивать западные нарративы.

Современный внутривластный курс Вьетнама, безусловно, имеет ряд отличий по сравнению с тем, который проводился в годы тесного взаимодействия с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества. Он характеризуется более высокой степенью свободы личности, предоставлением населению социально-экономических и культурных прав. Во вьетнамских официальных документах и научных работах всегда подчеркивается готовность КПВ соответствовать вызовам времени и потребностям граждан. Как отмечает В.М. Мазырин, КПВ заявляет себя в качестве главного хранителя моральных и культурных ценностей, высоких нравственных принципов и идеалов, понимаемых как основная сила социализма и альтернатива демократии западного образца [Мазырин 2009: 223].

В Конституции Вьетнама 2013 г. декларируется народная природа власти. В статье 2 указано, что Социалистическая Республика Вьетнам — «социалистическое правовое государство, принадлежащее народу, управляющееся народом и существующее для народа», при этом сам народ — это «союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции» [Hiến pháp 2013]. По сути, в основном законе страны содержится отсылка к известному определению *демократии*, позаимствованному из геттисбергской речи президента Авраама Линкольна — «власть народа, волей народа, для народа» [Lincoln 1863].

Примечательно, что при этом в западных рейтингах Вьетнам числится одним из самых авторитарных режимов в Юго-Восточной Азии. По индексу демократии от The Economist, в 2022 г. он находился лишь на 138-м месте с показателем 2,73 балла. Из всех стран ЮВА более низкие позиции занимали лишь Лаос — 159-е место (1,77) и Мьянма — 166-е место (0,74)¹ [The world's most...: 01.02.2023]. Причина таких оценок состоит, прежде всего, в уже упомянутой неконкурентности выборов, фактическом отсутствии какой-либо альтернативы кандидатам КПВ, неразвитости институтов гражданского общества.

В этой связи понятны жесткие определения ведущих западных исследователей Вьетнама. Так, Адам Фьорд называет коррупцию одной из наиболее острых проблем Вьетнама [Fforde 2020: 19], констатирует застарелую иерархичность партийно-государственного аппарата, излишнее использование пропаганды и имитационного конституционализма [Fford, Nomutova 2017: 93, 114—115].

Вопрос выбора дальнейшей траектории политического развития вне однопартийного правления по понятным причинам практически не обсуждается во вьетнамских академических кругах. В отношении деятельности КПВ местные

¹ Индекс демократии в других странах — членах АСЕАН: Малайзия — 40-е место (7,30), Филиппины — 52-е (6,73), Индонезия — 54-е (6,71), Таиланд — 55-е (6,67), Сингапур — 70-е (6,22), Камбоджа — 121-е (3,18).

исследователи в основном ограничиваются осторожными формулировками о необходимости проведения институциональных реформ, повышения подотчетности и прозрачности партийно-государственных органов.

Вместе с тем стали встречаться и такие оценки: «Коррупция может быть угрозой, которая ведет к *краху коммунистического режима и вьетнамской Коммунистической партии*, требует разработки соответствующей антикоррупционной политики и строгого соблюдения этой политики» [Чан Хыу Тхан 2018: 7]. Примечательно, что в начале 2023 г. в СРВ запущен новый виток антикоррупционной кампании — в январе депутаты Национального собрания проголосовали за увольнение двух вице-премьеров. Покинул свой пост и президент Нгуен Суан Фук. В качестве причины отставки были названы «нарушения и противоправные действия» со стороны подконтрольных ему должностных лиц [Vietnam president quits...: 17.01.2023].

Разумеется, меры по борьбе с коррупцией представлены во вьетнамском публичном пространстве как попытка руководства удовлетворить запрос на общественную справедливость. Одновременно генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг, взяв обязательство «не делать никаких исключений в рамках своей кампании», продемонстрировал серьезность своих намерений [Nguyen Khac Giang 2023: 3].

Отношение к действиям Нгуен Фу Чонга в зарубежных СМИ двоякое. С одной стороны, выражается удовлетворенность решительной борьбой с коррупцией как одним из главных тормозов экономического развития Вьетнама. С другой стороны, результатом этой «чистки» признано укрепление позиций генерального секретаря в политической системе страны, которая ранее строилась на основе баланса четырех «столпов» (генсека ЦК КПВ, премьер-министра, президента и председателя Национального собрания). Это воспринимается сторонниками демократизации Вьетнама как повод для беспокойства.

О легитимности правления КПВ

Возникает вопрос, насколько понятие гражданской культуры, в рамках которой одни граждане могут быть активными в политике, в то время как многие другие играют более пассивную роль подданных, применимо к Вьетнаму. Легитимность правления КПВ на данный момент не вызывает сомнения, несмотря на формальное отсутствие результатов опросов, по которым можно было бы судить об уровне доверия населения к КПВ. Примечателен и спорный характер самого понятия «легитимность» во вьетнамском языке, что справедливо отметила Е.А. Марченко [Марченко 2012: 144]¹. Другой вопрос, насколько результативным может быть гражданское вмешательство в государственные дела в случае, если доверие по какой-то причине будет подорвано. По мнению профессора К. Тэйера, легитимность КПВ закреплена благодаря идеологическому наследию Хо Ши Мина, успехам коммунистов в противостоянии захватчикам, а также —

¹ Легитимность при переводе на вьетнамский язык соответствует понятию «законность».

на современном этапе — экономическим достижениям: высоким темпам роста ВВП и искоренению бедности [Thayer 2009: 48].

Важным фактором народной популярности КПВ также служат поощрение частного предпринимательства и чрезвычайно мягкая налоговая политика властей. Процветающий малый семейный бизнес является неотъемлемой частью культуры и рассматривается как двигатель роста экономики [Nguyen Hoang Tien et al. 2019: 2].

Ле Хонг Хиеп считает основой легитимности КПВ высокие результаты ее деятельности (*performance-based legitimation*) после запуска политики обновления. При этом дополнительным средством легитимации он называет поддерживаемые на определенном (адекватном) уровне националистические настроения. Их всплески периодически заметны во вьетнамском обществе на фоне территориального спора с Китаем по проблеме Южно-Китайского моря [Le Hong Hiep 2012: 164].

Используя классическую трактовку оснований легитимности элит М. Вебера [Waters 2015: 11—12], можно охарактеризовать власть КПВ как рационально-легальное лидерство с оттенком традиционного, поскольку имеет место сочетание законности этой власти, закрепленной в Конституции, с «небесным благословением». При этом определение ее как харизматического лидерства не очень подходит КПВ на данном этапе, даже на фоне роста авторитета Нгуен Фу Чонга.

Заключение

Подводя итоги, подчеркнем, что вьетнамская политическая культура сегодня сохраняет гибридный характер, сочетая черты традиционной подданической с участнической (партиципаторной).. Специфика страны заключается в преобладании общинного менталитета (традиционных ценностей) над индивидуалистическими устремлениями (секулярно-рациональными ценностями). Здесь кроется одно из важных отличий Вьетнама от Китая, которое влияет на политический процесс и определяет необходимость более глубокого сравнительного анализа этой темы.

Информированность и образованность вьетнамцев в политической сфере находятся на невысоком уровне, до настоящего времени позволяя руководству СРВ не беспокоиться о развитии конкурентной политической среды. Лишь созревает и выраженный спрос на демократические ценности (и понимание их как таковых).

Учитывая упомянутые в статье социокультурные факторы, вероятность радикальных перемен в сторону демократизации во Вьетнаме можно определить как очень невысокую. Более вероятной перспективой видится продолжение начавшейся адаптации под западные ценности при сохранении действующего политического режима.

Дата поступления статьи: 06.02.2024

Дата поступления в переработанном виде: 10.03.2024

Принята к печати: 17.03.2024

Received: February 6, 2024

Received in revised form: March 10, 2024

Accepted: March 17, 2024

Список литературы

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.

День Тхи Тху Зунг. Политическое лидерство в зеркале вьетнамской политической культуры // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 5. С. 26—30. URL: <https://doi.org/10.24158/rep.2021.5.4>

Завещание Президента Хо Ши Мина // Хо Ши Мин. Избранное. Воспоминания о Хо Ши Мине. М., 1990. С. 220—222.

Мазырин В.М. Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986—2006): направления, динамика, результаты. М.: Ключ-С, 2007.

Мазырин В.М. Эволюционная модель общественной трансформации в СРВ // Губеровские чтения. Вып. 1: Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность. М., 2009. С. 220—240. URL: https://istina.msu.ru/media/icollections/collectioneditorship/351/c40/839008/Guburov_chteniya_2009.pdf

Марченко Е.А. Характерные черты политической культуры современного Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2012. Т. 1. № 2. С. 138—159. URL: <https://vietnamjournal.ru/2618-9453/article/view/84326>

Мельвиль А.Ю. [и др.]. Политология: учеб. / МГИМО МИД РФ. М.: Проспект, 2008. 618 с.

Мурашева Г.Ф. Политическая элита Вьетнама в начале эпохи обновления (дой мой) // Вьетнамские исследования. 2011. Т. 1. № 1. С. 59—89. URL: <https://vietnamjournal.ru/2618-9453/article/view/84287>

Новакова О.В. Возрождение национальных традиций Вьетнама в период обновления // Вьетнамские исследования. 2017. Т. 1. № 7. С. 275—293. URL: <https://vietnamjournal.ru/2618-9453/article/view/84241>

Новакова О.В. Вьетнам: поиск культурной идентичности в новых политических реалиях // Губеровские чтения. Вып. 1: Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность. М., 2009. С. 258—276. URL: https://istina.msu.ru/media/icollections/collectioneditorship/351/c40/839008/Guburov_chteniya_2009.pdf

Новакова О.В., Логинова В.Н. Вьетнам «у себя дома» и в АТР (сквозь историческую призму) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 23. С. 60—88. URL: <https://sea.ivan.ru/f/22383531.pdf>

Чан Хыу Тхан. Антикоррупционная политика как фактор политической стабильности в современном Вьетнаме : дис. ... канд. полит. наук. М., 2018.

3 injured in Vietnam land development protest // Radio Free Asia. 16.11.2023. URL: <https://www.rfa.org/english/news/vietnam/vietnam-land-protest-11162023211140.html> (дата обращения: 16.02.2023).

30,26 % female deputies elected to 15th National Assembly // Viet Nam Women's Union. 21.06.2021. URL: <http://vwu.vn/tin-chi-tiet/-/chi-tiet/30-26-female-deputies-elected-to-15th-national-assembly-39116-4904.html> (дата обращения: 17.11.2023).

Bầu cử Quốc hội và Hội đồng Nhân dân: Những con số thuyết phục [Выборы в Национальное собрание и народные советы: убедительные цифры] // Thông tấn xã Việt Nam [Вьетнамское информационное агентство]. 10.06.2021. URL: <https://baocquochoi.vn/bau-cu-quoc-hoi-va-hoi-dong-nhan-dan-nhung-con-so-thuyet-phuc/1151.vnp> (дата обращения: 12.11.2023). (На вьет. яз.)

Fforde A. The VCP internal policy and possible legacies of the VCP-CPSU relationship: some hypotheses // The Russian Journal of Vietnamese Studies. 2020. Vol. 4. No. 2. P. 18—26. <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2020-10012>

Fforde A., Homutova L. Political Authority in Vietnam: Is the Vietnamese Communist Party a Paper Leviathan? // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2017. Vol. 36. No. 3. P. 91—118. URL: <https://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/download/1090/1090-1128-1-PB.pdf>

Hiến pháp năm 2013 của nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. [Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2013 г]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Во-may-hanh-hinh/Hien-phap-nam-2013-215627.aspx>. (На вьет. яз.)

Hoang Thi Hong Ha. How the Vietnamese cult of heroes promotes nationalism in politics // The Conversation. 26.06.2017. URL: <https://theconversation.com/how-the-vietnamese-cult-of-heroes-promotes-nationalism-in-politics-73144> (дата обращения: 11.11.2023).

Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition (Canto Classics). Cambridge University Press, 2012. 330 p.

Kerkvliet B.J.T. Governance, Development and the Responsive-Repressive State in Vietnam // Forum for Development Studies. 2010. Vol. 37. No. 1. P. 33—59. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1080/08039410903558251?ysclid=lskhwlifnl165630905>

Kerkvliet B.J.T. Protests over Land in Vietnam: Rightful Resistance and More // Journal of Vietnamese Studies. 2014. Vol. 9. No. 3. P. 19—54. URL: <https://doi.org/10.1525/vs.2014.9.3.19>

Le Hong Hiep. Performance-based Legitimacy: The Case of the Communist Party of Vietnam and Doi Moi // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs. 2012. Vol. 34. No. 2. P. 145—172. URL: https://www.researchgate.net/publication/236710136_Performance-based_Legitimacy_The_Case_of_the_Communist_Party_of_Vietnam_and_Doi_Moi

Lincoln A. Gettysburg Address (19 November 1863) // Voices of Democracy: The U.S. Oratory Project. URL: <https://voicesofdemocracy.umd.edu/lincoln-gettysburg-address-speech-text/> (дата обращения: 11.02.2024).

Nguyen Hoang Tien, Ho Thien Thong Minh, Nguyen Minh Ngoc, Vo Kim Nhan. Family Business in Vietnam and in Poland: Review of Characteristics and Trends of Development // Journal of Southwest Jiaotong University. Dec. 2019. Vol. 54. No. 6. 19 p. URL: <https://doi.org/10.35741/issn.0258-2724.54.6.20>

Nguyen Khac Giang. Vietnam's Anti-corruption Campaign: Economic and Political Impacts // ISEAS Perspective. 2023. No. 41. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2023/04/ISEAS_Perspective_2023_41.pdf

Public criticism pressures Vietnam to back down on new economic zones // China Dialogue. 26.03.2019. URL: <https://chinadialogue.net/en/business/11154-public-criticism-p pressures-vietnam-to-back-down-on-new-economic-zones/> (дата обращения: 15.02.2024).

Thayer C.A. Political Legitimacy of Vietnam's One Party-State: Challenges and Responses // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2009. Vol. 28. No. 4. P. 47—70. URL: <https://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/download/170/170-170-1-PB.pdf>

The Inglehart-Welzel World Cultural Map // World Values Survey 7. 2023. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 15.02.2024).

The world's most, and least, democratic countries in 2022 // The Economist. 01.02.2023. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/02/01/the-worlds-most-and-least-democratic-countries-in-2022> (дата обращения: 09.11.2023).

Trinh Hoang Hong Hue. Representative bureaucracy and inclusion: Citizen participation of ethnic minorities in Vietnam // Public Administration Issue. 2023. Vol. 5 (Special Issue I, electronic edition). P. 26—47. URL: <https://vgmu.hse.ru/data/2023/04/10/2027154637/Trinh%20Hoang%20Hong%20Hue.pdf>

Vietnam president quits as Communist Party intensifies graft crackdown // Reuters. 17.01.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/vietnams-president-phuc-quits-blamed-ministers-violations-2023-01-17/> (дата обращения: 14.11.2023).

Waters T. Weber's Rationalism and Modern Society. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 233 p. URL: <https://link.springer.com/book/10.1057/9781137365866>

References

3 injured in Vietnam land development protest. *Radio Free Asia*, 16.11.2023. Retrieved on 16.02.2024 from URL: <https://www.rfa.org/english/news/vietnam/vietnam-land-protest-11162023211140.html>

30,26 % female deputies elected to 15th National Assembly. *Viet Nam Women's Union*, 21.06.2021. Retrieved on 17.11.2023 from URL: <http://vwu.vn/tin-chi-tiet/-/chi-tiet/30-26-female-deputies-elected-to-15th-national-assembly-39116-4904.html>

Almond, G., Verba, S. (2014) *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranah* [Civil culture: political guidelines and democracy in five countries]. M: Mysl'. 500 p. (In Russian)

Bầu cử Quốc hội và Hội đồng Nhân dân: Những con số thuyết phục [Elections for the National Assembly and People's Councils: Convincing numbers]. *Thông tấn xã Việt Nam* [Vietnam News Agency], 10.06.2021. Retrieved on 12.11.2023 from URL: <https://baucuquochoi.vn/bau-cu-quoc-hoi-va-hoi-dong-nhan-dan-nhung-con-so-thuyet-phuc/1151.vnp>. (In Vietnamese)

Dinh Thi Thu Dung (2021). Politicheskoe liderstvo v zerkale v'etnamskoj politicheskoy kul'tury [Political leadership in the mirror of Vietnamese political culture]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 5: 26—30. URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2021.5.4>

Fforde, A. (2020) The VCP internal policy and possible legacies of the VCP— CPSU relationship: some hypotheses. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 4 (2): 18—26. URL: <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2020-10012>

Fforde, A., Homutova, L. (2017) Political Authority in Vietnam: Is the Vietnamese Communist Party a Paper Leviathan? *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 36(3): 91—118. URL: <https://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/download/1090/1090-1128-1-PB.pdf>

Hiến pháp năm 2013 của nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam [2013 Constitution of the Socialist Republic of Vietnam]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-nam-2013-215627.aspx>. (In Vietnamese)

Hoang Thi Hong Ha (2017). How the Vietnamese cult of heroes promotes nationalism in politics. *The Conversation*, June 26. Retrieved on 11.11.2023 from URL: <https://theconversation.com/how-the-vietnamese-cult-of-heroes-promotes-nationalism-in-politics-73144>

Hobsbawm, E., Ranger, T. (2012) *The Invention of Tradition (Canto Classics)*. Cambridge University Press. 330 p.

Kerkvliet, B.J.T. (2010) Governance, Development and the Responsive-Repressive State in Vietnam. *Forum for Development Studies*, 37(1): 33—59. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1080/08039410903558251?ysclid=lskhwlifnl165630905>

Kerkvliet, B.J.T. (2014) Protests over Land in Vietnam: Rightful Resistance and More. *Journal of Vietnamese Studies*, 9 (3): 19—54. URL: <https://doi.org/10.1525/vs.2014.9.3.19>

Le Hong Hiep (2012). Performance-based Legitimacy: The Case of the Communist Party of Vietnam and Doi Moi. *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*, 34(2): 145—172. URL: https://www.researchgate.net/publication/236710136_Performance-based_Legitimacy_The_Case_of_the_Communist_Party_of_Vietnam_and_Doi_Moi

Lincoln, A. (1863) Gettysburg Address (19 November). *Voices of Democracy: The U.S. Oratory Project*. Retrieved on 11.02.2024 from URL: <https://voicesofdemocracy.umd.edu/lincoln-gettysburg-address-speech-text>

Marchenko, E.A. (2012) Kharakternye cherty politicheskoy kul'tury sovremennogo V'etnama [Characteristic features of the political culture of modern Vietnam]. *V'etnamskie issledovaniya [The Russian Journal of Vietnamese Studies]*, 1(2): 138—159. URL: <https://vietnamjournal.ru/2618-9453/article/view/84326>

Mazyrin, V.M. (2007) *Reformy perekhodnogo perioda vo V'etname (1986—2006): napravleniya, dinamika, rezul'taty [Reforms of the transition period in Vietnam (1986—2006): directions, dynamics, results]*. M.: Klyuch-S.

Mazyrin, V.M. (2009) Evolyucionnaya model' obshchestvennoj transformacii v SRV [Evolutionary model of social transformation in Vietnam]. *Guberskie chteniya [Guber's readings]*, 1: 220—240. URL: https://istina.msu.ru/media/icollections/collectioneditorship/351/c40/839008/Gubero_v_chteniya_2009.pdf

Melville, A.Yu. [et al.] (2008) *Politologiya: ucheb. [Political science: textbook]*. MGIMO MFA RF. M.: Prospekt Publishing House. 618 p.

Murasheva, G.F. (2011) Politicheskaya elita V'etnama v nachale epohi obnovleniya (doj moj) [The political elite of Vietnam at the beginning of the era of renewal (doi moi)]. *V'etnamskie issledovaniya [The Russian Journal of Vietnamese Studies]*, 1(1): 59—89. URL: <https://vietnamjournal.ru/2618-9453/article/view/84287>

Nguyen Hoang Tien, Ho Thien Thong Minh, Nguyen Minh Ngoc, Vo Kim Nhan (2019). Family Business in Vietnam and in Poland: Review of Characteristics and Trends of Development. *Journal of Southwest Jiaotong University*, 54(6): 19. URL: <https://doi.org/10.35741/issn.0258-2724.54.6.20>

Nguyen Khac Giang (2023). Vietnam's Anti-corruption Campaign: Economic and Political Impacts. *ISEAS Yusof Ishak Institute*, 41. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2023/04/ISEAS_Perspective_2023_41.pdf

Novakova, O.V. (2009). V'etnam: poisk kul'turnoj identichnosti v novyh politicheskikh realiyah [Vietnam: search for cultural identity in new political realities]. *Guberskie chteniya [Guber's readings]*, M., 1: 258—276. URL: https://istina.msu.ru/media/icollections/collectioneditorship/351/c40/839008/Gubero_v_chteniya_2009.pdf

Novakova, O.V. (2017) Vozrozhdenie nacional'nyh tradicij V'etnama v period obnovleniya [The revival of national traditions in Vietnam during the renovation period]. *V'etnamskie issledovaniya [The Russian Journal of Vietnamese Studies]*, 1(7): 275—293. URL: <https://vietnamjournal.ru/2618-9453/article/view/84241>

Novakova, O.V., Loginova V.N. (2014). V'etnam «u sebya doma» i v ATR (skvoz' istoricheskuyu prizmu) [Vietnam “at home” and in the Asia-Pacific region (in a historical perspective)]. *Yugo-Vostochnaya Azija: aktual'nye problemy razvitiya [South East Asia: Actual problems of Development]*, 23: 60—88. URL: <https://sea.ivran.ru/f/22383531.pdf>

Public criticism pressures Vietnam to back down on new economic zones. *China Dialogue*, 26.03.2019. Retrieved on 15.02.2024 from URL: <https://chinadialogue.net/en/business/11154-public-criticism-pressures-vietnam-to-back-down-on-new-economic-zones/>

Thayer, C.A. (2009) Political Legitimacy of Vietnam's One Party-State: Challenges and Responses. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 28 (4): 47—70. URL: <https://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/download/170/170-170-1-PB.pdf>

The Inglehart-Welzel World Cultural Map (2023). *World Values Survey 7*. Retrieved on 15.02.2024 from URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/>

The world's most, and least, democratic countries in 2022. *The Economist*, 01.02.2023. Retrieved on 09.11.2023 from URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/02/01/the-worlds-most-and-least-democratic-countries-in-2022>

Tran Huu Than (2018). *Antikorrupcionnaya politika kak faktor politicheskoy stabil'nosti v sovremennom V'etname* [Anti-corruption policy as a factor of political stability in modern Vietnam]. PhD dissertation in political science. RUDN University.

Trinh Hoang Hong Hue (2023). Representative bureaucracy and inclusion: Citizen participation of ethnic minorities in Vietnam. *Public Administration Issue*, 5: 25—47. URL: <https://vgmu.hse.ru/data/2023/04/10/2027154637/Trinh%20Hoang%20Hong%20Hue.pdf>

Vietnam president quits as Communist Party intensifies graft crackdown. *Reuters*, 17.01.2023. Retrieved on 14.11.2023 from URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/vietnams-president-phuc-quits-blamed-ministers-violations-2023-01-17/>

Waters, T. (2015) *Weber's Rationalism and Modern Society*. Palgrave Macmillan New York. 2015. 233 p.

Zaveshchanie Prezidenta Ho Shi Mina [Testament of President Ho Chi Minh] (1990). *Ho Shi Min. Izbrannoe. Vospominaniya o Ho Shi Mine* [Ho Chi Minh. Selected works. Memories of Ho Chi Minh]. M. P. 220—222.

Tu Thuy Anh, Chu Thi Mai Phuong, Truong Thi Lan Huong

Impacts of the US-China Trade Tension and RCEP on Vietnam-China Trade Balance

Abstract. The paper aims to analyze the trade balance between Vietnam and China and assess the impact of its key determinants, with a focus on the US-China trade war, using the autoregressive distributed lag model for quarterly data from Q1 2009 to Q4 2022. The statistical analysis shows that although Vietnam's trade balance with China shows increasing deficits, the US-China trade war has a positive impact on Vietnam as its export-import ratio with China increases in both the long and short run. We also find that the impact of participation in the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) is positive but not statistically significant. We also find evidence that several factors have a positive and significant impact on the trade balance, including Vietnam's growth rate, Vietnam's industrial production index, and China's population. On the other hand, some factors, such as the exchange rate between Chinese yuan and Vietnamese dong and the population of Vietnam, are found to have a significant negative impact. These findings can provide evidence to help Vietnamese businesses and policymakers formulate trade policies with China, especially in the current complex geopolitical context.

Keywords: trade balance, the US-China trade war, RCEP, Vietnam, China, geopolitics.

Authors: Tu Thuy Anh, Ph.D. (Economics), Assistant Professor, Dean of the Faculty of International Economics, Foreign Trade University, Hanoi, Vietnam. ORCID: 0000-0003-2949-9995. E-mail: thuyanh.tu@ftu.edu.vn

Chu Thi Mai Phuong, Ph.D. (Economics), Lecturer, Foreign Trade University, Hanoi, Vietnam. ORCID: 0000-0002-4434-8389. E-mail: maiphuongchu@ftu.edu.vn

Truong Thi Lan Huong, Ph.D. (Geography), Senior Lecturer, Dalat University, Vietnam. E-mail: huongttl@dlu.edu.vn

For citation: Tu Thuy Anh, Chu Thi Mai Phuong, Truong Thi Lan Huong (2024). Impacts of the US-China Trade Tension and RCEP on Vietnam-China Trade Balance. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (1): 38—51.

Ты Тхюу Ань, Тю Тху Май Фьюнг, Чьюнг Тху Лан Хьюнг

Влияние американо-китайской торговой войны и ВРЭП на торговый баланс между Вьетнамом и Китаем

Аннотация. Целью статьи является анализ торгового баланса между Вьетнамом и Китаем и оценка влияния на него ключевых факторов с акцентом на торговую войну между США и Китаем. В статье используется модель авторегрессии и рас-

пределённого лага для квартальных данных с 1-го квартала 2009 г. по 4-й квартал 2022 г. Анализ показывает, что, несмотря на растущий дефицит вьетнамо-китайского торгового баланса, торговая война между США и Китаем оказывает положительное влияние на Вьетнам, поскольку соотношение его экспорта в Китай к импорту увеличивается как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе. Кроме того, приведены доказательства того, что участие в Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) оказывает положительное влияние, но оно не является статистически значимым. Показано, как на торговый баланс существенное положительное влияние оказывают такие факторы, как темпы роста вьетнамской экономики и индекса промышленного производства, а также население Китая. С другой стороны, такие факторы, как обменный курс китайского юаня и вьетнамского донга, а также население Вьетнама, оказывают существенное негативное влияние. Эти данные могут быть полезными вьетнамскому бизнесу и политикам в формировании торговой политики по отношению к Китаю, особенно в нынешнем сложном геополитическом контексте.

Ключевые слова: торговый баланс, торговая война США и Китая, ВРЭП, Вьетнам, Китай, геополитика.

Авторы: Ты Тхюу Ань, к. э. н., доцент, декан факультета международной экономики Университета внешней торговли, Ханой, Вьетнам.

ORCID: 0000-0003-2949-9995. E-mail: thuyanh.tu@ftu.edu.vn

Тю Тхи Май Фьонг, к. э. н., преподаватель, Университет внешней торговли, Ханой, Вьетнам. ORCID: 0000-0002-4434-8389. E-mail: maiphuongchu@ftu.edu.vn

Чьонг Тхи Лан Хьонг, к. геогр. н., ст. преподаватель, Далатский университет, Вьетнам. E-mail: maiphuongchu@ftu.edu.vn

Для цитирования: Ты Тхюу Ань, Тю Тхи Май Фьонг, Чьонг Тхи Лан Хьонг. Влияние американо-китайской торговой войны и ВРЭП на торговый баланс между Вьетнамом и Китаем // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 38—51.

Introduction

Today, international trade has become a critical component of Vietnam's economy. The nation has experienced impressive economic growth, which can be attributed to its successful integration into the global market. As neighboring nations with both land and sea borders, Vietnam and China have had numerous political, cultural, and historical interactions. Trade relations between the two countries are significant, with China standing out as one of Vietnam's most important trading partners. Impressively, trade activities between Vietnam and China, including both export and import, have experienced robust growth in recent years, characterized by consistently high annual growth rates.

However, the bilateral trade balance has consistently favored China, resulting in a deficit for Vietnam. In the long run, this trend could encourage Vietnamese entrepreneurs to become more dependent on Chinese supplies, potentially reducing the competitiveness of Vietnamese products in the global market. Moreover, despite the overall improvement and surplus in Vietnam's trade balance with various countries, the continuing challenge of excessive import from China is a major concern for Vietnam. This concern has become more serious recently, especially as tensions between the United States and China have escalated. The impact of this issue could extend to the trade dynamic between Vietnam and the US, potentially causing broader damage to

international trade relations. Given the significant influence of the US, a major trading partner for Vietnam with which Vietnam maintains a surplus trade balance, the potential consequences could be detrimental to Vietnam. Therefore, a thorough analysis of the bilateral trade balance between Vietnam and China is crucial to better understand the factors influencing this trade relationship. Such an analysis is essential for drawing meaningful policy implications aimed at addressing trade imbalances and fostering a more sustainable economic interaction between the two nations.

Several studies have examined the factors affecting Vietnam's export, import, trade balance, and the structure of trade deficit. Tu and Nguyen [2011] analyzed the structure of Vietnam's trade deficit, and calculated the import penetration rate to measure the threat of Chinese import to Vietnam's domestic market during 1995–2010. Nguyen et al. [2015] analyzed the trade creation and trade diversion effects of the future EU-Vietnam FTA using the gravity approach. Phan and Ji [2015] examined the impact of real exchange rate, domestic and foreign income on bilateral trade balance between Vietnam and sixteen trading partners from 1999 to 2012. Nguyen [2019] analyzed the interdependence and complementarity of trade between Vietnam and China from 2001 to 2017. Dang [2016] used an unrestricted VAR model to examine the determinants of Vietnam's trade balance. The IMF Country Report [2006] developed the analysis of the extent to which Vietnam's favorable trade performance may have been overly dependent on regional trade, using a gravity model applied to cross-country trade data for 2002. Dinh [2017] assessed the determinants of trade relations between Vietnam and its two major trading partners, the United States and China. Tran [2017] employed the gravity model to study and analyze the determinants of Vietnam's export to ASEAN countries over nineteen years, from 1997 to 2015.

While numerous studies have examined Vietnam's overall export, import, and trade balance, there remains a dearth of research dedicated specifically to the bilateral trade balance between Vietnam and China. In particular, there is a significant gap in the literature regarding the impact of the US-China trade war and the formation of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) on the trade balance between these two nations. This paper aims to fill this critical gap by employing an econometric model to evaluate the influences of the GDP of both countries, the exchange rate between their currencies, the industrial production of Vietnam, the formation of RCEP that includes both countries, and, importantly, the effects of the US-China trade war on the trade balance between Vietnam and China.

The paper is organized as follows. The second part presents preliminary findings on Vietnam's export, import and trade balance with China. The fourth part empirically analyzes the determinants of the trade balance between the two countries. Part 5 concludes the paper.

Trade balance between Vietnam and China

Export of Vietnam to China

According to the General Statistics Office of Vietnam (GSO), Vietnam's product export to China have undergone a significant transformation. In 2009, China was the fifth largest importer of Vietnamese goods, but in 2022 it took the second position. This

shift underscores a substantial change in the dynamics of Vietnam's export to China, highlighting a more pivotal role in Vietnam's overall export landscape.

In 2009, the US emerged as Vietnam's most important market, accounting for 19.98 % of the country's export revenue. This was attributed to the robust development of Vietnam-US relations, particularly marked by the signing of the Bilateral Trade Agreement in 2001 and the approval of the Law on Permanent Normal Trade Relations in 2007. The European Union (EU) followed closely with 16.47 %, reflecting the strengthened ties between Vietnam and the EU during the FTA negotiations. As Vietnam joined ASEAN in 1995, the member countries of ASEAN became increasingly important, making it the third largest market for Vietnam in 2009, contributing 15.34 % of export revenue. Japan ranked fourth, importing 11.1 % of Vietnam's goods in 2009. This was influenced by the Vietnam-Japan Economic Partnership Agreement and the ASEAN-Japan Comprehensive Economic Partnership, both signed in 2008. Despite numerous advantages, including proximity, low-cost transportation, a huge market with nearly one-sixth of the world's population, and the ASEAN-China Free Trade Agreement, Vietnam's export to China accounted for only 9.46 % of total export value. This underwhelming figure relative to the market's potential was not only influenced by strained bilateral relations due to events such as the nine-dash line dispute. The same period also witnessed a significant reduction in China's import activities due to the global financial crisis, which further affected Vietnam's export share to the Chinese market (fig. 1).

In 2022, there was a significant shift in the export structure for Vietnam. While the United States remained the top importer with a market share of 29.46 %, indicating a robust relationship between Vietnam and the US, China experienced significant growth, securing its position as the second largest importer with a market share of 15.54 %. The increase in export to China can be attributed to two main factors. First, the deepening economic ties between Vietnam and China prompted China to capitalize on Vietnam's advantages, especially with the implementation of new special preferential export tariff schedules under various free trade agreements. Second, there was a gradual shift in the types of goods exported to China, from mainly agricultural and low-value industrial

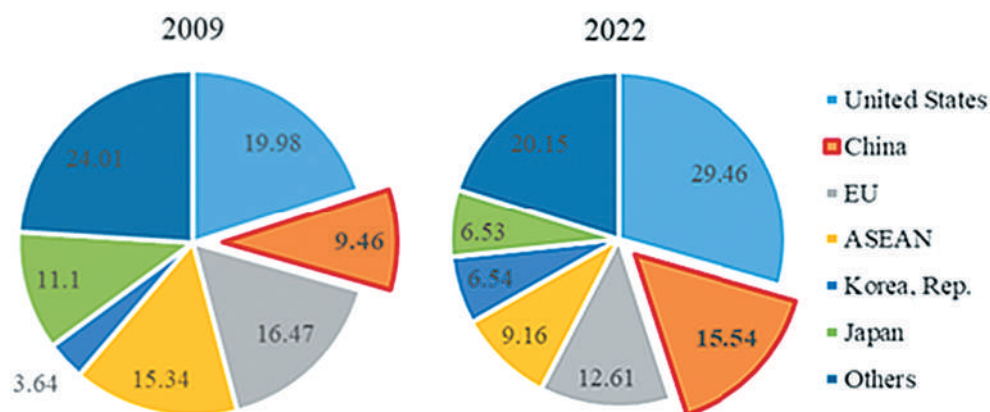

Fig. 1. The proportion of Vietnam's export to different markets in 2009 and 2022.

Source: General Statistics Office of Vietnam and Vietnam Customs.

products to a focus on high-technology goods. This shift significantly increased the total value of export to China. These changes in relationship dynamics and export structures allowed Vietnam to fully exploit the potential of the Chinese market. China was followed by the European Union, ASEAN, Japan, and South Korea with import shares of 12.61, 9.16, 6.54, and 6.53 %, respectively.

Statistically, China is gradually becoming a more important market for Vietnam. Moreover, the share of China is expected to increase further in the future. The reason for the increased importance of the Chinese market is the significant growth in export to China during this period. As a result, Vietnam's export turnover to China showed continuous annual growth from 2009 to 2022. The figures increased from USD 5.4 billion in 2009 to USD 57.7 billion in 2022, representing a more than tenfold increase compared to the 2009 statistics (fig. 2).

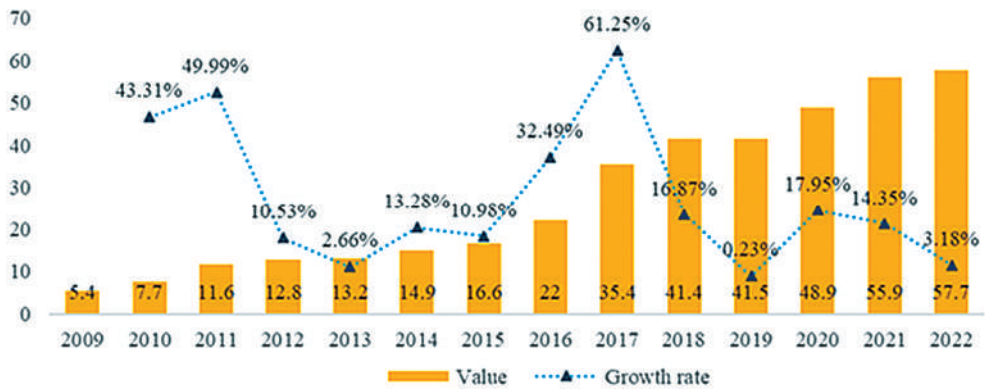

Fig. 2. Value (in billion USD) and growth rate of export to China from 2009 to 2022.

Source: General Statistics Office of Vietnam and Vietnam Customs.

It can be seen that although Vietnam's export to China has grown remarkably in recent years, Vietnam has still not tapped the full potential of this market, because the export turnover is still limited compared to the potential of the Chinese market, and if there are abnormal events, export from Vietnam to China would be severely affected. There are several possible reasons for this. First, the export structure remained unsustainable, with a continued emphasis on low-value products. Second, the competitiveness of Vietnamese products has not yet reached a significant level. Finally, Vietnamese producers have an incomplete understanding of the market, which hinders their ability to fully exploit the market's potential. This could lead to some potential risks and cause both Vietnamese and Chinese producers to be reluctant to trade with each other.

Import of Vietnam from China

China has typically been the top country of origin for goods imported into Vietnam, with the share of Chinese products in the Vietnamese market increasing steadily over time. In 2009, only about one-fifth of imported goods came from China, while in 2022, it was nearly one-third.

In 2009, the share of Chinese goods in the Vietnamese market was 22.03 %, second only to the largest ASEAN market share of 23.53 % percent. Japan ranked third with 9.77 %, followed by South Korea with 9.59 %. The figure for the EU was 7.64 %. Surprisingly, although the US was Vietnam's largest importer in 2009, US export to Vietnam accounted for only 3.87 % of Vietnam's total import. One of the main factors contributing to the low level of import from these countries is their geographical distance from Vietnam, coupled with the lack of preferential trade agreements. (Fig. 3).

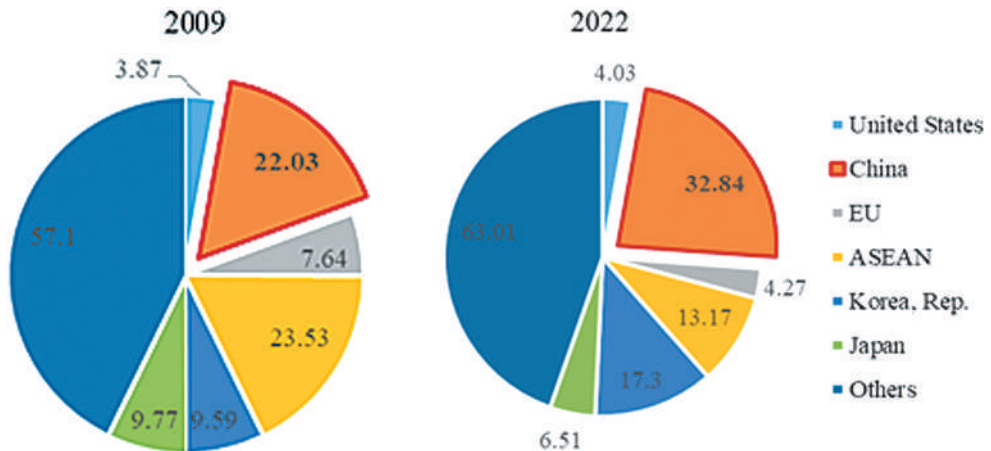

Fig. 3. The proportion of import from different countries in 2009 and 2022.
Source: General Statistics Office of Vietnam.

In 2022, there was a significant shift in the structure of import to Vietnam. In that year, China overtook ASEAN and South Korea to claim the largest share of Vietnam's market at 32.84 %. From 2009 to 2022, Vietnam's increased openness has led to larger import, especially considering that the US and other developed countries continue to impose significant restrictions on Chinese products. As a result, import from China to Vietnam have increased, serving both the direct consumption needs of the Vietnamese market and establishing Vietnam as an intermediate market for Chinese products. South Korea became the second largest source of import for Vietnam, with a market share of 17.3 %. During this period, many Korean investors recognized the potential of the Vietnamese market, which led to the initiation of numerous foreign direct investment projects, mainly focusing on high technology. However, due to the underdevelopment of supporting industries in Vietnam, the country had to rely on import, resulting in a remarkable increase in import from South Korea to Vietnam. Meanwhile, ASEAN's market share dropped to only 13.17 %. For the three other suppliers, import from these exporters accounted for only a small share of Vietnam's total import due to long geographical distances, differences in tastes and preferences of local people, and high prices. In particular, the figure for Japan fell to 6.51 % in 2022. For the EU, there was a drop in percentage to 4.27 % from 7.64 % in 2009. Although the US share increased, the US remains the smallest supplier, with a 4.03 % market share in 2022.

It is evident that China continues to maintain its position as the main supplier to Vietnam, and this pattern is expected to extend in the future. Although China has become the largest supplier to Vietnam, import from China continue to grow steadily each year. According to GSO and Vietnam Customs, in 2009, import from China were USD 15.4 billion, while in 2022, the figure will be USD 117.9 billion, nearly 8 times higher (fig. 4).

Fig. 4. Value (in billion USD) and growth rate of import from China from 2009 to 2022.
Source: General Statistics Office of Vietnam and Vietnam Customs.

In conclusion, since 2009, China has been Vietnam's largest export market. Meanwhile, import from China have remained consistently high, experiencing annual growth at a rapid pace. It is expected that the volume of import from China will continue to rise, further establishing China's role as Vietnam's main supplier in the coming years. There are several explanations. First, import from China are usually high-value. Second, Chinese products are quite competitive. Lastly, Vietnam is open to Chinese products, making them popular in the market.

Moreover, the recent issue of transshipment highlights the limited government control over the origin of products. This not only encourages Vietnamese firms to import more Chinese products at lower prices and export them at higher prices to make a profit, thereby increasing import from China, but it also diminishes the competitiveness of Vietnamese products and undermines the credibility of Vietnamese companies.

Vietnam—China trade balance

From 2009 to 2022, both export and import between Vietnam and China have increased, but not steadily and at different rates. According to data from GSO and Vietnam Customs, the bilateral trade balance between Vietnam and China has deteriorated from 2009 to 2022. In 2009, the trade deficit between Vietnam and China was only USD -10 billion, with an export-import ratio of 35.1 %. However, by 2022, the deficit had increased significantly to -USD60.2 billion, almost six times higher than in 2009, with an export-import ratio of 49 % (fig. 5).

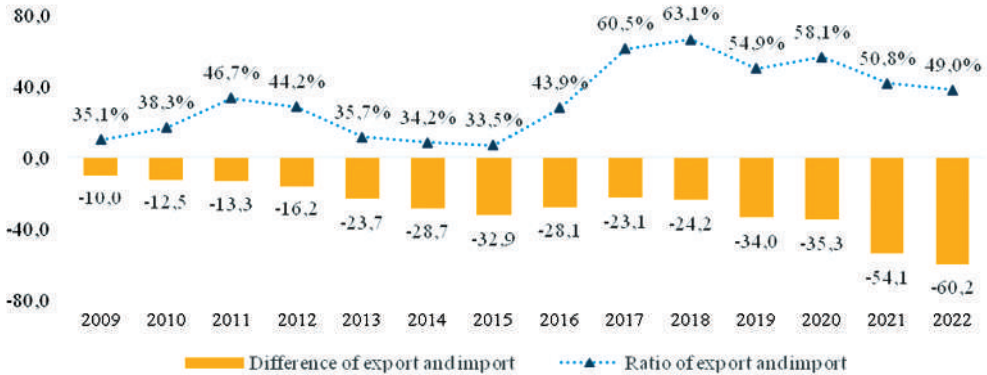

Fig. 5. Balance of trade between Vietnam and China from 2009 to 2022 (in billion USD and %).
 Source: General Statistics Office of Vietnam and Vietnam Customs

As shown in Figure 5, from 2009 to 2022, the bilateral trade balance between Vietnam and China consistently remained in deficit status for Vietnam. This indicates that import from China consistently exceeded export to China. Although both import and export increased during this period, the cumulative growth of export could not match the cumulative growth of import. This imbalance can be attributed to the structure of import and export between the two countries. Specifically, most of the goods exported from Vietnam to China were domestically produced, but they were low-value products. In contrast, most of the goods imported from China were high-value products. While there has been an increase in the export of high-tech products to China in recent years, the actual benefits of these products have been limited. This is because they are mainly produced by subsidiaries of multinational companies, and the inputs used for production are also imported goods, some of which may even be sourced from China. As a result, the gains from export are offset by the costs of import, exacerbating the deficit status.

From 2009 to 2022, there were some years when the bilateral trade balance improved, but overall, it worsened throughout the period. China is considered Vietnam's most important trading partner, as it has the largest total export and import turnover. However, although Vietnam's overall trade balance has improved and turned positive in recent years, the bilateral trade balance between Vietnam and China has remained negative and worsened, negatively affecting Vietnam's overall trade balance. According to GSO and Vietnam Customs, in 2009, the overall trade deficit was higher than the trade deficit specifically between Vietnam and China, at -USD12.9 billion and -USD10 billion, respectively. However, by 2022, while the overall trade balance was positive at USD 12.4 billion, the bilateral trade balance became even worse, reaching USD -60.1 billion.

Moreover, although Vietnam has always suffered from increasing trade deficits with China, when we examine the ratio of export to import, this ratio tends to increase, with the increase starting in 2017 — a year before the US-China trade war took place. When the US-China trade war occurred in 2018, if we compare the periods before and after the war, we see that the ratio is higher after the war. It seems that Vietnam benefited from this trade war in some way. However, the trade balance, as measured by the

export-import ratio, is gradually decreasing from 2018 to 2022. This could be attributed to the diminishing impact of the US-China trade war. In addition, the world and the region are facing various complex issues, and geopolitical developments related to the interests of major countries such as the US and China in Vietnam will have a greater impact on Vietnam's overall economic development and its international trade. Therefore, Vietnam-China trade is also undergoing significant changes.

Empirical analysis

Model

Based on international trade theory and existing literature, this paper examines the key determinants of the trade balance between Vietnam and China, including the size of the two economies, the level of industrialization in Vietnam, the formation of the Regional Comprehensive Economic Partnership, and the US-China trade war. An autoregressive distributed lag (ARDL) model is applied to quarterly data from Q1 2009 to Q4 2022.

The ARDL method has several advantages over other cointegration techniques. First, its primary advantage over traditional cointegration methods is that ARDL is suitable even when the order of integration of the variables is a mixture of I (0) and I (1). Second, when the sample size is small, the ARDL approach to testing cointegration is statistically more significant than the Johansen cointegration technique, which requires a large sample size for reliability. Third, unlike conventional methods for identifying long-run relationships, the ARDL method does not estimate a system of equations but focuses on estimating a single equation. Fourth, it effectively addresses the endogeneity problem of the explanatory variables. Finally, it can simultaneously estimate the short-term dynamics and the long-term cointegration relationship between variables [Chu et al., 2021].

The regression model is therefore written as follows:

$$\begin{aligned} \Delta BOT_t = & \beta_0 + \sum_{i=1}^p \beta_{0i} \Delta BOT_{t-1} + \sum_{i=1}^{p1} \beta_{1i} \Delta RGRRCNYOY_{t-1} \\ & + \sum_{i=1}^{p2} \beta_{2i} \Delta RGRVNYOY_{t-1} + \sum_{i=1}^{p3} \beta_{3i} \Delta IPIVN_{t-1} + \sum_{i=1}^{p4} \beta_{4i} \Delta WAR_{t-1} \\ & + \sum_{i=1}^{p5} \beta_{5i} \Delta RER_{t-1} + \sum_{i=1}^{p6} \beta_{6i} \Delta LNPOPCN_{t-1} + \sum_{i=1}^{p7} \beta_{7i} \Delta LNPOPVN_{t-1} \\ & + \sum_{i=1}^{p8} \beta_{8i} \Delta RCEP_{t-1} + \sum_{i=1}^{p9} \beta_{9i} \Delta WAR * LNPOPCN_{t-1} \\ & + \sum_{i=1}^{p10} \beta_{10i} \Delta WAR * LNPOPVN_{t-1} + \theta_0 BOT_{t-1} + \theta_1 RGRRCNYOY_{t-1} \\ & + \theta_2 RGRVNYOY_{t-1} + \theta_3 IPIVN_{t-1} + \theta_4 WAR_{t-1} + \theta_5 RER_{t-1} \\ & + \theta_6 LNPOPCN_{t-1} + \theta_7 LNPOPVN_{t-1} + \theta_8 RCEP_{t-1} \\ & + \theta_9 WAR * LNPOPCN_{t-1} + \theta_{10} WAR * LNPOPVN_{t-1} + \varepsilon_t \end{aligned}$$

where, BOT is a trade balance, measured by export divided by import, multiplied by 100; RGRVNYOY and RGRCNYOY are the GDP growth rate of Vietnam and China compared to the same quarter of the previous year; RER is the real exchange rate between CNY and VND, also compared to the same quarter of the previous year; the dummy WAR, representing for the trade war between the US and China takes the value of 1 from the second quarter of 2018 to the last quarter of 2022; IPIVN is the Industrial Production Index of Vietnam, POPVN and POPCN are the population of Vietnam and China, they are in logged form, RCEP is a dummy variable that takes the value of 1 in all quarters of 2021, 2022 and takes the value of 0 in the remaining quarters; θ_i ($i=1,10$), β_0 and β_{ki} ($k=0,10$) are the parameters, Δ is the first difference symbol, ϵ_t is the error.

This article uses the autoregressive model with lagged distribution (ARDL) developed by Im et al. [2003] and Pesaran et al. [2001]. The steps to apply the ARDL approach are as follows: (i) Unit Root Test; (ii) Bound test to determine the cointegrating relationship between variables; (iii) Results of the ARDL model for long-term and short-term relationships; and (iv) diagnosis of the ECM model.

Results

Unit Root Test

The results of the ADF unit root test in Table 1 show that the series RGRVNYOY and IPIVN are stationary at the original level I(0), while the series BOT, RGRCNYOY, IPIVN, RER, LNPOPCN and LNPOPVN are stationary at the first difference I(1). Since all the series used are stationary at order 0 or 1, and none is stationary at order 2 or higher, the ARDL regression method is suitable for empirical analysis.

Table 1. ADF test results

Variables	Level		1 st Difference		Conclusion
	t	p	t	p	
BOT	-1.668807	0.4414	-12.33476	0.0000	I(1)
RGRCNYOY	-1.276870	0.6327	-5.445366	0.0000	I(1)
RGRVNYOY	-4.694519	0.0003	-4.744968	0.0004	I(0), I(1)
IPIVN	-3.461042	0.0126	-8.770532	0.0000	I(0), I(1)
RER	-1.381580	0.5853	-7.208026	0.0000	I(1)
LNPOPCN	-2.417956	0.1414	-10.10300	0.0000	I(1)
LNPOPVN	-1.144452	0.6921	-41.05535	0.0001	I(1)

Source: authors' calculation.

Bound test

From the results of Table 2, it can be confirmed that there is a cointegrating relationship between the BOT and the other variables in the model since the calculated F statistic value of 6.573420 is larger than the upper confidence limits at 10 %, 5 %, 2.5 %, and 1 % which are 2.94, 3.24, 3.5, and 3.86 respectively. Therefore, the hypothesis of the existence of a long-term relationship between the variables in the model is accepted.

Table 2. The Bound test results

k	F — statistic	Critical value							
		10 %		5 %		2.5 %		1 %	
		I(0)	I(1)	I(0)	I(1)	I(0)	I(1)	I(0)	I(1)
9	6.573420	1.83	2.94	2.06	3.24	2.28	3.5	2.54	3.86

Source: authors' calculation.

Estimated results of long-term coefficients

Table 3 shows that the US-China trade war has a positive and statistically significant impact on the trade balance between Vietnam and China. We have statistical evidence that the US-China trade tensions lead to higher Vietnam's export-import ratio in the long run. This result is consistent with the authors' expectations and is in line with the research findings of Nidhiprabha, B. [2019] and Maghfiroh, L. [2021].

Table 3. Estimated results of long-term coefficients

Variables	Dependent BOT			
	Coef.	SE	t	p
RGRCNYOY	2.293118	2.071978	1.106729	0.2749
RGRVNYOY	6.575427	2.484590	2.646484	0.0115
IPIVN	0.188258	0.041822	4.501384	0.0001
WAR	46.96840	16.10640	2.916133	0.0057
RER	-0.062291	0.028215	-2.207741	0.0329
LNPOPCN	2582.498	1000.679	2.580745	0.0135
LNPOPVN	-1312.950	577.6274	-2.273005	0.0283
RCEP	11.42088	10.57197	1.080297	0.2863
WAR*RGRCNYOY	-2.038010	2.171231	-0.938643	0.3534
WAR*RGRVNYOY	-5.346112	2.479834	-2.155834	0.0370

Source: authors' calculation.

This can be explained by the fact that as two major countries in the world, the US-China trade war will have a significant impact on Vietnam's overall economic situation and its trade. The US-China trade war means that China will redirect and intensify export to other markets, including Vietnam, with major export items such as machinery, home appliances, plastic, rubber, etc. Vietnam's import from China will increase. Conversely, the U.S. faces challenges in the trade war with China as China imposes import tariffs on U.S. goods, especially agricultural products. This leads China to seek import from other potential markets, especially Vietnam with its significant agricultural position. In response to this opportunity and given the attractive factors in the Chinese market such as its population and geography, Vietnam will increase export to China in the long term, as China is Vietnam's second largest export market after the US. Vietnam's increa-

sing export to China make it the second-largest export market for Vietnam, only after the US in 2022. Although the trade balance still shows deficits for Vietnam, the growth of export outpaces the growth of import, resulting in an increased export-to-import ratio between Vietnam and China due to the US-China war. The model provides empirical evidence that Vietnam benefits from the US-China trade war in terms of trade balance. This result confirms the descriptive analysis presented in Figure 5.

Furthermore, while the establishment of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) has had a positive impact on Vietnam's export-import ratio with China, the impact is not statistically significant. This may explain why the RCEP, despite being the world's largest free trade agreement with 15 member countries representing 32 % of the world's GDP and population, has not yet had a significant impact on Vietnam's trade with China. Trade relations between the two countries are still influenced by other bilateral agreements, such as the Cross-Border Shopping Agreement between China and Vietnam, the Agreement on Economic Cooperation between Vietnam and China, and ASEAN-China Trade Agreement (ACFTA). In addition, trade agreements typically have delays in taking effect. Thus, the empirical evidence supports the notion that RCEP's impact on Vietnam's trade balance with China is not as significant as initially expected.

Moreover, the estimation results show significant positive impacts on Vietnam's export-import ratio with China, including Vietnam's real GDP, Vietnam's industrial production index, and China's population. Meanwhile, factors indicating significant negative impacts include the real exchange rate between the Chinese yuan and the Vietnamese dong, and the population of Vietnam. Surprisingly, the impact of China's real GDP is not statistically significant.

Estimated results of short-term coefficients

The results presented in Table 4 show that the estimated coefficient of the ECT error correction term is -0.752673 and is statistically significant at the 1 % level. This coefficient indicates that about 75 % of the difference between short-run and long-run export-import ratios is adjusted within one year.

Table 4. Estimated results of short-term coefficients

Variables	Dependent BOT			
	Coef.	SE	t	p
C	-22716.49	2395.358	-9.483548	0.0000
D(RGRVNYOY)	3.113129	0.547078	5.690468	0.0000
D(WAR)	16.76370	6.312880	2.655475	0.0112
CointEq(-1)*	-0.752673	0.079364	-9.483861	0.0000

Source: authors' calculation.

The short-term estimation results show that the US-China trade war has a positive impact on the export-import ratio of Vietnam and China, which is statistically significant at the 5 % level. The short-run results confirm the long-run impact of the US-China trade war on the export-import ratio of Vietnam and China. Although the trade ba-

lance shows deficits with Vietnam, the export-import ratio of Vietnam and China will be higher and thus improved when the US-China trade war occurs. @ZAG2 = Conclusion

The paper examines the trade balance between Vietnam and China and its determinants. Important findings are presented. China has become the largest trading partner of Vietnam, the bilateral trade balance between two countries attracts a lot of attention from the two governments. In the last decade, both export and import between Vietnam and China have increased significantly. However, the growth of import from China is much higher than that of export to China. Therefore, the excessive import situation has increased and is expected to increase in the future. Vietnam's trade deficit with China persists and its value is increasing.

The empirical results of the paper show the impact of key determinants on the bilateral trade balance between Vietnam and China. The first and most interesting result is that the US-China trade war has a statistically significant and positive impact on Vietnam's trade balance. Although the balance is still in deficit, the trade tension is shown to improve Vietnam's trade balance with China.

Descriptive and empirical research suggests that the trade deficit with China is the combined result of several factors, with Vietnam's export to China growing more slowly than its import from China. To improve the bilateral trade balance in the future, the Vietnamese government should simultaneously implement strategies to promote export to China and regulate import from China. In this regard, solutions that promote export will play a crucial role in addressing the problem of excessive import from China in the long run. In addition, the government and domestic producers must work together to continuously improve the competitiveness of Vietnamese products in both the Vietnamese and Chinese markets. Moreover, in the current context of the US-China conflict, the government and domestic producers should work together to seize all available opportunities to increase export, stabilize the exchange rate, and maintain domestic production and consumption.

Moreover, the impact of RCEP formation on the Vietnam-China trade balance is not statistically significant. This suggests that the agreement has not yet affected the size of Vietnam's import and export to China. Trade agreements typically have implementation lags, and RCEP is no exception. Therefore, we have evidence that RCEP participation has not yet led to improvements in Vietnam's trade with China.

Finally, geopolitical dynamics regarding the interests of major economies in Vietnam may have a greater impact on Vietnam's economic development in general and international trade in particular. Changes in geopolitical dynamics, such as trade tensions or disruptions, may lead to the development of new sectors in Vietnam, such as semiconductors, an industry that has been dominated regionally and globally by Chinese producers. Vietnam has sought to attract investment in high-tech industries, including semiconductors, to gradually become a key player in the global semiconductor supply chain.

Received: October 14, 2023

Received in revised form: January 23, 2024

Accepted: February 28, 2024

Дата поступления статьи: 14.10.2023

Дата поступления в переработанном виде: 23.01.2024

Принята к печати: 28.02.2024

References

- Dang Thi Kim Dung (2016). Research on Determinants of Trade Balance in Vietnam: a VAR Approach. *12th International Conference on Humanities & Social Sciences 2016*. Faculty of Humanities and Social Sciences, Khon Kaen University, Thailand.
- Dinh Thi Lien (2017). Evaluation of the trade relationship between Vietnam and China; Vietnam and the United States: a comparison using gravity model. *Eurasian Journal of Economics and Finance*, 5: 141—154.
- International Monetary Fund (IMF) (2006). IMF Country Report No. 06/20.
- Maghfiroh, L. (2021) The US-China Trade War and Factors Affecting Indonesian Export. *Efficient: Indonesian Journal of Development Economics*, 4(2): 1230—1241. URL: <https://doi.org/10.15294/efficient.v4i2.45848>
- Nidhiprabha, B. (2019) Impacts of the U.S.-China trade war on ASEAN: Case of Thailand. *Asian Economic Papers*, 18(3): 166—188. URL: https://doi.org/10.1162/asep_a_00737
- Nguyen Binh Duong, Tu Thuy Anh, Nguyen Thu Trang (2015). Future Vietnam-EU Free Trade Agreement (Vietnam-EU FTA): an analysis of trade creation and trade diversion effects. *Journal of International Economics and Management*, 72: 3—20.
- Nguyen Quang Hiep (2019). Vietnam-China Trade Relations and the Effects of the US-China Trade War. *Business and Economic Research*, 9 (4).
- Phan Thanh Hoan, Ji Young Jeong (2015). Vietnam Trade Balance and Exchange Rate: Evidence from Panel Data Analysis. *Journal of Applied Economics and Business Research*, 5: 220—232.
- Tran Lan Huong (2017). Determinants of Vietnamese Product Export to ASEAN Members. *Journal of Economics and Development*, 19: 91—110.
- Tu Thuy Anh, Nguyen Binh Duong (2011). Trade Balance between Vietnam and China: A Structural Analysis, in: *Vietnam Annual Economic Report 2011: The Economy at a Crossroads*, ed. Nguyen Duc Thanh. Vietnam National University Publisher. P. 247—286.

Vu Thi Thuy Dung, Kim Anh Duong, Le Minh Chien

Poverty among Indigenous Women in the Central Highlands of Vietnam: a Critical Analysis

Abstract. Poverty characterizes the lives of indigenous women in the Central Highlands of Vietnam. Due to a lack of opportunities and resources, indigenous women become more socially vulnerable. We argue that there is a reciprocal relationship between collective social change and the likelihood of ethnic minority women in the Central Highlands escaping poverty. The data presented in this paper was collected from our 2019 ministerial-level scientific research study on creating a poverty reduction model for indigenous women in the Central Highlands, based on a sustainable livelihood framework. Historically, change occurs when individuals are part of a collective. Our findings suggest that the motivation to escape poverty increases collective action through social work, a strategy to overcome poverty.

Keywords: Central Highlands, motivation, poverty, sustainability, Vietnamese ethnic minority women.

Authors: Vu Thi Thuy Dung, Ph.D. (Sociology), Dean of the Faculty of Sociology and Social Work, Dalat University, Vietnam. E-mail: dungvtt@dlu.edu.vn
Kim Anh Duong, Ph.D. (Sociology), Associate Professor, Faculty of Gender and Development, Vietnam Women's Academy, Hanoi.
E-mail: kimanh.waikato.nz@gmail.com
Le Minh Chien, Ph.D (Sociology), President of the Dalat University, Vietnam.
E-mail: chienlm@dlu.edu.vn

For citation: Vu Thi Thuy Dung, Kim Anh Duong, Le Minh Chien (2024). Poverty among Indigenous Women in the Central Highlands of Vietnam: A Critical Analysis. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (1): 52–65.

Vu Thi Thuy Dung, Kim Anh Duong, Le Minh Chien

Бедность среди женщин коренного населения вьетнамского плато Тэйнгуен: критический анализ

Аннотация. Бедность характеризует жизнь женщин коренных народов вьетнамского плато Тэйнгуен. Из-за нехватки возможностей и ресурсов женщины коренных народов становятся более социально уязвимыми. Авторы утверждают, что существует связь между социальным запросом на коллективизм и возможностью для женщин малочисленных народов, населяющих плато Тэйнгуен, избежать бедности. Данные, представленные в этой статье, были собраны в ходе проведенного в 2019 г. министерского научного исследования по созданию модели сокращения бедности для женщин коренного населения плато Тэйнгуен, основанной на концепции устойчивых средств к существованию. Исторические изменения происходят, когда отдельные личности становятся частью коллектива. Результаты исследования показывают, что наличие мотивации избежать бедности усиливает коллективные действия посредством социальной работы, в этом и состоит стратегия преодоления бедности.

Ключевые слова: плато Тэйнгуен, мотивация, бедность, устойчивость, женщины малочисленных народов Вьетнама.

Авторы: Ву Тхи Тхюи Зунг, к. соц. н., декан факультета социологии и социальной работы, Далатский университет, Вьетнам. E-mail: dungvtt@dlu.edu.vn

Зьонг Ким Ань, к. соц. н., доцент, фак-т пола и развития, Вьетнамская женская академия, Ханой. E-mail: kimanh.waikato.nz@gmail.com

Ле Минь Тиен, к. соц. н., президент Далатского университета, Вьетнам. E-mail: chienlm@dlu.edu.vn.

Для цитирования: Ву Тхи Тхюи Зунг, Ким Ань Зьонг, Ле Минь Тиен. Бедность среди женщин коренного населения вьетнамского плато Тэйнгуен: критический анализ // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 52—65.

Introduction

Despite the UN's (United Nations, 2022) *Sustainable Development Goals* (2022) stating that gender equity is vital for peace and prosperity, the world is not on track to achieve it by 2030. Poverty is prevalent among indigenous women of Vietnam in the Central Highlands of the country. Despite having natural resources for agriculture, hydroelectricity, mining, and tourism, poverty rates in the Central Highlands are high, with the Gia-rai, E-de, Ba-nar, Co-ho, Xo-dang, H're, Mnong, and Ma indigenous groups being the most affected by poverty hindering sustainable development in the region. Limited access to non-agricultural jobs, education, social security and financial services are some of the main causes of poverty for these indigenous women. Vietnam's natural resources are abundant and could enable women to use collective action to access essential resources. A pervasive narrative in poverty reduction in Vietnam is that the ambition to escape poverty is a fundamental factor in determining whether women can sustain an escape from poverty, but this narrative fails to acknowledge the social, cultural, and other issues that impede poverty reduction. Collective action by women's groups can help overcome poverty, but such action has not yet been realized at the collective level in Vietnam.

Background and literature review

Motivation to escape poverty is never apolitical, and the narrative on poverty requires researchers to unpack some of the social, cultural, and historical contexts undergirding their assumptions about women in poverty. In her book on *Black, Indigenous, and other People of Color navigating research and the academy* Pena [2022] envisions a liberatory reimagining of research so that women, people of color, allies, and other co-conspirators come together as communities of rebellion to challenge oppressive systems and conditions. This approach allows for the development of solutions based on the experiences and perspectives of the people concerned. As a result, we can create more equitable and just outcomes for these communities.

Indigenous women experience multiple forms of oppression. In Vietnam, the term 'ethnic minority' is used interchangeably with 'indigenous'. Their experiences are shaped by the intersections of gender, sexuality, colonialism, and culture [Crenshaw 2013].

Indigenous feminisms are rooted in core elements of indigenous cultures, including a connection to land that is framed as a sacred responsibility [Stewart-Harawira 2005; Chambers and Blood 2009]. Indigenous worldviews are holistic, interconnected and interdependent [Graham 1999]. A key goal of indigenous feminism is to secure social justice and cultural relevance through the activism of indigenous women within their cultures and equity for indigenous women [Moreton-Robinson 2021] bound by the experiences of colonization, oppression, legitimizing of racism and a contemporary settler state infused with white privilege [Green 2020]. Collective grassroots actions can increase women's voice and autonomy, as well as the empowerment of other women. It honors women's distinct and diverse experiences. This is an enduring and powerful framework for expressing women's experiences [Whyte 2014]. One may be powerless if one acts alone. A collective is comprised of the many relationships within single communities and neighboring communities based on their cultural ideas of what matters [Murphy 2014]. A feminist collective allows women to contest colonial hardships and realities with a relationship of solidarity. Collective action through social work has been effective in creating sustainable change globally. When women support each other, they create opportunities for themselves and the group. Indigenous cultures believe in reciprocal responsibility, where elders mentor young women and communities motivate each other [Weaver 2009]. Mutual commitment between women enhances honor, respect, and love for each other.

Women have a collective cultural identity based on Vietnam's history and cultural folklore, including feminist ideas expressed in law and literature, a long history of war and collective suffering, and various roles as martyrs, national treasures, and workers in war and peace [Duong 2001]. Yet, limited access to resources reduces women's agency to create or sustain collective change. Sanya [2009] found that improvements in women's social capital and normative influence fostered a capacity for collective action. Several factors contribute to collective empowerment and action, including economic ties among members, the structure of the group network, and women's participation in meetings. Feminist action collectives create networks of support where women can collectively take available resources, share them, and create spaces that support and provide choices, thus building agency [Papafilippou, Durbin and Conley 2022]

Understanding what drives women's participation in collective action is pivotal for social and economic growth. Collective feminist action is possible in Vietnam. This is because the collective cultural identity of Vietnamese women is based on the history and cultural folklore of Vietnam. This includes the expression of feminist ideas in law and literature. In this literature, there are conversations about the history of war and collective suffering, in which women are seen as martyrs, national treasures, and workers in war and peace [Duong 2001].

Central Highlands indigenous women's motivation to escape poverty

Indigenous women, including those in the Central Highlands of Vietnam, have a history of collective action, but poverty remains a barrier to working together. Unequal access to resources limits opportunities for collective action. Individual agency is shaped

by a variety of factors, including power dynamics, socioeconomic background, and belief in one's ability to escape poverty (Meier Zu Selhausen, 2016). The concept of self-efficacy is complicated and multifaceted, and it is greatly influenced by the context of gender and culture (Revollo and Portela 2019). In Vietnam, for example, women's self-efficacy may be affected by various factors, including gender roles, cultural diversity, and economic status. For example, Vietnamese women may be expected to prioritize their family and caregiving responsibilities over their personal goals and ambitions, which limits their opportunities and affects their motivation to engage in self-directed activities and their belief in their abilities [Nguyen Trang and Levkoff, 2020]. There are additional obstacles and discrimination women face based on gender, which may negatively impact their sense of self-efficacy and their ability to achieve their goals [Patel, Salahuddin and O'Brien 2008; Duong Minh Quang, Wu Ching-Ling and Hoang Mai Khanh and Hoang 2019]. Research in this area has found that self-efficacy is a powerful predictor of an individual's quality of life, motivation, and psychosocial adjustment [Dang Van Thac and Chou Ying Chyi 2019; Nguyen Thi Thuy Nga et al. 2022]. This is especially true for indigenous women in Vietnam, who may face unique challenges related to gender inequality, cultural norms, and economic disadvantage.

To promote self-efficacy among marginalized indigenous women in Vietnam, it is important for social workers to consider the cultural context and social norms that shape their experiences [Hugman, Nguyen Thi Thai Lan and Nguyen Thuy Hong 2007; Lindsey and Najafizadeh 2018]. Being born in a poor area is a disadvantage for ethnic minority women. Research has found that the causes of poverty among ethnic minority women include few non-agricultural jobs, low productivity and land per unit of work, limited education, and large community size [Cuddy, Hongmei and Paulos 2008]. Other research has shown the disadvantages that ethnic minorities face, including lack of access to education and fewer benefits from government programs and social networks, since ethnic minorities are less likely to move to a new place [Baulch et al. 2007]. Additionally, they lack access to official financial services, have less productive land, less access to the market, and lower incomes from the market [Dang 2012]. Moreover, the lack of a sustainable livelihood framework increases the probability of falling back into poverty, a setback to poverty reduction strategies [Poverty reduction in Vietnam 2011].

Individual, family, and community factors

Indigenous women in Vietnam face more disadvantages than men and Kinh women in every aspect, including access to social resources, support, and economic capital. Even with efforts to improve infrastructure and production and to close the socioeconomic gap, indigenous women encounter more psychosocial barriers in accessing, participating, and utilizing these resources [Nguyen, Tran and Van Vu, 2017].

The motivation and desire to escape poverty combined with adaptability and resilience have essential significance not only to the lives of ethnic minority women in particular but also to the lives of all ethnic minorities in the Central Highlands, in general. Many live in areas that, for up to 60.2 percent of 600 households surveyed, suffer from natural disasters, droughts, and floods. In addition, 85.7 percent encounter

crop failures, 11.7 percent suffer from diseases and loss of working capacity, and 4.3 percent suffer from famine for one to three months. In all, 18.7 percent of the 600 households are poor households and 13.7 percent are near-poor [Vietnam General Statistics Office 2019].

A fundamental and common cause of poverty and ineffectiveness of poverty reduction projects and programs for local women in the Central Highlands is their limited formal education and skills, which exacerbates gender and cultural inequalities and does not promote socio-economic development. Local ethnic minorities in the Central Highlands are currently focusing on reducing poverty by using purely material means, taking the government's capital, material, and land investments into account as determinants, but paying little attention to the qualifications of local employees. That leads to reliance of local people and administrators on national investment, which causes inefficiency in poverty reduction projects and programs [Fritzen 2002].

Studies have shown that microfinance programs have increased indigenous women's access to credit, enabling them to engage in small businesses and increase their income [Deshmukh-Ranadive 2002; Siraj 2017; Yeboah 2017). Women who participate in community organizations have greater benefits and the ability to recover their livelihoods after natural disasters [Ahmed, 2013). International social service organizations, non-governmental organizations, and others engaged in poverty reduction models have also shown that indigenous households and communities' internal factors, such as motivation and willingness to take risks, are crucial to their success in reducing poverty sustainably [ActionAid 2012). However, there is no clear understanding of how individual, family, and community factors are interconnected.

Methodology

Our research uses a normative approach in addressing the challenges of not only asking why indigenous women are poor, but also critically questioning why women have escaped poverty, highlighting the limited effectiveness and unsustainability of government poverty reduction programs, and suggesting that ethnic minority women need sustainable livelihood strategies aligned with their own goals to escape poverty. In this study, we examine how individual, family and community factors, particularly the motivation to escape poverty as a collective, impact the causes of poverty and the livelihood in the Central Highlands.

Survey data were collected from three provinces representing three regions of the Central Highlands: Gia Lai [North), Dak Lak [Middle), and Lam Dong [South). The three regions were chosen to represent high, middle, and low poverty rates, respectively. In each district, two towns were selected — one with the highest poverty rate and one with the lowest. A stratified random sampling technique was used to select 600 individuals from indigenous households. The samples were divided into local indigenous people and migrant indigenous people. The questionnaire was divided into three parts to collect socio-demographic information, household circumstances, and the ability of households to use resources to develop their livelihoods, including assessing the impact

of livelihood resources on household economic development and the likelihood of escaping poverty using a five-point Likert scale.

The Kaiser-Meyer-Olkin [KMO) test and exploratory factor analysis were used to test the adequacy of the observed variables, including individual, family, and community factors, and the dependent variable, the likelihood of sustaining an escape from poverty. A logistic model was used to assess the impact of each observed variable on the likelihood of sustained escape from poverty among indigenous women in the Central Highlands.

Results

Causes of poverty among ethnic minority women in the Central Highlands of Vietnam

Aside from considering the role of the policy system and the features of the livelihood capital for ethnic minorities, which showed several “intertwined” disadvantages for them, we evaluated the factors that influence the probability of ethnic minority women in the Central Highlands sustaining an escape from poverty. We used five resources from the sustainable livelihoods framework of the [Department for International Development 2000], then categorized them into three groups. The first group consists of individual factors with five observed variables, including (1) health, (2) education, (3) working capacity and skills, (4) adaptability to changes, and (5) motivation and desire to exit from poverty. The second group consists of family factors, with five observed variables, including (1) mutual support of relatives and neighbors; (2) respect for the equality between men and women; (3) loans and loan usage; (4) saving accounts, salaries, and pensions; and (5) tools, techniques, and technology used in work. The third group consists of local community factors, with six observed variables, including (1) quality of arable land, (2) water hygiene, (3) waste disposal methods, (4) payments for ecosystem services, (5) availability of forest products, and (6) infrastructure. These independent variables were then evaluated for their effects on the dependent variable, which is the probability of sustaining an escape from poverty, defined as a stable increase in income. Cronbach's alpha is above .90 for all variables, and the KMO averaged value is .945, showing that all model variables are adequate (Table 1).

Table 1. Kaiser-Meyer-Olkin value and Bartlett's test

	KMO value	.945
Bartlett's test	chi-square	3565.145
	df	120
	<i>p</i>	.000

Source: data are from the 2019 survey.

The results of testing the relevance between the independent variables and the dependent variable by the analysis of variance (ANOVA) test, given in Table 2, show that the *F* value is 141.761 with a level of significance of .000 (<0.05). This indicates that the model is adequate for the data, and the observed variables are all statistically significant. Therefore, the independent variables in the model are relevant to the dependent variable.

Table 2. ANOVA test

Model		Sum of squares	df	Mean square	<i>F</i>	<i>p</i>
1	Regression	60.728	3	20.243	141.761	.000
	Residual	85.105	596	.143		
	Total	145.833	599			

Source: data are from the 2019 survey

To see how individual, family, and community factors influence the likelihood of ethnic minority women in the Central Highlands escaping poverty, we applied the multivariate regression model and obtained an interesting result (Table 3).

Table 3. Multivariate regression model: The influence of factors on the probability of ethnic minority women in the Central Highlands sustaining an escape from poverty

Model		Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	<i>t</i>	<i>p</i>	Collinearity Statistics	
		B	Std. Error	Beta			Tolerance	VIF
1	(Constant)	.122	.066		1.843	.066		
	Individual factors	.194	.033	.369	5.956	.000	.255	3.920
	Family factors	.089	.037	.167	2.396	.017	.200	4.989
	Local community factors	.085	.031	.150	2.745	.006	.329	3.036

Source: data are from the 2019 survey.

Note: Adjusted $R^2 = 0.413$.

The results in Table 3 show that all three groups of factors (individual, family, and community) influence the likelihood of ethnic minority women in the Central Highlands escaping poverty on a sustainable basis. All significance levels are below .05, and the individual factors have the greatest influence, with the highest standardized beta of .369 and a significance level below .001. In the Central Highlands, ethnic minority women prove to be highly susceptible to escaping poverty when specific factors are considered. The R^2 of .413 indicates that the three groups in the model can predict 41.3 percent of the probability that ethnic minority women in the Central Highlands will sustainably escape poverty. In this paper, we do not analyze the causes of poverty among ethnic minority women, but focus primarily on the relationship between the motivation and desire to escape poverty and the causes of their poverty.

Motivation in the Central Highlands to escape poverty

The likelihood of sustaining an escape from poverty is approached in this paper from the perspective of the motivations of individuals and as a collective community. Therefore, our objective is to consider how individual factors, including the motivation and desire of ethnic minority women in the Central Highlands to escape poverty and their adaptability to unexpected life events, affect the likelihood of sustaining an escape from poverty.

After removing the individual factors (health, education, work capacity and skills, adaptability to change, and motivation and desire to escape poverty) from the three groups of factors in the multivariate regression model, we then included them in the logistic regression model to see their effect on the likelihood of sustaining an escape from poverty (Table 4).

Table 4. Regression model: The influence of individual factors on the probability of ethnic minority women in the Central Highlands sustaining an escape from poverty

Independent variables		Regression coefficient <i>B</i>	Odds ratio $\text{Exp}(B)$
Health	Good	0.766**	2.150
	Not good (the control group)	0.000	1.000
Education	High school and continuing education (the control group)	0.000	1.000
	Elementary school to junior high school	-1.091*	0.336
	Illiterate or uneducated	0.174	0.624
Working capacity and skills	With working capacity and skills	0.549	1.732
	Without working capacity and skills (the control group)	0.000	1.000
Adaptability to changes and shocks	With the adaptability to changes and shocks	2.490***	12.058
	Without the adaptability to changes and shocks (the control group)	0.000	1.000
Motivation and desire to escape poverty	Yes	0.709*	2.032
	No (the control group)	0.000	1.000
Constant		-2.627	0.072
Nagelkerke R^2		0.587	

Source: data are from the 2019 survey

As shown in Table 4, among the five individual factor variables, the variable representing working capacity and skills is not statistically significant (significance level $>.05$), while the other variables, including health, education, adaptability to change, and motivation and desire to escape poverty, show their influence on the likelihood of ethnic minority women in the Central Highlands escaping poverty. People in good health are more likely to escape poverty than those in poor health (odds ratio = 2.150). People who have completed primary or junior high school are less likely to escape poverty than those who have completed high school or are enrolled in continuing education (odds ratio = 0.336).

Adaptability to change is the most influential of the five variables. The odds ratio of 12.058 shows that women who can adapt to shocks are 12 times more likely to escape poverty permanently than women who cannot. This, together with their motivation and desire to get out of poverty, helps women to be more likely to escape poverty. Women who have the motivation and desire to escape poverty are more than twice as likely to do

so than those who do not (odds ratio = 2.032). These results reflect the “bright spots” and “internal capacity” approach the authors applied, which is also the method used in many studies of poverty reduction programs to explain why some ethnic minorities were successful in sustaining a poverty escape while others were not, even though they were all in the equivalent life context (Table 5).

Table 5. Major incidents encountered by households (2014–2019)

Incidents encountered by households (2014–2019)	Frequency/Percent	Possibility of an incident	
		Yes	No
Suffer from natural disasters, droughts, and floods	Frequency (N)	361	239
	Valid percent (%)	60.2	39.8
Encounter crop failures	Frequency (N)	515	85
	Valid percent (%)	85.2	14.8
Loss of farmland	Frequency (N)	14	586
	Valid percent (%)	2.3	97.7
Suffer from diseases and loss of working capacity	Frequency (N)	70	530
	Valid percent (%)	11.7	88.3
Suffer from famine for one to three months	Frequency (N)	26	574
	Valid percent (%)	4.3	95.7

Source: data are from the 2019 survey

Therefore, the probability of ethnic minority women rising from poverty by themselves and as a collective group, without waiting for government policies and programs, is an important indicator of sustainable poverty reduction strategies in the Central Highlands today.

Drivers of motivation to escape poverty

In continuing to study what drives ethnic minority women in the Central Highlands to have such strong motivation and desire to escape poverty, while other women groups do not, although all are in the same life context and community, we found two factors in this research: religion and the “thrust” of the migrant group.

The research results show a relationship between religion and the probability of ethnic minority women escaping poverty in the Central Highlands. The percentage of religious people (Buddhists, Protestants, and Catholics) who have a stable increase in income and do not fall back into poverty (62.9 %) is higher than for nonreligious people (35 %). The significance level of .000 indicates a strong relationship between religion and the probability of ethnic minority women escaping poverty in the Central Highlands (Table 6). This can be explained if religious teachings provide motivation to worshippers to make a constant effort to pursue a better life. Thus, religions and spirituality may create practical impulses for actions in which there are economic outcomes.

Table 6. The probability of ethnic minority women escaping poverty based on religion (%)

The probability to sustain an escape from poverty	Religion		Total
	Nonreligious	Religious	
Without stable income increase or falling back into poverty	65.0	37.1	58.3
With stable income increase and not falling back into poverty	35.0	62.9	41.7
N (samples — people)	457	143	600
Phi value, Cramer $V = 0.241$, $p = 0.000$			

Source: data are from the 2019 survey.

Table 7. Factors that influence the motivation of ethnic minority women to escape poverty in the Central Highlands

	Position in the community	Extracted information from the extensive interviews and group discussions
Mrs. N	Tay ethnic minority, an agricultural official in Dak Jo Ta town, Mang Yang district, Gia Lai Province	<i>“Compared to Ba Na women, the Tay women make better efforts. Firstly, they are more knowledgeable in terms of education, and secondly, in the way of doing business, they are more knowledgeable than the Ba Na people. As for the Ba Na women, they rarely go out to communicate outside, so their access to scientific techniques is less than that of men. Even the Vietnamese language they speak is not fluent, so it is difficult for them to receive the scientific and technical studies.”</i>
Mr. Y	Ra-de ethnic minority, a cultural official in Cu M'Gar town, Cu M'Gar district, Dak Lak Province	<i>“The local Ra-de people usually misuse the financial support meant to improve their livelihoods to pay for motorbikes or solely spend on their family expenses, such as daily food and clothing. In contrast, the migrant Nung people know how to raise cattle and grow crops and then invest the money they get from that in growing pepper.”</i>
Mr. K	KoHo ethnic minority in Tan Thanh town, Lam Dong Province	<i>“Nung women are hardworking, have business acumen, know how to do business, and invest their money in their children's education.”</i>
Mrs. D, Mr. N, Mr. O, Mrs. B	KoHo ethnic minority group in Tan Van town, Lam Ha Province	<i>“Nung people are economically advanced in all aspects. Nung women can escape poverty better since they are more hardworking and better at calculations. They work from dawn to dusk, day after day, while KoHo women prefer to do things at home and in their gardens, and rarely go out to get more jobs.”</i>
Mr. O, Mr. H, Mrs. N, Mrs. E	Nung ethnic minority group in Ea M'Drón town, Cu M'Gar district, Dak Lak Province	<i>“Whenever there is a program that gives out support to poor people, preference is given to local ethnic minority people. Since the local ethnic minority people are poorer and have more children, they are categorized as poor households and always get that support. However, the migrant Nung people do not receive that; therefore, they have to try harder and save money.”</i>

Source: data are from the 2019 survey.

The second factor involves the “thrust” of the migrant ethnic minorities in the Central Highlands. The results show that migrant ethnic minority women may have a stronger motivation to escape poverty than local women. Moreover, migrant ethnic minority women are adaptable and resilient to life changes, shocks, and risks (Table 7).

The information in Table 7 shows the perceived differences in motivation to escape poverty between migrant and local ethnic minority women in the Central Highlands. The explanation for why migrant ethnic minority women have stronger motivation and desire to escape poverty is that they are migrants from the northern mountainous region of Vietnam, where life is so hard that there is no other way to build a better life than to migrate from their hometowns. However, they are less poor than other ethnic minorities in their hometowns because they can afford to migrate, which means that they are not the most disadvantaged members of their community. In comparison, poverty among local ethnic minorities in Gia Lai is considered extreme poverty. Therefore, they have received more support from government policies and programs than migrant ethnic minorities.

This difference becomes the impetus that drives migrant ethnic minorities to make greater efforts to escape poverty. Perhaps factors such as inequality due to less support they receive gives them more strength and determination to overcome difficulties to escape poverty. This is an important indicator of the likelihood that ethnic minority women in the Central Highlands can escape poverty.

Discussion and Conclusions

Although the Central Highlands has witnessed rapid and drastic urbanization, attracting huge investment from the government and social organizations over many years, the poverty of ethnic minority women still exists and cannot be ignored. The poverty rate of ethnic minority women in the Central Highlands remains higher than the national average. Achieving sustainable poverty reduction requires promoting household economic development and reducing risks caused by natural disasters and climate change, especially in the Central Highlands, which remains one of the poorest areas in Vietnam despite its rich natural and community resources. One of the reasons is that the benefits of ethnic minority women in the labor market have not been realized. Ethnic minority women in the Central Highlands, especially local ethnic minority women, may not want to go out of their villages to gain more experience, socialize outside their region, or gain confidence in different skills or knowledge offered outside their region. Therefore, this workforce needs more attention in the formulation of development strategies and policies in accordance with the characteristics of each ethnic minority group. The current strategy of intra- and inter-regional linkages has not created local jobs or encouraged women to participate in the labor market.

The likelihood of ethnic minority women escaping poverty is strongly related to their motivation and aspirations. Therefore, this characteristic needs to be taken into account when designing programs and policies to motivate them from their internal capacity and resilience and to create sustainable collective hubs, communities of empowerment and resources that can be used as community hubs to create local

pathways out of poverty in the Central Highlands. Therefore, programs and policies should focus on strengthening relationships based on strength as well as providing additional financial support to these groups. By building community friendships, connections and alliances, change can and will happen. Being together as a group empowers individuals to work for social change.

The influence of religion/spirituality and ethnicity on the motivation and desire of ethnic minority women in the Central Highlands to escape poverty shows the important role of their religion/spirituality and culture in livelihood development. Therefore, it is necessary to promote the positive roles of religion/spirituality and ethnicity to stimulate the efforts of ethnic minority women in building sustainable livelihoods in the Central Highlands.

Reducing poverty among indigenous women in Vietnam may require developing strategies to challenge gender stereotypes, increasing access to education and economic resources, and supporting networks that empower and support women [Santillán et al. 2004]. Although ethnic minority women are expected to play a critical role in the development of the local economy and society, they are disadvantaged in the Central Highlands due to limited education, access to resources, and decision-making power. Poverty reduction efforts must address the root causes of their lack of motivation to escape poverty, including unequal opportunities and benefits, as well as social and cultural norms that prioritize men's decisions over women's [Cuddy, Hongmei and Paulos 2008]. Ultimately, a deeper understanding of the ways in which gender and cultural context shape self-efficacy can help inform social work practice and policies that promote greater equity and social justice. By recognizing the complex interplay of individual, cultural, and societal factors, we can work to create more inclusive and supportive environments that enable all individuals to reach their full potential.

Implications for social work practice include the need for local social workers to create spaces for community conversations that empower women. Social work students in Vietnam should be taught skills to advocate for and provide internal and external resources to women in order to build capacity and create opportunities for collective action to reduce poverty. In addition, future social work research should continue to unpack the factors that contribute to women's poverty, including their internal capacities and resources for organizing together to challenge societal inequities.

Received: January 3, 2024

Received in revised form: February 12, 2024

Accepted: March 6, 2024

Дата поступления статьи: 03.01.2024

Дата поступления в переработанном виде: 12.02.2024

Принята к печати: 06.03.2024

References

ActionAid (2012) *Roles of village institutions in poverty reduction models in some typical ethnic minority communities in Vietnam*. URL: https://vietnam.actionaid.org/sites/vietnam/files/thiet_che_thon_ban-e_28.5.pdf.

Ahmed, S. (2013) *Gender Issues in agriculture and rural livelihoods*. MS Swaminathan Research Foundation.

Baulch, B. et al. (2007) Ethnic minority development in Vietnam. *The Journal of Development Studies*, 43(7):1151–1176. URL: <https://doi.org/10.1080/02673030701526278>

Chambers, C.M. and Blood, N.J. (2009) Love Thy Neighbour: Repatriating Precarious Blackfoot Sites. *International Journal of Canadian Studies*, 39–40: 253. URL: <https://doi.org/10.7202/040832ar>

Crenshaw, K. (2013) Mapping the margins: Intersectionality, identity politics, and violence against women of color, in: *The public nature of private violence*. Routledge. P. 93–118.

Cuddy, M, Hongmei, L. and Paulos, G. (2008) *Factors influencing poverty levels in rural households in Southwest China*. Working Paper No. 0136. National University of Ireland Galway.

Dang, Hai-Anh, H. (2012) Vietnam: A Widening Poverty Gap for Ethnic Minorities', in: G. Hall and H. Patrinos (eds.). *Indigenous Peoples, Poverty, and Development*. 1st edn. Cambridge University Press. P. 304–343. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139105729.008>

Dang Van Thac and Chou Ying Chyi (2019) Extrinsic motivation, workplace learning, employer trust, self-efficacy and cross-cultural adjustment: An empirical study of Vietnamese laborers in Taiwan. *Personnel Review*, 49(6): 1232–1253. URL: <https://doi.org/10.1108/PR-10-2018-0427>

Department for International Development (2000). *DFID's sustainable livelihoods approach and framework*. URL: <http://dangcongsan.vn/multimedia/bai-3-can-thuc-hien-muc-tieu-kep-thuc-day-ph-at-trien-kinh-te-ho-va-giam-thieu-rui-ro-do-thien-tai-thich-ung-voi-bien-doi-khi-hau-560978.html>

Deshmukh-Ranadive, J. (2002) *Database issues: Women's access to credit and rural micro-finance in India*. UNESCO & UNDP. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/in/database_issues_women_access_credit_rural_micro_finance_India.pdf

Duong Minh Quang, Wu Ching-Ling and Hoang Mai Khanh (2019) Student inequalities in Vietnamese higher education? Exploring how gender, socioeconomic status, and university experiences influence leadership efficacy. *Innovations in Education and Teaching International*, 56(1): 110–120. URL: <https://doi.org/10.1080/14703297.2017.1377098>

Duong, W.N. (2001) Gender equality and women's issues in Vietnam: The Vietnamese woman-warrior and poet. *Pacific Rim Law and Policy*, 10(2): 191–326.

Fawcett, B (2009) Vulnerability: Questioning the certainties in social work and health. *International Social Work*, 52(4): 473–484. URL: <https://doi.org/10.1177/0020872809104251>

Fritzen, S (2002) Growth, inequality and the future of poverty reduction in Vietnam. *Journal of Asian Economics*, 13(5): 635–657. URL: [https://doi.org/10.1016/S1049-0078\(02\)00173-2](https://doi.org/10.1016/S1049-0078(02)00173-2)

Graham, M.J. (1999) The African-Centered Worldview: Toward a Paradigm for Social Work. *Journal of Black Studies*, 30(1): 103–122. URL: <https://doi.org/10.1177/002193479903000106>

Green, J (2020) Indigenous feminism: From Symposium to book, in: *Making space for Indigenous feminism*. Fernwood Publishing. P. 14–19.

Hugman, R., Nguyen Thi Thai Lan, Nguyen Thuy Hong (2007). Developing social work in Vietnam. *International Social Work*, 50(2): 197–211. URL: <https://doi.org/10.1177/0020872807073985>

Lindsey, L.L. and Najafizadeh, M. (2018) Globalization, Development, and Gender Equity: A Thematic Perspective on Women of Asia, in: *Women of Asia*. Routledge. P. 3–15.

Meier Zu Selhausen, F. (2016) What Determines Women's Participation in Collective Action? Evidence from a Western Ugandan Coffee Cooperative. *Feminist Economics*, 22(1): 130–157. URL: <https://doi.org/10.1080/13545701.2015.1088960>

Moreton-Robinson, A. (2021) *Talkin' up to the white woman: Indigenous women and feminism*. University of Minnesota Press.

Murphy, M. (2014) Self-determination as a Collective Capability: The Case of Indigenous Peoples. *Journal of Human Development and Capabilities*, 15(4): 320–334. URL: <https://doi.org/10.1080/19452829.2013.878320>

- Nguyen Thi Thuy Nga, Liang Shu-Yun, Liu Chieh-Yu, Chien Ching-Hui (2022). Self-care self-efficacy and depression associated with quality of life among patients undergoing hemodialysis in Vietnam. *PLOS ONE*. Edited by M. Aoun, 17(6): e0270100. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0270100>
- Nguyen Trang and Levkoff, S. (2020) “What Will Come Will Come”: The Journey of Adjustment and Acceptance on the Path of Dementia Care Among Vietnamese Family Caregivers. *Qualitative Health Research*, 30(10): 1529–1545. URL: <https://doi.org/10.1177/1049732320919390>
- Nguyen Viet Cuong, Tran Quang Tuyen and Vu Van Huong (2017). Ethnic Minorities in Northern Mountains of Vietnam: Employment, Poverty and Income. *Social Indicators Research*, 134(1): 93–115. URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1413-3>.
- Papafilippou, V., Durbin, S. and Conley, H. (2022) Women’s formal networking: The relationship between networking activities and power. *Gender, Work & Organization*, 29(5): 1712–1741. URL: <https://doi.org/10.1111/gwao.12869>
- Patel, S.G., Salahuddin, N.M. and O’Brien, K.M. (2008) Career Decision-Making Self-Efficacy of Vietnamese Adolescents: The Role of Acculturation, Social Support, Socioeconomic Status, and Racism. *Journal of Career Development*, 34(3): 218–240. URL: <https://doi.org/10.1177/0894845307308488>
- Pena, L.G. (2022) *Community as rebellion: A syllabus for surviving academia as a woman of color*. Haymarket.
- Poverty reduction in Vietnam: Achievements and challenges (2011). Vietnam Academy of Social Sciences. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/870971468318548031/pdf/642790WP0P107600Box0361535B0PUBLIC0.pdf>
- Revollo, P.E. and Portela, M.J.O. (2019) *Self-efficacy, agency and empowerment during adolescence and young adulthood in Ethiopia, India, Peru and Vietnam*. URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:a664aeb5-b725-488a-bf11-3af8e48af041>
- Santillán, D. et al. (2004) Developing indicators to assess women’s empowerment in Vietnam. *Development in Practice*, 14(4): 534–549. URL: <https://doi.org/10.1080/09614520410001686124>
- Sanyal, P. (2009) From Credit to Collective Action: The Role of Microfinance in Promoting Women’s Social Capital and Normative Influence. *American Sociological Review*, 74(4): 529–550. URL: <https://doi.org/10.1177/000312240907400402>
- Siraj, M. (2017) Do microfinance programs benefit women in developing countries? *Advancing Women in Leadership Journal*, 32: 24–35. URL: <https://doi.org/10.21423/awlj-v32.a88>
- Stewart-Harawira, M. (2005) Cultural Studies, Indigenous Knowledge and Pedagogies of Hope. *Policy Futures in Education*, 3(2): 153–163. URL: <https://doi.org/10.2304/pfie.2005.3.2.4>
- United Nations (2022) *The 17 goals*. URL: <https://sdgs.un.org/goals>
- Vietnam General Statistics Office (2019). *Population and houses census*. URL: <https://www.gso.gov.vn/en/population-and-houses-census/>.
- Weaver, H.N. (2009) The Colonial Context of Violence: Reflections on Violence in the Lives of Native American Women. *Journal of Interpersonal Violence*, 24(9): 1552–1563. URL: <https://doi.org/10.1177/0886260508323665>.
- Whyte, K.P. (2014) Indigenous Women, Climate Change Impacts, and Collective Action. *Hypatia*, 29(3): 599–616. URL: <https://doi.org/10.1111/hypa.12089>
- Yeboah, E. (2017) The Impact of Microfinance on Grassroot Development: Evidence from Smes in Kwabre East District of Ashanti Region of Ghana. *Open Journal of Business and Management*, 05(04): 577–591. URL: <https://doi.org/10.4236/ojbm.2017.54050>.

В.Н. Шкунов

Внешняя торговля Вьетнама во второй половине XIX в. и российские внешнеторговые интересы

Аннотация. Статья посвящена проблемам развития внешнеторговых связей Вьетнама на протяжении второй половины XIX в. Представлен анализ основных внешнеторговых партнеров Вьетнама, ассортимента экспорта и импорта, каналов поставок, объемов внешнеторговых оборотов. Особое внимание уделено политике европейских держав по развитию внешнеторговых связей Вьетнама. Отмечены основные подходы вьетнамских властей и торговцев к организации внешнеторговых отношений с сопредельными и европейскими странами. Дана характеристика главных центров торговли во Вьетнаме, особенностей организации торговли экспортными и импортными товарами, а также транспортировки товаров сухопутными, морскими и речными путями. Раскрыты взгляды и подходы российских властей и предпринимателей к развитию внешнеторговых связей Российской империи с Вьетнамом. В частности, представлены сведения о заходе российских кораблей в порты Вьетнама, а также каналах поставок вьетнамских товаров на российский рынок. Статья основана преимущественно на дореволюционных источниках на русском, французском, английском, испанском и вьетнамском языках.

Ключевые слова: Вьетнам, Франция, Российская империя, внешняя торговля, экспорт, импорт, товары.

Автор: Шкунов Владимир Николаевич, д. и. н., д. пед. н., профессор, в. н. с. Самарского федерального исследовательского центра РАН.
ORCID: 0000-0002-0311-9061. E-mail: orientru@mail.ru

Для цитирования: Шкунов В.Н. Внешняя торговля Вьетнама во второй половине XIX в. и российские внешнеторговые интересы // *Вьетнамские исследования*. 2024. Т.8. № 1. С. 66—80.

V.N. Shkunov

Vietnam 's Foreign Trade in the second half of the XIX century and Russian Foreign Trade Interests

Abstract. The article is devoted to the problems of the development of Vietnam's foreign trade relations during the second half of the XIX century. The analysis of the main foreign trade partners of Vietnam, the range of export and import, supply channels, volumes of foreign trade turnover, prices is presented. Special attention is paid to the policy of the European powers on the development of Vietnam's foreign trade relations. The main approaches of the Vietnamese authorities and traders to the organization of

foreign trade relations with neighboring and European countries are noted. The characteristics of the main centers of trade in Vietnam, the peculiarities of the organization of trade in export and import goods, as well as the transportation of goods by land, sea and river routes are given. The views and approaches of the Russian authorities and entrepreneurs to the development of foreign trade relations of the Russian Empire with Vietnam are revealed. In particular, information is provided on the entry of Russian ships into the ports of Vietnam, as well as on the supply channels of Vietnamese goods to the Russian market. The article is based mainly on pre-revolutionary sources in Russian, French, English, Spanish and Vietnamese.

Keywords: Vietnam, France, Russian Empire, foreign trade, export, import, goods.

Author: Shkunov Vladimir N., D.Sc. (History), D.Sc. (Pedagogics), Professor, Leading Researcher, Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-0311-9061. E-mail: orientru@mail.ru

For citation: Shkunov V.N. (2023). Vietnam's Foreign Trade in the Second Half of the XIX Century and Russian Foreign Trade Interests. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (1): 66—80.

Введение

История внешней торговли Вьетнама — яркая, многогранная и поучительная страница в летописи страны. Она привлекала внимание исследователей в прошлом, вызывает интерес и у современных ученых. Уходящие вглубь веков внешнеторговые связи Вьетнама нашли отражение в трудах китайских и японских ученых XV—XVII вв., а с конца XVI в. — и путешественников и исследователей из Европы. В этих работах приводились общие сведения о внешнеторговых связях Вьетнама с сопредельными странами, давалась характеристика экспорта и импорта, каналов поставок, цен и т. д. Однако в них, как правило, отсутствовали статистические данные, что затрудняет оценку внешнеторговых оборотов.

В XVIII—XIX вв. круг научных трудов, посвященных внешней торговле Вьетнама, значительно расширился. Вышли крупные работы, посвященные экономическому развитию страны, но вопросам внешнеторговых отношений в них уделено мало внимания. Редкими эпизодами эти вопросы оставались и в трудах отечественных ученых. Редко эти вопросы освещались и в публикациях российских ученых. В XIX в. в России появляется целый пласт литературы, посвященной Аннам и Кохинхине, в основном это статьи в авторитетных периодических изданиях [Очерк... 1878; Новейшие сведения... 1821; Путешествие... 1826; Посещение... 1846 и др.]. Экономическая жизнь Вьетнама в рассматриваемый период нашла отражение в трудах европейских путешественников, государственных деятелей, предпринимателей и т. д. Вместе с тем сведения о внешнеторговых связях Вьетнама во второй половине XIX в. освещены в них отрывочно, как правило, в контексте более общих проблем и задач исследований. Кроме этого, в зарубежных источниках приводились разные (порой, ошибочные) сведения об объемах внешней торговли Вьетнама.

В XX — начале XXI в. количество работ по социальной, политической и отчасти экономической истории Вьетнама значительно выросло как в зарубежной

(прежде всего, вьетнамской) литературе [Một số vấn đề... 1998 и др.], так и в отечественной [Рябинин 1988; Маслов 1991; Деопик 2002 и др.]. Однако полноценной истории внешней торговли Вьетнама в эти годы так и не было представлено.

С XIX в. давалась противоречивая оценка характера внешней торговли Вьетнама, оправдывались действия французских колониальных властей по реализации протекционистской политики в Индокитае. Свою точку зрения высказывали в Лондоне, Вашингтоне, Берлине, Мадриде, Санкт-Петербурге, Пекине, Токио и т. д. Но целостной картины внешнеторговых отношений Вьетнама, анализа межгосударственных противоречий по проблемам экспортно-импортных операций, оценки роли и значения вьетнамского рынка в международной торговле до настоящего времени полноценно не представлено. Отчасти восполнить этот пробел, предпринять попытку реконструкции истории внешней торговли Вьетнама в рассматриваемый период и призвана настоящая статья.

В работе над статьей автором применялись различные исследовательские методы (исторический, историко-генетический, логический), а также контент-анализ и другие специфические методы изучения экономической истории.

В статье используются наименования регионов Вьетнама, утвердившиеся в дореволюционной отечественной и зарубежной литературе, а также современные географические названия.

Предыстория

Вьетнам на протяжении многих веков поддерживал тесные, взаимовыгодные торговые связи с сопредельными странами, прежде всего, с Китаем. В XVI в. страна вступает в контакты с первыми европейцами: португальцы устанавливают торговые связи с Дангчонгом (центральная и южная часть Вьетнама). В XVII в. во Вьетнам проникают торговцы Голландской Ост-Индской компании, а затем купцы Британской и Французской Ост-Индских компаний. Становление торговых отношений с европейскими странами знаменовало новую страницу в истории внешней торговли Вьетнама. Некоторые исследователи считают, что внешняя торговля на Севере и на Юге зародилась именно в это время (начало XVII в.). За португальцами и голландцами во Вьетнам стали проникать торговцы из Японии, Китая, Сиамы и др. С середины XVIII столетия в экономическую жизнь страны активно включились южные регионы Вьетнама. Особую роль во внешнеторговых связях играли провинции Тхуанхоа и Куангнам, славившиеся своими текстильными, гончарными изделиями, а также добычей золота и железных руд [История Вьетнама 1983: 222]. На развитие внешней торговли оказывали влияние внутренние противоречия, восстания (особенно в 1771 г.), отражение сиамской агрессии в 1784—1785 гг., движение Тэйшонов, борьба против маньчжурского вторжения в 1788—1789 гг. и т. д. Все эти события нередко приводили к прерыванию внешне-торговых отношений. Существенное воздействие на развитие внешнеторговых связей страны оказывала и запретительная политика вьетнамских властей, стремившихся оградить государство от влияния иностранцев. Ситуация стала стремительно меняться во второй половине XIX в. Оккупация французскими войсками важнейших центров внешней торговли Вьетнама (Дананг, Сайгон, Ханой и др.)

в 1858—1873 гг., объявление Тонкина и Аннама французскими протекторатами, а затем развязывание двух франко-вьетнамских войн (1858—1862; 1883—1884) привели к фактическому захвату всей страны. С этого времени внешняя торговля страны попадает под полный контроль колониальных властей при одновременном расширении внешнеторговых связей и росте внешнеторговых оборотов.

Ведущие центры торговли

Перенос столицы из Тханглонга в Хюэ в 1804 г. ознаменовал смещение каналов внешнеторговых операций. В период административных реформ и усиления централизации страны возникают новые центры внешней торговли. В 1869 г. император Нгуен Зык-тонг (Ты Дык) разрешил гражданским лицам осуществлять внешнеторговые операции, а в 1876 г. была разрешена морская торговля с установлением пятипроцентной пошлины на экспортные и импортные операции [Vinh Khánh 2022].

Хайфон в период французского владычества стал одним из ведущих центров внешней торговли Тонкина¹. Основными экспортными товарами были рис, шелк-сырец, чай, олово, лекарства, лакированные шкатулки, мебель с инкрустацией из перламутра, птичьи перья, настойки и т. д. [Dutreuil 1879: 302]. Импорт (в основном из Китая, Великобритании и из французской колонии Кохинхины) включал хлопчатобумажные ткани, опиум, шерсть, чай, лекарства, шелковые ткани, фарфор, консервы, кондитерские изделия, скобяные изделия и т. д.² В соответствии с политическим договором от 15 марта 1874 г. и торговым соглашением от 31 августа того же года для внешней торговли были открыты морские порты Тонкина, которые стали играть заметную роль в коммерческих связях региона с другими странами. Это было характерно и для других регионов. Так, в 1877 г. в порт Куинён прибыли 14 европейских торговых кораблей: 6 итальянских, 4 английских, 3 французских, 1 сиамский [Там же: 301].

В 1877 г. в порты южной части страны прибыли 236 торговых судна, из них 176 пароходов и 60 парусных судов — в Сайгон. Среди них — 150 английских, 44 французских, 19 германских, 9 голландских, 6 датских, 4 испанских и т. д. [Там же: 298]³.

¹ В период с 1875 по 1876 г. в этот порт прибыло 30 европейских судов (из них всего 3 французских) и 140 китайских джонок, было доставлено товаров на 10 млн франков. Примерно во столько же оценивался экспорт [Dutreuil 1879: 301].

² В 1881 г. в порт Хайфон прибыло 253 европейских торговых судов, из которых только 11 были под французским флагом [Norman 1884: 35]. Кроме этого, отмечено прибытие 205 китайских джонок с 9616 т груза [Недзвецкий 1883: 77].

³ На этих судах были доставлены следующие товары: чай, ткани (прежде всего, английские хлопчатобумажные ткани и изделия из них), вина и иные спиртные напитки, рафинированный сахар, опиум, фарфор, фаянс и керамика из европейских стран и Китая, масло, мука, уголь, китайские лекарства, консервы, приправы, табак, парфюмерия, одежда, книги, так называемые парижские товары (галантерея) и пр. Из Сайгона вывозились рис, сушеная и соленая рыба, сушеные овощи, хлопок, сахар-сырец, шкуры, шелк-сырец, шерсть, перец, свиной жир, орехи, кокосы, табак, индиго, птичьи перья, мед, воск, кардамон, слоновая кость, черепаховые панцири и т. д. [Dutreuil 1879: 299].

Главное богатство южной Кохинхины составлял рис. В 1876 г. его было экспортировано 350 тыс. мешков. Рис вывозился в порты Китая, Сингапур, Маврикий, Францию (порт Марсель), Гонконг [Там же: 299]. При этом на Гонконг риса приходилось в 20 раз больше, чем вывозилось в другие страны. Примечательно, что рис из Кохинхины поступал даже в Рио-де-Жанейро [Revista contemporanea 1885: 88].

Французы изменили размеры таможенных пошлин в Сайгоне. Если до 1862 г. в порту взимались большие пошлины, что препятствовало развитию морской торговли, то 25 августа 1862 г. французские власти установили новый порядок: при условии оплаты якорного сбора в размере $\frac{1}{4}$ пиастра иностранные суда освобождались от таможенных пошлин (как импортных, так и экспортных) на все товары. Единственное исключение составлял опиум, за который оплачивалась пошлина в размере 10 пенсов [Cochinchine 1868: 29]. В одном из французских изданий за 1868 г. отмечалось: «Сайгон является свободным портом, который предлагает торговле все свободы и безопасность, которые она может пожелать» [Там же: 30]¹.

Увеличение экспорта риса демонстрировало следующую динамику: 1860 г. — 58 тыс. т., 1867 г. — 98 тыс. т., 1870 г. — 230 тыс. т. В 1880-е годы ежегодный экспорт риса оценивался в 500 тыс. т., а в 1890-е годы — в 700 тыс. т [Vĩnh Khánh 2022]².

Сайгон, объявленный свободным портом с 1871 г., ежегодно наращивал объемы внешней торговли. В 1871 г. ее обороты оценивались в 160 млн франков (85 млн фр. — импорт и 75 млн фр. — экспорт) [Perigot 1884: 492]. Среди импортных товаров отметим хлопок-сырец, олово, перец, железо, свинец, сукно, выбойку, опиум, селитру, огнестрельное оружие, камфару, морские моллюски и т. д. Экспорт составляли шелк-сырец, зеленый чай, китайка (ткань), сахар, серебро в монетах и пр. [Дюмон-Дюрвиль 1836: 179].

С 1887 г. французские колониальные власти в целях защиты своих внешне-торговых интересов во Вьетнаме изменили тарифную политику: для французских товаров была установлена пошлина в размере 2,5 % от стоимости товара, а для других стран — 5 % [Vĩnh Khánh 2022].

На развитие внешнеторговых связей Вьетнама с зарубежными странами существенное влияние оказывали эпидемии, эпизоотии и эпифитотии. Так, эпидемии унесли из жизни в 1820 г. 206 835 человек, в период 1849—1850 гг. 580 550 человек [История Вьетнама 1983: 262]. В это время внешнеторговые связи прерывались, а предпринимательская деятельность затухала.

¹ В 1868 г. через порт Сайгона было вывезено 330 802 т товаров, в 1869 г. — 532 318 т, в 1870 г. — 638 588 т. В 1870 г. оборот внешней торговли через Сайгон оценивался в 9,55 млн руб. по импорту и в 8,6 млн руб. по экспорту [Французская 1872: 297]. Приведем еще несколько данных, характеризующих торговлю Сайгона. В 1868 г. из местного порта было вывезено сушеной рыбы на 6,5 млн франков, шелка — на 350 тыс. фр., риса — на 24 млн фр. При этом из 3,2 млн пикблей (1 пикбль равен 10 кг) 2,3 млн вывезено в Китай, 70 тыс. — в Японию, 155 тыс. — в Англию, 60 тыс. — во Францию [Сведения... 1870: 87].

² О расширении внешнеторговых оборотов свидетельствовал и рост числа иностранных судов в порту Сайгона. Если в 1870 г. из порта вышло 486 судов с 276 363 т грузов, то к 1900 г. их уже было 1164 (с 1 526 363 т груза) [Vĩnh Khánh 2022].

Внешнеторговые партнеры Вьетнама

5 июня 1862 г. был заключен трехсторонний договор между Францией, Испанией и Аннамом (ратифицирован в Хюэ 14 апреля 1863 г.), знаменовавший окончание пятилетней войны, в соответствии с которым для свободной торговли, прежде всего европейцев, были открыты морские порты в трех провинциях, а также допускалось речное судоходство по реке Меконг [Boiteau 1863: 469].

Особую роль во внутренней и внешней торговле Вьетнама на протяжении XVIII—XIX вв. играла река Меконг. Самая крупная водная артерия Индокитая связывала все государства полуострова, служила важнейшим каналом поставок товаров во Вьетнам из Бирмы, Сиама, Лаоса, Камбоджи. По реке сплавлялись ценные породы древесины, а на судах доставлялись черный мрамор, другие товары. При отсутствии приличных сухопутных дорог Меконг был главным естественным путем, связывавшим страны, города и народы.

27 января 1880 г. в Хюэ был подписан торговый договор между Испанией и Аннамом [Diario 1880: 1735]. 5 мая 1880 г. договор был внесен для ратификации в испанский парламент. Следует заметить, что Испания на протяжении всего рассматриваемого периода вела активную торговлю с Вьетнамом.

В период правления Минь Манга, второго императора из династии Нгуенов, Вьетнам поддерживал тесные торговые связи с Китаем, Японией, Сингапуром, Филиппинами (Манила), Макао, Батавией (остров Ява), странами Индокитая и др. [Silvestre 1889: 195]¹.

В Кохинхине, несмотря на препятствия, чинимые властями в сфере торговли, местные купцы поддерживали связи с Сиамом и Сингапуром, вывозя туда тайно свои товары, экспортировались рис, слоновая кость, зубы крокодила, ценные породы древесины, камфара и пр. [Там же: 198].

В 1885 г. председатель консультативной палаты Франции Э. Альба направил письмо министру промышленности с предложением изучить образцы шерстяных тканей, простыней, флиса, фланели, которые востребованы в Кохинхине, Аннаме и Тонкине, с целью расширения экспортного производства [Chambre consultative... 1884: 199]. По информации, поступившей от генерального резидента Франции в Хюэ, изменения в технологии производства легкого постельного белья на французских фабриках позволили потеснить аналогичные английские и германские товары на рынках Тонкина [Tonkin 1885: 172].

Среди факторов, которые негативно отражались на развитии внешнеторговых отношений Вьетнама с другими странами, следует отметить пиратство в прибрежных водах. В нападениях на торговые суда участвовали морские разбойни-

¹ Китайцы поставляли в Аннам лучшие сорта чая, лекарства, опиум, портвейн, европейские хлопчатобумажные и шерстяные ткани, стеклянные изделия, некоторые предметы роскоши. В китайском экспорте иностранные товары занимали видное место. Из Вьетнама в Поднебесную вывозились рис, ротанг, лак, масло, рисовое вино, соль, шелк-сырец, воск, лекарственное сырье, металлы, драгоценные камни, природные красители, ямс, домашний скот (свиньи) и пр. [Silvestre 1889: 197]. Китайцы прибывали во вьетнамские порты на своих небольших джонках водоизмещением в 150—200 т. В середине XIX в. в торговле с Вьетнамом участвовало примерно 50 больших джонок и около 100 лодок меньшего водоизмещения.

ки, в основном китайцы, выходцы из прибрежных районов Поднебесной. Нередко они захватывали заложников, в том числе официальных лиц¹. В течение длительного времени власти Тонкина придерживались строжайшего запрета на торговлю подданных за пределами страны из-за опасения, «что они привезут на родину заимствованный откуда-нибудь дух независимости. Такой же запрет тяготел над всеми аннамитами» [Тонкин 1883:91].

Приведем данные о внешней торговле Тонкина за период с 1876 по 1891 г. в франках (табл. 1). Значительная доля внешнеторгового оборота пришлась на Ханой.

Таблица 1. Внешняя торговля Тонкина в период с 1876 по 1891 г.

Год	Импорт	Экспорт	Всего
1876	4 599 937	5 834 092	10 434 029
1877	8 603 251	7 978 681	16 581 932
1878	8 587 715	8 866 058	17 453 774
1879	4 328 615	6 520 333	10 848 949
1880	5 149 687	6 578 482	11 728 169
1881	5 181 498	7 412 167	12 593 665
1882	5 306 730	6 113 315	11 420 245
1883	3 648 020	4 440 124	8 088 144
1884	9 225 689	722 962	9 948 731
1885	18 490 700	721 071	19 211 771
1886	23 369 971	726 231	24 096 206
1887	28 825 767	608 414	29 434 181
1888	30 190 820	13 887 012	39 529 572
1889	26 165 660	13 887 012	40 052 672
1890	21 933 692	7 139 488	29 073 180
1891	28 016 193	19 605 053	47 621 246

Источник: [Malon 1892: 7].

В 1891 г. импорт всего Французского Индокитая оценивался в 67 044 562 франка, экспорт — 68 637 791 франк, а весь внешнеторговый оборот — в 135 682 353 франка [Malon 1882: 8]. Падение объемов внешней торговли в 1884—1887 гг. (по экспорту) объяснялось франко-китайской войной 1884—1885 гг. и ее последствиями.

В начале 1890-х годов в Тонкине началась настоящая горная «лихорадка». Открытые к тому времени месторождения полезных ископаемых привлекали

¹ Так, в начале 1890-х годов пиратами был захвачен президент Торговой палаты Хайфона М. Везен, которого спустя несколько месяцев удалось выкупить из плена. Тогда в прибрежных водах Хайфона орудовало от 1500 до 2000 пиратов. В связи с этим французские власти обратились в Пекин с требованием прекратить деятельность пиратов, которых в Китае «принимают доброжелательно...» [Malon 1892: 5—6].

внимание французских предпринимателей. Из Тонкина в Гонконг и другие районы Юго-Восточной Азии вывозились каменный уголь, сурьма, мрамор и пр. Французы, заинтересованные в производстве и вывозе некоторых сельскохозяйственных продуктов, видели большие перспективы в выращивании в Тонкине хлопка, кофе, чая, опиумного мака и т. д.

Кохинхину славилась сахаром, шелком, хлопком, рисом, чаем, корицей, кукурузой, ямсом, кокосами, кардамоном, древесиной ценных пород, золотом, разнообразными фруктами и овощами и пр. [Guibert 1801: 509]. На протяжении длительного времени внешняя торговля Кохинхины находилась в руках китайцев, малайцев, немцев и американцев, а основными внешнеторговыми партнерами были Китай, Сиам, Сингапур. Так, в середине века администрация Кохинхины разрешила всего пяти судам участвовать во внешнеторговых операциях. Одно судно направлялось в Сингапур (для нужд королевского двора поставлялись камлот, саржа, грубое сукно, олово, перец, гвоздика и пр.), второе судно отправлялось в Батавию, третье — в Калькутту [Торговля в Кохинхине 1847: 444—445]. Основные центры внешней торговли и склады для иностранных товаров размещались в морских портах и городах Хюэ, Нячанг, Файфо (Хойан), Куинён, Фуйен, Кантхо и др. [Guibert 1801: 510]¹.

В 1883 г. торговый оборот Кохинхины составил 155 618 378 франков (для сравнения: в 1867 г. он оценивался в 63 743 636 фр., в 1877 г. — 122 234 720 фр.). При этом торговля между Францией и Кохинхиной (в основном через порт Сайгон) определялась суммой в 2 144 120 пиастров (1 пиастр = 4,6 франков. — *В. III.*)².

Из Кохинхины во Францию экспортировались следующие товары: чай, опиум, шелковые изделия, сахар, лекарства, крахмал, мука, металлы, гончарные изделия и пр.³ По состоянию на первую половину 1882 г. в торговый порт Сайгона прибыло 120 английских кораблей (преимущественно из Гонконга и Сингапура), 60 французских (Марсель и Сингапур), 30 германских, 12 датских, 5 голландских, 2 российских, 2 японских, 1 шведский, 1 испанский корабль, 915 баркасов из Аннама и 31 китайская джонка, всего 1179 судов [Statistique... 1884: 521]⁴.

¹ В 1864 г. в порт Сайгона прибыло 295 торговых судов, а убыло 268. Среди прибывших — 88 французских, 56 английских, 47 гамбургских, 37 датских, 9 прусских, 7 голландских, 5 ганноверских, 3 ольденбургских, 2 мекленбургских, 3 шведских, 2 американских, 2 российских, 26 китайских и т. д. [Notices... 1866: 604].

² На Сайгон в это время приходилось 31 698 418 пиастров [Statistique... 1884: 692]. Французский импорт в Кохинхину в 1883 г. составил 1 819 855 пиастров. Среди импортных французских товаров следует выделить вина (300 тыс. пиастров), различные машины и оборудование для строительства железных дорог и мостов (226 тыс. пиастров), спиртные напитки (117 тыс. пиастров), пшеничную муку (102 тыс. пиастров), продукты питания, одежду и ткани, металлические изделия, книги и канцтовары, табак, цемент, парусину, канаты, лекарства и пр.

³ Общий объем вывоза из Кохинхины составил 14 367 212 пиастров. Значительная доля этих товаров была экспортирована в страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Рис поступал в основном во французские города: Руан — 26 647 пикулей, Марсель — 18 605 пикулей, Бордо — 16 708 пикулей, Гавр — 16 485 пикулей [Statistique... 1884: 693].

⁴ Загруженность порта Сайгон в 1883 г. характеризовалась следующими показателями: в порт прибыло 2062 торговых корабля и убыло 2086 судов. Среди них — 242 английских корабля, 130 французских, 99 немецких, 24 голландских, 21 испанских и 8 русских судов [Statistique... 1884: 693]. Кроме того, в Сайгон в этом году прибыло 1485 кораблей из Аннама.

О географии внешнеторговых связей Сайгона в конце 70-х — 80-х годов XIX в. можно судить по данным табл. 2.

Таблица 2. Сведения о прибытии иностранных торговых судов в Сайгон в 1878—1882 гг.

Страна	1878	1879	1880	1881	1882
Англия	162	199	168	184	219
Германия	74	91	40	37	76
США	4	9	4	14	1
Бельгия	—	1	—	—	—
Китай	—	8	13	—	8
Дания	5	9	—	5	17
Испания	2	11	5	—	2
Франция	71	83	88	95	113
Голландия	7	6	18	17	14
Италия	1	3	2	—	—
Япония	—	—	—	—	2
Россия	—	—	—	4	8
Сиам	1	—	1	2	2
Швеция	3	3	1	—	2
Итого:	330	423	240	358	405

Источник: [Bouinain, Paulus 1885: 409]

Таким образом, в последней четверти XIX в. география внешнеторговых связей Вьетнама значительно расширилась. Вьетнамский рынок стал привлекать торговцев из многих европейских стран, США и пр.

Вьетнам в сфере интересов российских предпринимателей

Интерес к Вьетнаму вырос в Российской империи в связи с активным промышленным освоением Дальнего Востока, развитием тихоокеанского флота, расширением внешнеторговых связей с Юго-Восточной Азией. В России увеличилось количество публикаций, посвященных Вьетнаму. На внутренний рынок страны проникали вьетнамские товары, доставляемые французскими, английскими, китайскими, японскими и другими иностранными торговцами. Эти товары можно было встретить на Нижегородской ярмарке, в Казани, Москве, Санкт-Петербурге, портовых городах Дальнего Востока, Причерноморья, Балтики. Среди них — лаковые изделия, шелк-сырец, натуральные красители, древесина ценных пород и т. д. Определенная часть вьетнамских товаров доставлялась в Россию и отечественными предпринимателями. Сведения о прямых торговых

контактах — заходах российских торговых судов во вьетнамские порты, начиная с 1864 г. приведены выше.

Интерес к вьетнамскому рынку в России проявился уже в начале XIX в. В 1826 г. «Московский телеграф» писал: «Кохинхина изобилует произведениями...здесь много леса, сахарного тростника, соли и шелка» [Состояние... 1826: 205—206]. Сведения о природных богатствах Вьетнама периодически печатались и в других отечественных изданиях.

Торговые суда под российским флагом отправлялись в Юго-Восточную Азию из портов Балтики, Черного и Азовского морей через Суэцкий канал (с конца 1869 г.), а также из портов Дальнего Востока. На этом пути отечественные корабли нередко заходили в порты Европы. Среди торговых судов, прибывших, например, в порт Гамбурга в навигацию 1852 г. из Юго-Восточной Азии, отмечены суда под российским флагом [Navigation... 1868: 9].

В России внимательно следили за событиями в Индокитае. Отчасти информация поступала от российских дипмиссий в Париже, а также в странах Востока. Анализировалась соответствующая информация и в европейских периодических изданиях (прежде всего, французских). Некоторые отечественные исследователи оправдывали колониальную политику. Так, в одном из дореволюционных источников читаем: «Нынешнее французское правительство понимает значение колоний, и с прямой решимостью идет по этому пути. Основание колонии в Туране (Дананг. — *В.Ш.*) чрезвычайно хорошо пополнило бы французскую колониальную систему... Прочная колония в Кохинхине послужит к большему развитию морских сил Франции» [Кохинхина 1858: 159].

Ценным источником о положении в стране, в том числе внешней торговле Вьетнама, были подробные отчеты капитанов российских судов, опубликованные в «Морском сборнике». Приведем лишь несколько примеров, поскольку в последней четверти XIX в. заходы российских судов в порт Сайгона носили регулярный характер¹.

В марте 1884 г. корвет «Скобелев» под командованием капитан-лейтенанта Благодарева прибыл в порт Сайгона для закупки угля. В Сайгоне было закуплено 150 т угля. В рапорте командира содержалась информация об иностранных судах, находившихся в то время на рейде [Корвет «Скобелев» 1884: 8—9].

Наглядным примером осведомленности российских властей о положении дел во Вьетнаме является рапорт на имя императора Александра III подполковника Генерального штаба Н.С. Ермолова о Тонкинской экспедиции 1883—1885 гг. В докладе очень скрупулезно и детально дана характеристика положения дел во Вьетнаме, описан ход боевых действий, проанализировано экономическое состояние страны и т. д. [Ермолов 1890]. Автор рапорта продемонстрировал от-

¹ В большинстве случаев российские суда заходили в порт для покупки угля, чистки котлов, пополнения запасов продовольствия и воды. Так, капитан винтового клипера «Гайдамак», совершивший рейд в Манилу в начале 1863 г., опубликовал рапорт о путешествии, в котором остановился на подробностях пребывания в Сайгоне в середине февраля этого же года. В порту капитаны клипера «Гайдамак» и корвета «Новик» закупили уголь. Причем этот уголь был закуплен у французов с тем расчетом, что деньги за него будут уплачены в Париже [Рапорт... 1863: 245].

личное знание Востока, географии, политики, экономики Вьетнама. Все это свидетельствовало о повышенном интересе российских властей к ситуации во Вьетнаме. Информация о Тонкинской экспедиции публиковалась и на страницах «Московских ведомостей» в 1883 г.

Конечно, нельзя не упомянуть и посещение Сайгона цесаревичем Николаем Александровичем во время его большого путешествия на Восток. 16 марта 1891 г. корабль с наследником российского престола на борту прибыл в Сайгон. В день отъезда из Вьетнама будущему императору Николаю II были преподнесены подарки (деревянная скульптура, а также две черные пантеры) [Ухтомский 1895: 102—133].

В течение всей второй половины XIX в. российские предприниматели проявляли устойчивый интерес к вьетнамскому рынку. В рассматриваемый период почти ежегодно из Российской империи снаряжались торговые корабли в порты Вьетнама.

Заключение

Таким образом, во второй половине XIX в. под влиянием внешних факторов и внутренних перемен ситуация во Вьетнаме кардинально изменилась. Включение страны в колониальную систему Франции открыло новые возможности для развития внешней торговли. Этот процесс был неоднозначным: колониальная система несла народам Вьетнама одновременно и цивилизационное начало, и разрушение традиционных устоев. В одном из испанских изданий того времени очень точно подмечено: «Европейская цивилизация очень дорого обходится народам, вынужденным принимать ее шумные визиты» (*Revista contemporanea* 1885: 88). Ограниченные внешнеторговые контакты с Китаем, Японией, Лаосом, Сиамом, Камбоджей, Сингапуром, Батавией, Гонконгом и некоторыми другими сопредельными странами расширились за счет активного проникновения европейского и американского капитала. В рассматриваемый период кратно увеличилось количество торговых судов Великобритании, Германии, США, Франции, Испании, Голландии и других стран, прибывавших в морские порты Вьетнама. Во Французском Индокитае расширились площади экспортными культурами, увеличилась добыча полезных ископаемых, были открыты новые фабрики и заводы, что стимулировало внутреннее производство и внешнеторговые связи. Расширение географии внешней торговли Российской империи с государствами Юго-Восточной Азии способствовало повышению интереса к Вьетнаму, установлению торговых контактов России с этой страной. На протяжении рассматриваемого периода отмечены частые заходы российских кораблей в порты Вьетнама. Кроме этого, расширился импорт вьетнамских товаров в Российскую империю, в том числе при посредничестве европейских купцов.

Дата поступления статьи: 06.10.2023

Дата поступления в переработанном виде: 17.02.2024

Принята к печати: 12.03.2024

Received: October 6, 2023

Received in revised form: February 17, 2024

Accepted: March 12, 2024

Список литературы

Деоник Д.В. Вьетнам. История, традиции, современность. М.: Восточная литература, 2002. 550 с.

Дюмон-Дюрвиль Ж.С. Всеобщее путешествие вокруг света. Ч. 3. М.: Типография Августа Семена, 1836. 367 с.

Ермолов Н.С. Тонкинская экспедиция 1883—1885 гг.: Сообщение Генерального штаба подполковника Ермолова. Янв. 1890. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1890. 83 с.

История Вьетнама /отв. ред. С.А. Мхитарян. Пер. с вьетнамского. М.: Наука, 1983. 302 с.

История Вьетнама. Середина XIX — середина XX в. / пер. с вьет. М.: Наука, 1991. 367 с.

Корвет «Скобелев». Извлечение из рапорта командира капитан-лейтенанта Благодарова // Морской сборник. 1884. № 6. С. 8—9.

Кохинхина // Русский вестник. 1858. Т. 13. С. 154—159.

Недзвецкий В.Н. Французская экспедиция в Тонкин // Военный сборник. 1883. № 10. С. 173—197.

Новейшие сведения о Кохинхине // Исторический, статистический и географический журнал. 1821. Ч. 1. № 2. С. 151—153.

Очерк Аннамской империи // Нива. 1878. № 6.

Посещение Кохинхины французским фрегатом Алкменой в 1845 году // Северная пчела. 1846. № 30 и № 40.

Путешествие в Кохинхину // Казанский вестник. 1826. Ч. 16. Кн. 1. С. 28—44.

Рапорт командира винтового клипера «Гайдамак» капитан-лейтенанта Пещурова // Морской сборник. 1863. № 5. С. 236—246.

Рябинин А.Л. Рождение империи Нгуэнов. Социально-политическая история Вьетнама в начале XIX в. М.: Наука, 1988. 455 с.

Сведения о торговле Кохинхины и Китая // Известия Императорского Русского Географического общества. 1870. Т. 6. С. 87.

Состояние Восточного Индийского полуострова // Московский телеграф. Ч. 12. М.: Университетская типография, 1826. С. 201—206.

Тонкин: Политическая и социальная хроника // Дело. № 2. С. 83—113.

Торговля в Кохинхине // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1847. Т.69. № 276. С. 444—446.

Ухтомский Э.Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890—1891). Т. 2. СПб.: Ф.А. Брокгауз, 1895. 247 с.

Французская торговля на крайнем Востоке // Известия Императорского Русского Географического общества. 1872. Т. 8. С. 297.

Boiteau M.P. Les traits de commerce [Буато М.П. Деловые качества]. Paris: Librairie de Gullaumin, 1863. 566 p. (На франц. яз.)

Bouinais A., Paulus A. L'Indo-Chine française contemporaine. Cochinchine, Cambodge, Tonkin, Annam [Буэнэ А., Паулюс А. Современный французский Индокитай. Кохинхина, Камбоджа, Тонкин, Аннам]. Paris: Challamel Aine, 1885. 582 p. (На франц. яз.)

Chambre consultative de Mazamet [Консультативная палата Мазаме] // Le Jacquard. 1884. 15 Juillet. № 13. P. 198—199. (На франц. яз.)

Cochinchine: Regime de la navigation et du commerce [Кохинхина: Режим мореплавания и торговли] // *Annales du commerce exterieur: Chine et Indo-Chine* [Анналы внешней торговли: Китай и Индокитай]. 1868. № 37. P. 29—30. (На франц. яз.)

Diario de las sesiones de Cortes. Senado. Legislatura de 1879—1880 [Дневник заседаний Кортесов. Сенат. Законодательное собрание 1879—1880 г.]. Tomo 3. Madrid: Imprenta y fundicionde la Viuda e Huos de J.A. Garcia, 1880. 885 p. (На исп. яз.)

Dutreuil J.L. Le royaume D'Annam en les annamites: Journal de voyage [Дютрей Ж.Л. Царство Аннама и аннамитов: путевой журнал]. Paris: E. Plon et Co, 1879. 315 p. (На франц. яз.)

Guibert A. Dictionnaire geographique et statistique [Гибер А. Географический и статистический словарь]. Paris: Publie par Jules Renouard, 1801. 924 p. (На франц. яз.)

Luro E. Le pays D'Annam: etude sur l'organisation politique es sociale des annamites [Луро Э. Страна Аннам: исследование политической и социальной организации аннамитов]. Paris: Ernest Leroux, 1897. 248 p. (На франц. яз.)

Malon. J.B. Note sur la situation generale du Tonkin a la fin de l'anne 1892 [Малон Ж.Б. Записка об общем положении в Тонкине в конце 1892 г.]. Haiphong: Imprimerie Туро-Lithographique F.H. Schneider, 1892. 16 p. (На франц. яз.)

Một số vấn đề về lịch sử kinh tế Việt Nam [Некоторые вопросы экономической истории Вьетнама]. Hồ Chí Minh: Nhà xuất bản Chính trị quốc gia, 1998. 518 tr. (На вьет. яз.)

Navigation et commerce des princiraux pays d'Europe [Судоходство и торговля основных стран Европы] // *Annales du commerce exterieur: Chine et Indo-Chine* [Анналы внешней торговли: Китай и Индокитай]. 1868. № 37. P. 3—11. (На франц. яз.)

Norman C.B. Tonkin or France in the Far East. London: Chapman & Hall, 1884. 328 p.

Notices sur les Colonies Francaises [Заметки о французских колониях]. Paris: Challamel Aine, 1866. 767 p. (На франц. яз.)

Perigot Ch. Histoire du commerce francais [Перуго Ш. История французской торговли]. Paris: Eugene Weill et Georges Maurice, 1884. 510 p. (На франц. яз.)

Revista contemporanea [Современный журнал]. Año 11. Tomo 57. Paris: R. Serrano, 1885. 510 p. (На исп. яз.)

Silvestre J. L'Empire d'Annam et le peuple Annamite [Сильвестр Ж. Аннамская империя и аннамитский народ]. Paris: Ancienne Librairie Germer Bailliere et Co, 1889. 360 p. (На франц. яз.)

Statistique commerciale de la Cochinchine pour 1883 [Коммерческая статистика Кохинхины за 1883 г.] // *Societe de geographie Commercial de Bordeaux* [Коммерческое географическое общество Бордо]. Bordeaux: Imprimerie G. Gounouilhou, 1884, pp. 693—694.

Tonkin // *Le Jacquard*. 1885. 15 Jun. № 11. P. 198—199.

Vinh Khánh. Ngoại thương Việt Nam thời Pháp thuộc [Винь Кхань. Внешняя торговля Вьетнама в период французского колониального правления]. URL: <https://kinhtedothi.vn/ngoai-thuong-viet-nam-thoi-phap-thuoc.html>. (На вьет. яз.)

References

Boiteau, M.P. (1863) *Les traits de commerce [Trade traits]*. Paris: Librairie de Gullaumin. (In French)

Bouinais, A., Paulus, A. (1885). *L'Indo-Chine francaise contemporaine. Cochinchine, Cambodge, Tonkin, Annam [Contemporary French Indo-China. Cochinchina, Cambodia, Tonkin, Annam]*. Paris: Challamel Aine. (In French)

Chambre consultative de Mazamet [Mazamet Advisory Chamber] (1884). *Le Jacquard*, 15 Juillet, 13: 198—199. (In French)

Cochinchine: Regime de la navigation et du commerce [Cochinchina: Regime of navigation and commerce] (1868). *Annales du commerce exterieur: Chine et Indo-Chine*, № 37. Paris: Librairie administrative de Paul Dupont. (In French)

Deopik, D.V. (2002) *V'etnam. Istoriya, tradicii, sovremennost' [Vietnam. History, traditions, modernity]*. M.: Vostochnaya literatura. (In Russian)

Diario de las sesiones de Cortes. Senado. Legislatura de 1879—1880 [Diary of the Cortes sessions. Senate. Legislature of 1879—1880] (1880). Tomo 3. Madrid: Imprenta y fundicionde la Viuda e Huos de J.A. Garcia. (In Spanish)

Dumont-Durville, J.S. (1836) *Vseobshchee puteshestvie vokrug sveta [A universal journey around the world]*, Vol. 3. M.: Tipografiya Avgusta Semena. (In Russian)

Dutreuil, J.L. (1879) *Le royaume D'Annam en les annamites: Journal de voyage [The kingdom of Annam in the Annamites: Travel diary]*. Paris: E. Plon et Co. (In French)

Ermolov, N.S. (1890). *Tonkinskaya ekspediciya 1883—1885 g.: Soobshchenie General'nogo shtaba podpolkovnika Ermolova [The Tonkin Expedition of 1883—1885: Report of the General Staff of Lieutenant Colonel Ermolov]*. SPb: Tip. Shtaba vojsk Gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga. (In Russian)

Francuzskaya torgovlya na krajnem Vostoke [French trade in the Far East] (1872). *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, 8 (297). (In Russian)

Guibert, A. (1801). *Dictionnaire géographique et statistique [Geographical and statistical dictionary]*. Paris: Publie par Jules Renouard. (In French)

Istoriya V'etnama [The history of Vietnam] (1983). S.A. Mhitaryan ed. Transl. from Vietnamese. M.: Nauka. (In Russian)

Istoriya V'etnama. Seredina XIX — seredina XX v. [The history of Vietnam. Mid 19th — mid 20th century] (1991). Transl. from Vietnamese. M.: Nauka. (In Russian)

Korvet «Skobelev». Izvlechenie iz raporta komandira kapitan-lejtenanta Blagodareva [Corvette «Skobelev». Extract from the report of Commander Lieutenant Commander Blagodarev] (1884). *Morskoj sbornik*, 6: 8—9. (In Russian)

Kohinhina (1858). *Russkij vestnik*, 13: 154—159. (In Russian)

Luro, E. (1897). *Le pays D'Annam: etude sur l'organisation politique et sociale des annamites [The country of Annam: study on the political and social organization of the Annamites]*. Paris: Ernest Leroux, 1897. (In French)

Malon, J.B. (1892). *Note sur la situation generale du Tonkin a la fin de l'anne 1892 [Note on the general situation in Tonkin at the end of 1892]*. Haiphong: Imprimerie Typo-Lithographique F.H. Schneider. (In French)

Một số vấn đề về lịch sử kinh tế Việt [Some questions concerning the economic history of Vietnam] (1998). Hồ Chí Minh: Nhà xuất bản Chính trị quốc gia. (In Vietnamese)

Navigation et commerce des principaux pays d'Europe [Navigation and commerce of the main countries of Europe] (1868). *Annales du commerce exterieur: Chine et Indo-Chine*, 37: 3—11. Paris: Librairie administrative de Paul Dupont. (In French)

Nedzveckiy, V.N. (1883). *Francuzskaya ekspediciya v Tonkin [French expedition to Tonkin]*. *Voennyj sbornik*, 10: 173—197. (In Russian)

Norman, C.B. (1884). *Tonkin or France in the Far East*. London: Chapman & Hall.

Notices sur les Colonies Francaises [Notes on the French Colonies] (1866). Paris: Challamel aine. (In French)

Novejshie svedeniya o Kohinhine [The latest information about Cochinchina] (1821). *Istoricheskij, statisticheskij i geograficheskij zhurnal*, 1(2): 151—153. (In Russian)

Ocherk Annamskoj imperii (1878) [An essay of the Annamese Empire]. *Niva*, 6. (In Russian)

Perigot, Ch. (1884). *Histoire du commerce francais [History of French commerce]*. Paris: Eugene Weill et Georges Maurice. (In French)

Poseshchenie Kohinhiny francuzskim fregatom Alkmenoj v 1845 godu [Visit to Cochinchina by the French frigate Alkmene in 1845] (1846). *Severnaya pchela*, 30, 40. (In Russian)

Puteshestvie v Kohinhinu [Travel to Cochinchina] (1826). *Kazanskij vestnik*, 16 (1): 28—44. (In Russian)

Raport komandira vintovogo klipera «Gajdamak» kapitan-lejtenanta Peshchurova [Report of the commander of the screw clipper “Gaydamak” Lieutenant Commander Peshchurov] (1863). *Morskij sbornik*, 5: 236—246. (In Russian)

Revista contemporanea [contemporary magazine] (1885), Ano 11, Tomo 57. Paris: R. Serrano. (In Spanish)

Ryabinin, A.L. (1988) *Rozhdenie imperii Nguenov. Social'no-politicheskaya istoriya Vjetnama v nachale XIX v. [The birth of the Nguyen Empire. Socio-political history of Vietnam at the beginning of the XIX century]*. M.: Nauka. (In Russian)

Silvestre, J. (1889). *L'Empire d'Annam et le peuple Annamite [The Empire of Annam and the Annamite people]*. Paris: Ancienne Librairie Germer Bailliere et Co. (In French)

Sostoyanie Vostochnogo Indijskogo poluoostrova [The state of the Eastern Indian Peninsula] (1826). *Moskovskij telegraf*, 12: 201—206. (In Russian)

Statistique commerciale de la Cochinchine pour 1883 [Commercial statistics of Cochinchina for 1883] (1884). Societe de geographie commerciale de Bordeaux. Bordeaux: Imprimerie G. Gounouilhoul. P. 693—694. (In French)

Svedeniya o trgovle Kohinhiny i Kitaya [Information about the trade of Cochinchina and China] (1870). *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshestva*, 6: 87. (In Russian)

Tonkin: Politicheskaya i social'naya hronika [Tonkin: Political and Social Chronicle] (1883). *Delo*, 2: 83—113. (In Russian)

Tonkin (1885). *Le Jacquard*, 15 Jun, 11: 198—199.

Torgovlya v Kohinhine [Trading in Cochinchina] (1847). *Zhurnal dlya chteniya vospitannikov voenno-uchebnyh zavedenij*, 69 (276): 444—446. (In Russian)

Uhtomskiy, E.E. (1895). *Puteshestvie Gosudarya Imperatora Nikolaya II na Vostok (v 1890—1891) [The journey of the Emperor Nicholas II to the East (in 1890—1891)]*, 2. SPb.: F.A. Brokgauz. (In Russian)

Vĩnh Khánh. *Ngoại thương Việt Nam thời Pháp thuộc [Vinh Khanh. Vietnam's foreign trade during the French colonial period]*. URL: <https://kinhtedothi.vn/ngoi-thuong-viet-nam-thoi-phap-thuoc.html>. (In Vietnamese)

Le Dinh Son, Tran Trong Duong

Rites for/of Power: Research on the Harmony of Three Teachings in Vietnam during the Former Lê (Lê Sơ) Dynasty (1428—1527)

Abstract. This article studies the harmony of Three Teachings in Dai Viet during the period of the Former Lê dynasty (Lê Sơ period) (1428—1527). Most of the previous studies have suggested that Lê Sơ was the period advocating for the monopoly of Confucianism and rejecting Buddhism and Taoism. However, this article will prove that the Lê Sơ dynasty was thoroughly using Confucian classics under the Song dynasty, applying the model of Confucian state of the Great Ming dynasty, while still developing management policies on Taoism and Buddhism. The “The Convergence of Three Teachings” was a dynastic policy, in which Confucianism played a major role in ideological, political and cultural activities, while Buddhism and Taoism played a supporting role in ritual and religious activities of the dynasty and folklore. The results show that the “The Convergence of Three Teachings” is a constant of Vietnamese history from the Lý — Trần dynasties onward. The Lê Sơ royal court both developed Confucian cultural institutions and managed Buddhist and Taoist monasteries, temples and rituals. This can also be considered the foundation for the Three Teachings to come together in the later stages.

Keywords: harmony of Three Teachings, religious policies, Confucianism, Buddhism, Daoism.

Authors: Le Dinh Son, Researcher, Institute for Tran Nhan Tong Studies, Vietnam National University. E-mail: ledinhson@gmail.com
Tran Trong Duong, Ph.D.(History), Senior Researcher, Institute for Sino-Nom Studies, Vietnam Academy of Social Sciences; Associated Professor, School of Interdisciplinary Studies, Vietnam National University.
E-mail: trantrongduonghn@gmail.com

For citation: Le Dinh Son, Tran Trong Duong (2024) Rites for/of Power: Research on the Harmony of Three Teachings in Vietnam during the Former Lê (Lê Sơ) Dynasty (1428—1527). *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (1): 81—93.

Ле Динь Шон, Чан Чонг Зьонг

Обряды власти: исследование гармонии трёх учений во Вьетнаме в период правления династии Начальных Поздних Ле (Ле Шо) (1428—1527)

Аннотация. В данной статье исследуется гармония трёх учений в Дайвьете в период династии Начальных Поздних Ле (Ле Шо) (1428—1527). Большинство предыдущих исследований показывали, что в период Ле Шо утверждалась монополия конфуцианства и отвергались буддизм и даосизм. В данной статье доказывается, что династия Начальных Поздних Ле активно использовала конфуцианскую классику династии Сун, применяла модель конфуцианского государства великой Минской династии, продолжая при этом разрабатывать политику управления на основе даосизма и буддизма. Гармония трёх учений представляла собой

династическую политику, в которой конфуцианство играло главную роль в идеологической, политической и культурной сферах, а буддизм и даосизм — вспомогательную роль в ритуальной и религиозной жизни двора и в фольклоре. Результаты исследования показывают, что гармония трёх учений является константой вьетнамской истории, начиная с династий Ли — Чан. Королевский двор Начальных Поздних Ле развивал конфуцианские культурные учреждения и управлял буддийскими и даосскими монастырями, храмами и ритуалами. Это также можно считать основой для объединения трёх учений на более поздних стадиях.

Ключевые слова: гармония трёх учений, религиозная политика, конфуцианство, буддизм, даосизм.

Авторы: Ле Динь Шон, н. с. Институт Чан Нян-тонга, Ханойский государственный университет. E-mail: ledinhson@gmail.com

Чан Чонг Зыонг, к. и. н., с. н. с. Институт хан-нома ВАОН; доцент, школа междисциплинарных исследований, Ханойский государственный университет. E-mail: trantrongduonghn@gmail.com

Для цитирования: Ле Динь Шон, Чан Чонг Зыонг. Обряды власти: исследование гармонии трёх учений во Вьетнаме в период правления династии Начальных Поздних Ле (Ле Шо) // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 81—93.

Introduction

Some researchers argued that the Lê Sơ dynasty revered only Confucianism and tended to exclude Buddhism and Taoism, in contrast to the previous period, the Lý-Trần dynasties, when Buddhism was considered the “national religion” and Confucianism had not yet developed. Trần Đình Hượu [2020: 494] asserted, “After the brilliant development during the Lý-Trần dynasties, Buddhism lost its position as the national religion. It might still have a great influence in the public at large. However, in the political, ideological, literary and artistic fields, its influence declined, giving way to Confucianism”. Trần Quốc Vượng [2020: 428] is more specific: “In the early stage of independence [10th — 14th centuries], virtuous and respected monks became political and spiritual advisors for kings and the *national monarchy* to create the *Buddhist monarchy in the Great Viet*, which was different from the contemporary Confucian monarchy of Chinese Song dynasty”. Nguyễn Lang [2014: 479] wrote a separate chapter on “Buddhism in the Confucianism ruling period”. He argued that the decline of Buddhism was mainly reflected in the fact that Buddhism lost its intellectual leadership and no longer played a crucial role in cultural and political orientation.

The above statements give a clear picture of the influence of nationalism on the research of medieval history in Vietnam. Trần Đình Hượu’s viewpoint represents the generation of Vietnamese scholars in the period from 1970 to the present. This view holds that Buddhism was the national religion in the Lý-Trần dynasties. At present, this view has strongly influenced scholars of ideological and political history, as well as clergymen such as Trần Ngọc Vương, Lê Mạnh Thát, etc. Trần Quốc Vượng has the most interesting point of view when he said that the state model under the Lý-Trần dynasties was “national-monarchy government”. More specifically, it was a kind of Buddhist monarchy government, which is different from China’s New-Confucian

monarchy government of the Song dynasty. The introduction of the above three concepts shows that Trần Quốc Vượng is trying to see the history of dynasties in the Great Viet from the perspective of nationalism, and to separate the Great Viet from China through his contrast between Buddhism and Confucianism. This is an identity of the Vietnamese nation built from the perspective of a modern scholar.

In fact, the “*The Harmony of Three Teachings*” (henceforth, HTT) was a universal phenomenon in the Great Viet and East Asian cultures at least from the Sui-Tang dynasties onward [Gents 2013, 123–140]. It is essentially only an overlap in terms of ideology and rituals, not at the level of state organization. Because we know that only Confucianism is the ideology of political forces and has a theoretical system as well as tools to build a state model and manage society [Nguyễn Minh Tường 2015]. In the context of the The Convergence of Three Teachings, Confucianism is always the mainstream and ideology of the ruling powers. Confucian rituals (sacrificing to heaven at Nam Giao esplanade, offering sacrifices to ancestors at the Imperial Ancestral Temple, sacrificing prisoners at the Imperial Ancestral Temple, etc.) are the most important ones of a Confucian state, while the sacrifice ceremonies of Taoism and Buddhism were only secondary rituals of the royal court. Confucianism has the power to control and manage the Taoist and Buddhist sanghas, as well as to dethrone superstitious religions and customs that contradict the rites of the royal court. The abolition of unofficial spirits /temples (illegitimate temples for unofficial spirits) existed from the reign of King Trần Nhân Tông until the ruling time of King Lê Thánh Tông and the later kings. As we all know, the Lý-Trần dynasties built a Confucian state model (with the six ministries) based on the political and cultural system of the Tang-Song dynasties. Of course, the rituals of both Buddhism and Taoism were used by the royal courts of the Great Viet and China in parallel with the Confucian ones, to support for their religious administration and management [Trần Trọng Dương 2023: 1–2].

The policy on Three Teachings during the Lê Sơ dynasty

In 1428, King Lê Lợi defeated the Ming dynasty, building a Confucian state based on the Song Confucian ideology. At that time, on behalf of King Lê Lợi, Nguyễn Trãi composed the *Great proclamation upon the pacification of the Wu* which summarized the uprising of King Lê Lợi King Lê Lợi's rebellion, and distributed it throughout the country. In terms of genre and content, the Great proclamation upon the pacification of the Wu represents the power discourse of the Thanh Hoa administration based on Confucian political ethics. The sentence “Our kingdom of Đại Việt is truly a domain of civility” is a cultural declaration that links the institution and civilization of the Great Viet with the political and religious community in East Asia (directly with the Great Ming Dynasty).

The kings of the Lê Sơ period were great bearers of Confucian ideology. In addition to concentrating political power, they also sought to acquire spiritual power. Immediately after ascending the throne, King Lê Thái Tổ was “particularly interested in deification, wanting to borrow the divine prestige to protect the kingdom and keep the country at peace” [Tạ Ngọc Liên 2009: 135]. This is the “deity management” activity of

the Confucian political model. The royal court also increasingly confirmed the orthodoxy of Confucianism in the government apparatus. First, the court commissioned Lương Đăng to compose the ceremonial music. Lương Đăng then imitated the regulations of the Ming dynasty to really make it, [ĐVSKTT-XI: 46a]. At the same time, the dress code for visiting the Imperial Ancestral Temple was also regulated in the government statute. After that, the Lê Sơ royal court carried out humane activities based on Confucian thought, such as pardoning prisoners during droughts or floods, or reducing taxes when a strange phenomenon occurred, and so on. The *Đại Việt sử kí toàn thư* (henceforth, ĐVSKTT) says: “Because of the extended drought, dozens of prisoners who committed minor crimes were freed under the amnesty”, or “to end the punishment from heaven, favor must be generously bestowed to the underlings. Tax and punishment reductions will be officially approved to different degrees” [ĐVSKTT-XI: 60b—61a]. In order to show the preference for Confucianism and to encourage talents, the government of King Lê Thái Tông issued regulations on organizing examinations to find talented people. This was written in the *ĐVSKTT* with the following decree: “To form a contingent of talented mandarins, selection of excellent scholars is compulsory. In doing so, we must place priority over examinations. Our state was born out of chaos in the past, the talents are as many as autumn leaves and morning stars. Right after liberating the country and establishing the government, King Lê Thái Tổ [Lê Lợi] opened schools, used three animals (buffalo, pig and goat) as sacrifices for Confucius, showed strong favor to Confucianism. However, because of the newly established government, we did not have time to set up the system of examinations. I now follow the ancestors, selecting talents to satisfy my expectations” [Ibid: 13b—14a].

In addition, policies to promote Confucianism were continuously promulgated, and abstinence rules were regularly updated. Their sole purpose was to strengthen the authority and legitimacy of Confucianism at the royal court and in the wider community. In particular, the development of the Confucian examination system and the establishment of steles engraved with the names of doctors marked the achievements and unique features in the development of Confucianism during the Lê Sơ period. In the third year of the reign of King Quang Thuận (1462), the royal court issued a regulation to organize an examination every 3 years instead of having no specific time limit as before. This decision relieved the pain of Confucianism followers and helped them feel the respect of the royal court so that they could devote themselves to learning and practicing Confucian ideals. In addition, the Confucian way of studying and taking exams also tends to change toward specialization, that is, delving deeper into specific classics. Yu Insun [2006: 34] said that the Lê Sơ government tried to apply all measures to select elite talents. At the same time, through the implementation of these policies, the influence of Confucianism, especially New Confucianism (i.e., Song Confucianism), increased in the Lê royal court.

While Confucianism is used as a school of thought to build the state model. Buddhism, Taoism and folk beliefs were used as supporting beliefs in addition to Confucian rites. In 1429, the government organized an examination to test the professional competence and morality of Buddhist and Taoist monks [ĐVSKTT-X: 68a]. King Lê Thái Tông (1423—1442) deified and held sacrifices throughout the country. Next, King Lê Nhân Tông (1441—1459) set up an altar to worship God Đô Đai

in the capital city of Thăng Long, worshipping the gods of rain, wind, thunder and cloud for all four seasons to protect the capital city [ĐVSKTT-XI: 79b].

In the second half of the 15th century, King Lê Thánh Tông included the issue of HTT in the Hồng Đức Code (Penal Code of the Royal Court). The royal court successfully codified the scope of activities of the Three Teachings. This breakthrough is still preserved in contemporary documents, especially stele inscriptions, such as the “*Worshipping regulations in Trần Tân temple*”, which records the “confirmed hierarchies of the gods, as from the government of King Hồng Đức onward, there was a system of granting hierarchical statuses to the gods”, learning from the regulations of granting hierarchical statuses of the Lý-Trần dynasties. Thereby, the issues of the Three Teachings (mainly Buddhism and Taoism) were strictly controlled with more specific regulations. In July 1461, the royal court ordered the provinces and districts: “Local authorities must not rebuild temples or shrines that are not recognized and managed by the government” [ĐVSKTT-X: 7b]. In 1463 the royal court further ordered: “Fortune tellers, Taoists, and Buddhists in the country from now on are not allowed to meet and chat with people from the royal family [Ibid: 13b]. King Lê Thánh Tông also banned the construction of new temples, prohibited the casting of bells and the painting of statues, and forced localities to prevent shamans and mediums from deceiving people. The state restricted only the superstitious aspects of Buddhism and Taoism that were harmful to production and could violate Confucian rites and confuse people's beliefs. Buddhism and Taoism continued to be recognized and maintained. The kings of the Lê dynasty repeatedly repaired damaged pagodas, sent mandarins to pray, and organized ceremonies for the dead at pagodas” [Phan Huy Lê 2016: 188]. In addition, the Lê Sơ royal court also developed policies to protect Buddhism and Taoism from the negative effects of secularism and to prevent anyone from using Buddhism and Taoism to lure people and steal temple property.

Writing about HTT in the Great Viet, Nguyễn Kim Sơn [2007: 15] argued that the essence of this phenomenon was to “rearrange the strengths and advantages of each teaching”. Perhaps, this is a predetermined path for the three teachings, when they were used together long enough. Compared with Buddhism and Taoism, Confucianism was suitable for social development, administration, and management. Therefore, the development path of Confucianism is different from the other two. When the leader of the Confucian royal court is also the leader of Confucianism, it is very unlikely for the other two religions to share power and influence in society. Along with mutual integration, the three teachings also tended to harmonize with folk beliefs, which Phan Huy Lê once observed that Buddhism and Taoism “tend to be popular in the countryside and develop in harmony of folk beliefs” [Phan Huy Lê 2016: 188].

Ritual practice of the Three Teachings in the Lê Sơ dynasty

Historical sources show that the rituals of the three teachings were performed by the Lê Sơ royal court. First, we can mention the rituals of worshipping in the Imperial Ancestral Temple, or worshipping the god of grains and the soil, mountain gods and river gods right from the time of King Lê Thái Tổ and King Lê Thái Tông. In 1428, Lê

Lợi honored his parents and grandparents with posthumous titles: Grandfather Lê Đình as Emperor Chiêu Đức, Grandmother Nguyễn Thị Quách as empress dowager Gia Thục, Father Lê Khoáng as Emperor Tuyên Tổ, Mother Trịnh Thị Thương as Queen mother Y Văn [ĐVSKTT-X: 57b]. In 1434, King Lê Thái Tông ordered the construction of the Imperial Ancestral Temple in Lam Sơn to worship King Lê Thái Tổ and also in the Imperial Citadel of Thăng Long to serve diplomatic activities and political ceremonies such as casting treasure seals, reporting to heaven and earth, etc. In 1445, King Lê Nhân Tông finished casting the gold statues of King Lê Thái Tổ and Queen Quốc Thái, sent a monk to perform the eye-opening ceremony, and then brought them to the Imperial Ancestral Temple [ĐVSKTT-XI: 28b–29a]. The ĐVSKTT reads: “On the 15th of the month, the king paid homage to the Imperial Ancestral Temple, and then sent the civil mandarins to perform the rituals. The king went to the arena to see Prime Minister Lê Sát and all the civil and military mandarins offer sacrifices to heaven, earth, heaven gods, earth gods, mountain gods, river gods, and kill white horses to take blood and pledge allegiance. At the same time, he requested officials to offer sacrifices to gods in different regions of the country” [Ibid: 3a]. In light with that spirit, the offering of sacrifices to the society and ancestors was an activity to show power of a Confucian government, carried out by the royal court. Liam C. Kelley said: “The worship of Xã Tắc gods also [aims] to perform another important function, which is to reaffirm the hierarchical order of space and power” [Kelley 2003]. In addition, the ĐVSKTT also recorded a lot about the king himself going to fight in places, before leaving the army. After the victory, many activities were conducted to report at the Imperial Ancestral Temple. This activity was soon mentioned frequently in the *Classic of History*, associated with King Wu of Zhou’s career of defeating King Zhou of Shang. The key thing here is to encapsulate in the word “morality” according to Confucian concepts. Accordingly, heaven god will only help people with virtue, or “heaven will only refer to moral people”. Obviously, this was directly inherited in the *Classic of History* of Confucianism. Not only that, when nature appears abnormal, the responsibility will also be attributed to the leader, which is the Son of Heaven. At that time, the only thing the Son of Heaven needed to do was to correct his virtue, and to pardon the world to show his virtue. [Phung Minh Hieu 2017: 188–189]

Moreover, some Buddhist rituals were still used in the royal court. In 1434, there was a prolonged drought, King Lê Thái Tông ordered his officials to bring Buddha Pháp Vân to the capital to pray for rain like the tradition of the Lý and Trần dynasties [ĐVSKTT-XI: 8b]. Nguyễn Thiên Hữu and Nguyễn Trãi used the virtue perspective to explain the “induction of heaven and human”, to support the implementation of Buddhist rituals in the royal court. The performance of Buddhist rituals was even combined with the amnesty for prisoners, which is both compassionate in Buddhism and humanistic in Confucianism. A typical example is the organization of the filial piety ceremony and amnesty for prisoners during the reign of King Lê Thái Tông [Ibid: 13a]. Also under the reign of Lê Thái Tông, because of the prolonged drought, he processed the Buddha statue and recited the mantra to pray for rain. The ĐVSKTT added: “In the summer, on April 1st, the king ordered his officials to bring Buddha Pháp Vân from Cổ Châu monastery to Đông Kinh to pray for rain” [Ibid: 7a]. During the reign of King Lê Thái Tông, the Prime Minister Lê Sát built two monasteries, Thanh Đàm and Chiêu Độ,

with more than 90 rooms [Ibid: 12b]. Lê Văn Linh, one of the founding heroes of the Lê dynasty, also believed in Buddhism. From the advice to his children before he died, it can be known that Lê Văn Linh expressed himself as a lay Buddhist. The ĐVSKTT wrote: “Lê Văn Linh only believed in Buddhism and insisted his children on inviting reputed monks to come to his house to chant for three fasting weeks and seven moral principles, with no grand funerals” [Ibid: 66a]. In 1448, when there was a great drought, the king ordered the civil and military mandarins to have the same fasting habits as the king, and then personally came to Bảo An monastery and Cảnh Linh palace to pray for rain. He also ordered General Lê Khả to carry Buddha Pháp Vân from Cổ Châu monastery to Báo Thiên pagoda so that the monks could chant sutras to pray for the rain with the personal participation of the king and his mother [Ibid: 68b]. Buddhist religious practices is an expression of the religious power of the factions in the Lê Sơ dynasty at that time. During the reign of King Hồng Đức (1470—1496), Queen Mother Ngô Thị Ngọc Dao still diligently worshiped Buddha every day, showing kindness to even her servants and subordinates. Therefore, she was called the living Buddha [Nguyễn Xung Xác 1498].

However, conflicts of interest and power struggles between factions occurred, leading to fluctuations in Taoist and Buddhist rituals in the royal court ceremonies. Great Admiral Lê Ngân worshiped Guan Yin in his house and set up an altar to invite a shaman to perform rituals to pray for his daughter Lê Nhật Lệ (Consort Huệ) to be favored by the king. The king sent troops to arrest him at home. Consort Huệ was demoted to *Tu dung*, the medium Nguyễn was forced into exile and the shaman Trần Văn Phương had to work as an elephant herder. [ĐVSKTT-XI: 50a]. Taoist music and rituals were again secretly used to chase away solar eclipses in the Lê Sơ dynasty. In 1434, the royal court meeting was off. Because before that, Meteorologist Bùi Thị Hanh secretly said that there was a black ape eating the sun. Prime Minister Lê Sát secretly sent people to capture live apes and live monkeys to kill in the palace as sacrifices to end the disaster. The ceremony of guarding the forbidden palace does not seem to match the royal court’s regulations, so it was deliberately hidden from the officials. The two celebrants this time were Bùi Thị Hanh and Trinh Toàn Dương, who were formerly Taoist monks under the support of Lê Sát. [Ibid: 8b — 9a]. This historical record shows that Lê Sát did not use the Confucian solar and lunar eclipse rescue music but practiced Taoist music and rites. In 1448, Bùi Thị Hanh reported that there was a lunar eclipse according to the Confucian rites. However, it did not happen. The king and mandarins had made so many concerted efforts to respond to the false information. Hanh’s previous crimes were discovered and demoted to the imperial court [Ibid: 30a]. In this case, the Taoist ritual was used illegally, and caused conflict with the Confucian “solar eclipse rescue” rituals. The court then would gradually limit the influence of Taoism and Buddhism, followed by the removal of power from groups that intend to take advantage of heresy to do things detrimental to Confucianism.

During the Early Le dynasty, Taoist rituals were also organized by the royal court. In April 1435, the court requested the provincial, district and communal officials that: “If you see any places where worms bite mulberries and rice, you must make sacrifices to finish that incident”, [Ibid: 26b]. In 1437, King Lê Thái Tông “performed a ceremony to pray for rain at Cảnh Linh abbey” [Ibid: 38a]. Praying for rain took effect many times

in every king's reign. In 1447, because of pests eating rice, the royal court sent Taoists to kill insects, as while assigning Minister of Rites, and Minister of Revenue Nguyễn Như Đổ to make sacrifices to the gods to kill rice pests [ĐVSKTT-XII: 41a—41b]. In 1448, the royal court “determined regulations on the ceremony to pray for rain and sunshine [Ibid: 47b]. In 1448, King Lê Nhân Tông “issued the decree to order military mandarins to go to Cảnh Linh abbey and Bảo An monastery to pray for rain with the participation of the king” [Ibid: 68b]. In 1467, King Lê Thánh Tông sent Taoist priests to worship and kill rice pests [Ibid: 41a—41b]. The three texts for worshipping Thunder God written in *Thiên Nam dư hạ tập* (collection of laws when being free in Dai Viet) show the influence of the theory of heaven as supreme controller of Taoism as well as the theory of heaven-man induction of Confucianism. Both theories are based on the Confucian idea of destiny. King Lê Thánh Tông felt that thunder hitting the imperial citadel was the punishment from heaven and needed to conduct a rain praying ceremony to eliminate natural disasters. This ceremony was called “Linh Bảo and belongs to the Linh Bảo sect, which was derived from the Chính Nhất sect of Taoism during the Song dynasty [Onishi 2009: 433—45]. From the events of King Lê Thái Tông and King Lê Nhân Tông, it can be seen that in the Lê Sơ dynasty, Cảnh Linh abbey became a place to pray for rain in the form of a rain praying ceremony of Taoism. In short, drought and pests were natural disasters that greatly affected agriculture, or the economic and political stability in a broader sense. Therefore, the royal court simultaneously used many rituals to pray for rain (of Confucianism, Buddhism, Taoism and divine worship facilities throughout the country). These rituals strengthened the belief in supernatural powers, the connection between the king and people, and increased the power of the royal court.

Books and classics on Three Teachings in the Lê Sơ period

During the Former Lê, Lý, and Trần dynasties, the Three Teachings classics were introduced into Dai Viet many times, including the *Buddhist Tripitaka* (in 1006, 1010, 1014, 1020 and 1295), *Taoist Canon* (1017), and *Nine Classics* (1009), *Four Books and Six Classics* (1253), *Four Books and Five Classics* (1272) of Confucianism [Trần Trọng Dương 2023: 11]. During the rule of Ming dynasty, the colonial government imposed the use of the contemporary classics system for education in Dai Viet. The ĐVSKTT said: “In 1419, the Ming dynasty granted the *Four Books and Five Classics*, *Complete Theory of Change*, *Kindness Is Corresponded by Happiness*, and *Examples of Filial Peity* to Confucianism and the prefectures, provinces, and districts, and sent monks to learn and disseminate Buddhist canons in the Sangha management agency” [ĐVSKTT-X: 3b]. This evidence shows the systematic transmission of Song-Ming Confucian classics, along with contemporary Buddhist and Taoist books. The transmission of classics is for education, training and organizing examinations to select talents. In 1426, the Ming dynasty held the Hương thí — a formerly, triennial examination in Dai Viet for the second degree of Cử nhân (bachelor) [Ibid: 18b]. The circulation of books and classics is also an expression of the Ming dynasty's policy on the HTT in Dai Viet.

After gaining independence, the Lê Sơ dynasty engraved and printed the Three Teachings classics, focusing mainly on the Song Confucian classics. In 1435, the royal

court completed the wooden mold inscription of *Complete Four Books* [ĐVSKTT-XI: 33b—34a], including *Great Learning*, *Analects of Confucius*, *Mencius*, *Doctrine of Golden Mean*. These were the texts of the Song Confucian classics that the Ming dynasty once had printed in Dai Viet. Therefore, when the demand of society increased, the royal court had to reprint them. The purpose of this inscription is to serve the teaching and learning of the official education system as well as folk Confucian education. Distributing books by the administrative system is a manifestation of the education and examination policies of the Lê Sơ dynasty. During this prosperous era of Confucianism and academic examination, the profession of engraving also developed to serve many different needs of life. The engraving agency may be the Temple of Confucius. In 1442, Nguyễn Trãi finished writing the *Book of Geography of Dai Viet*. Later, King Nhân Tông included this book in the *Collection of Valued Teachings from Domestic Books* [An Nam vũ công: 33a]. In 1467, the state issued and distributed the *Five Classics* to the Temple of Literature [ĐVSKTT-XII: 34a]. The Temple of Literature was responsible for disseminating this system of standard textbooks to thousands of schools across the country. During the reign of King Hồng Đức, the royal court every year distributed the *Four Books and Five Classics* to academic officials in the provinces and districts. In 1483, because the number of wooden molds for engraving books and classics was too high, King Lê Thánh Tông built a storage to archive the molds in the east of the Minh Luân house in the Temple of Literature [ĐVSKTT-XIII: 34a]. The development and engraving, and replication of Confucian classics was attended to by the royal court, to serve the expansion and teaching of the Confucian knowledge in the whole territory of Dai Viet at that time. The dissemination of Confucian books and classics contributed to the real development of Confucianism. Yu Insun [2006: 35] also argued that the widespread dissemination of Confucian books and classics “has important implications for the development of Confucianism”.

On the basis of Confucian classics, the Lê Sơ dynasty developed many books and had them printed, such as Nguyễn Trãi’s *Book of Laws** (lost books were marked with the symbol *), **National Penal Code* formulated in the period 1431—1449, *National Language Poetry Collection* (1459) by Phan Phu Tiên, **Đại Việt sử kí* (continued) (1455) by Phan Phu Tiên, *Collection of Poems When Conquering the West* (1471), **National Regulations on Mandarins* (1471), *ĐVSKTT* (1479) of Ngô Sĩ Liên, *Laws of Dai Viet* (100 volumes, 1483), *Hồng Đức Map/Map of the world* (1490), *Standards for Mandarins* (Hồng Đức period), *Comprehensive Historical Compendium of Social, Economic, and Political Institutions* (1484) by Than Nhan Trung and associates, *Collection of Good Poems* (1497) by Hoàng Đức Lương, **Vietnamese History Reflection* by Nguyễn Địch Tâm, **Reflection of Dai Viet History* (1511) by Vũ Quỳnh, **Good Laws Ruling the Country* and **Real Records on King Lê Trung Hưng Time* by Lê Tường Đức, and dozens of poetry collections by King Lê Thánh Tông, Lê Hiến Tông and many other authors. It can be seen that the transmission and use of Confucian classics during the Lê Sơ dynasty was considered an important task in designing the ideology and textbook standards for the entire country. The classics were considered the foundation for all intellectuals in society to build a “Domani of manifest civility”, in which King Lê Thánh Tông was considered a king with a strategic vision in building and design a civilized Dai Viet, with

many Confucian works compiled by the Vietnamese themselves [Trần Trọng Dương 2011: 3–28].

There were almost no historical records on the Taoist and Buddhist classics during this period. We know that the *Tripitaka* was last introduced into Dai Viet in 1295, and then engraved many times by the Trúc Lâm Yên Tử Sangha in Thiên Trường (Nam Định province) and in Thăng Long and many other localities. However, these sets have been lost so far. Under the rule of the Ming dynasty, many books of the Three Teachings were also brought to Dai Viet, but they have all been lost. During the Lê Sơ dynasty, there were only two important documents left: the *Collected Scripture on Deeds of Jade Emperor* of Taoism and the *Sūtra on Deep Indebtedness to One's Father and Mother as Spoken by the Buddha* of Buddhism.

Collected Scripture on Deeds of Jade Emperor was engraved during the reign of Lê Thái Tông (1434–1442), including three volumes: one, two and three. Most of the engraving molds have also been lost. There are now only three engraving molds noting on the pronunciation of difficult Chinese characters, with an illustration at the end of volume two. The molds were discovered in 1971 at Linh Tiên temple, Đức Thượng commune, Hoài Đức district, Hà Nội [Nguyễn Tài Căn 2004: 48] (fig. 1). This may be a kind of Taoist book, but it is different from similar books in the Taoist Canon, which means that the canonical content inside has been further developed by the Vietnamese. The contents inside include some rituals learned from Buddhist books such as King Trần Thái Tông's *Essays on Emptiness* (1218–1277), e.g., the part “Willing to encourage”. The last part of the book states that the three female patrons are Queen Đỗ Thị Ngọc Nha, Princess Trịnh Thị Ngọc Huyền and her mother Trần Thị Ngọc Lỗi. The person in charge of the engraving is Daoist Phan Văn Nhân — a monk at Tri Linh temple, Sơn Đồng commune, Đan Phượng district (now a part of Hà Nội). This is a Taoist scripture with the participation and contributions of aristocratic women in the Lê Sơ dynasty. At the same time, it also shows the relationship between the royal family and folk Taoism.

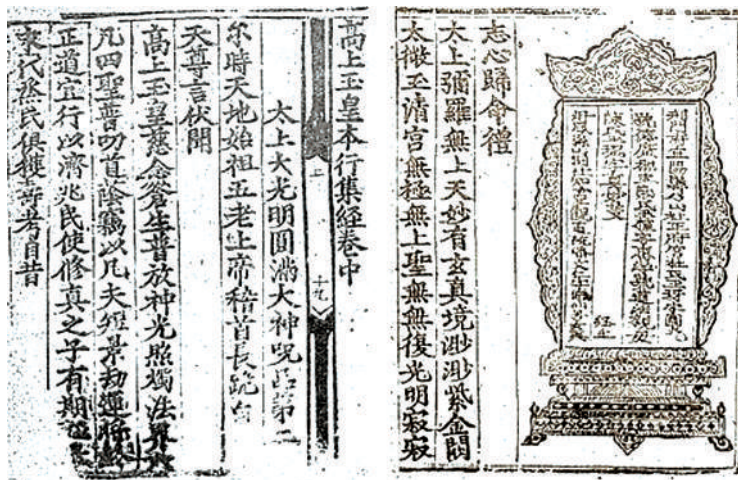

Fig. 1. Collected Scripture on Deeds of Jade Emperor, Vol. 2.

Source: [Nguyễn Tài Căn 2004: 51, 55].

The *Sutra about the deep kindness of parents as Spoken by the Buddha* is a text engraved during the reign of King Lê Hiến Tông (1497—1504) [Shimizu Masaaki 2010: 2] (fig. 2). The text preserves the exact original Chinese and Nôm scripts as well as the graphics of the original text. The text includes 46 pages, of which 19 pages have graphics. These pictures are used to illustrate the text contents. Picture number 12a is the gratitude toward the mother's nurture and protection. Picture 12b is the gratitude toward the mother during her pregnancy. Picture 13a is the gratitude toward the mother's sacrifice when giving birth. The content of this text uses Confucian concepts to teach Buddhist teachings. It shows the harmony of beliefs in spiritual activities in Dai Viet. And up until today, this sutra remains widely used. Participants in the sutra inscription are queens, consorts or devout followers of the religion.

Fig. 2. Sutra about the deep kindness of parents and how difficult it is to repay it, page 23a—24b. Source: [Hoang Thi Ngo 1999].

In addition to the above two books, King Lê Thánh Tông's *Salvation Oration for Wandering Souls of Many Sorts* is an oration for the wandering souls that simulates Buddhist rituals, including the chanting of the *Lotus Sutra*. He thereby criticized the bad habits of contemporary Confucianists, Taoists, and Buddhists, as well as the evils of mandarins, militiamen, and theft. This shows Confucian power discourse in a Buddhist style text. This Thánh Tông's text, influenced by the *Yoga Ritual for Offering Food to Flaming Mouth*, a Ming dynasty Buddhist text, was used to teach the citizens of the kingdom rather than as a ritual text. This work shows the power of Confucianism in correcting customs and educating people. In addition to the classics, it is also important to mention the Taoist and Buddhist works developed by the Vietnamese. The first Buddhist author of the Lê Sơ dynasty was Zen master Viên Thái (1400/1460) with *Cổ Châu Pháp Vân Phật bản hạnh ngữ lục* (A.818) — a Chinese text with Nôm translation about Buddha Pháp Vân at Dâu monastery (Bắc Ninh province). The next works are *Cổ*

Châu Phật bản hạnh và *Cổ Châu nghi* by an unknown Zen master written in the Hồng Đức period (1470—1496). Lương Thế Vinh (1441—1496, passed the examination for choosing the first doctoral candidate in 1463) had three works, namely *Zen science*, *Ten Teachings on Morality of Buddhism* and *Preface of Historical Records on Buddhism in Dai Viet* [Nguyễn Lang 2014: 490—491]. The first book is a textbook on Buddhist thoughts. The second book is the ten teachings on morality from a Buddhist point of view. The last one is the preface of the Historical Records on Buddhism in Dai Viet from 1203 onward. Finally, we also know a number of poems for worshipping the Thunder God recorded in the *Thiên Nam dư hạ tập* (A.334/1-10), which were used by King Lê Thánh Tông in the Taoist ritual of praying for rain.

Conclusion

The paper explores the policy of the Harmony of the Three Teachings, the system of classics and books of Confucianism, Buddhism, and Taoism, and the ritual and sacrificial activities of the Three Teachings in the Lê Sơ dynasty. It argues that “Confucian monopoly” is essentially a concept that refers to the strengthening of Confucianism in state administration based on the Song Confucian classics and ideology, and the state model learned from the Great Ming Dynasty, which is the monopolistic status of Confucianism in terms of administration and education. Specifically, Confucianism holds the leading position and has authority and legitimacy over others. The Confucian royal court has the right to administer the Sangha of Buddhism and Taoism, to eliminate superstitious rituals that take advantage of Buddhist and Taoist profiles, and to control the printing of books of the Three Teachings. Confucianism is the state leader, while the thoughts and rituals of Buddhism and Taoism both have the function of supporting the royal court in cultural activities as well as solving the spiritual needs of the royal family and the people. The phenomenon of the Harmony of the Three Teachings is essentially a common cultural concept for many centuries in Vietnam, from the Lý — Trần dynasties to the Lê Sơ and later Tây Sơn and Nguyễn dynasties.

Received: October 9, 2023

Received in revised form: February 15, 2024

Accepted: March 7, 2024

Дата поступления статьи: 09.10.2023

Дата поступления в переработанном виде: 15.02.2024

Принята к печати: 07.03.2024

References

An Nam vũ công [*Book of Geography of the Great Viet*], composed by Nguyễn Trãi, woodcut A.2251. Hà Nội: Institute of Sino-Nom Studies.

Đại Việt sử ký toàn thư [Complete Annals of Đại Việt], Woodcut SA.PD 2310 (deposited in the library of the Asiatic Society in Paris).

Gents, J. (2013). Religious diversity in Three Teachings Discourses, in: *Religious Diversity in Chinese Thought*, ed. Perry Schmidt-Leukel and Joachim Gents. New York: Palgrave — Macmillan.

Kelley, L.C (2003) Vietnam as a ‘Domani of Manifest Civility’ (Văn Hiến Chi Bang). *Journal of Southeast Asian Studies*, 34: 63—76.

Nguyễn Kim Sơn (2007). Xu hướng hội nhập tam giáo trong tư tưởng Việt Nam thế kỉ XVIII [Nguyen Kim Son. The Convergence of Three Teachings in Vietnamese thought in the 18th century]. *Nghiên cứu Tôn giáo [Religion Research Review]*, 8: 14–20.

Nguyễn Lang (2014). *Việt Nam Phật giáo sử luận* [Nguyen Lang. *History of Vietnamese Buddhism*]. Hà Nội: Văn học.

Nguyễn Minh Tường (2015). *Tổ chức bộ máy nhà nước quân chủ Việt Nam (từ năm 939 đến năm 1884)* [Nguyen Minh Tuong. *Organization of Vietnamese Monarchy State Apparatus (from 939 to 1884)*]. Hà Nội: Khoa học Xã hội.

Nguyễn Xung Xác (1498). *Khôn nguyên chí đức chi bi* [Nguyen Xung Xac. *Tomb Stele of Queen Ngô Thị Ngọc Dao*]. Hà Nội: Institute of Sino-Nom Studies. No.1919.

Phan Huy Lê (2016). *Lịch sử Việt Nam* [Phan Huy Le. *History of Vietnam*]. Hà Nội: Nhà xuất bản Đại học Quốc gia Hà Nội.

Phung Minh Hieu (2017). *Land and water: A History of Fifteenth Century Vietnam from an Environmental Perspective*. Ph.D. Thesis. University of Hawai'i at Mānoa.

Onishi Kazuhiko (2009). Đạo giáo và tư tưởng thiên mệnh của vua Lê Thánh Tông [Taoism and the idea of destiny of King Le Thanh Tong], in: *Nghiên cứu tư tưởng Nho gia Việt Nam từ hướng tiếp cận liên ngành [Research on Vietnamese Confucian Thought from an Interdisciplinary Approach]*. Institute of Sino-Nom Studies, Vietnam — The Harvard Yenching Institute. Hà Nội: Thế Giới. P. 433–452.

Shimizu Masaaki (2010). A Phonological Reconstruction of the 15th Century Vietnamese — Using Chữ Nôm Materials. *International Conference on Vietnamese and Taiwanese Studies*. Taiwan: National Cheng Kung University. P. 2–3.

Tạ Ngọc Liên (2009). Diện mạo Nho giáo ở Việt Nam thế kỷ XV–XVIII [Ta Ngoc Lien. Manifestation of Confucianism in Vietnam in 15th–18th Centuries], in: *Research on Vietnamese Confucian Thought from an Interdisciplinary Approach*. Hà Nội: Thế Giới, 130–149.

Trần Đình Hượu (2020). Về xu hướng Tam giáo đồng nguyên trong Trúc Lâm Tông Chi Nguyên Thanh [Tran Dinh Huou. Regarding the trend of the The Convergence of Three Teachings in Trúc Lâm Tông Chi Nguyên Thanh], in: *Lịch sử tư tưởng Việt Nam và Phật giáo trong lịch sử tư tưởng Việt Nam [History of Vietnamese Thought and Buddhism in History of Vietnamese Thought]*. Hà Nội: Đại học Sư phạm. P. 494–514.

Trần Quốc Vượng (2020). Một ý kiến về Phật giáo và văn hóa dân tộc [Tan Quoc Vuong. Some Opinions about Buddhism and National Culture], in: *Lịch sử tư tưởng Việt Nam và Phật giáo trong lịch sử tư tưởng Việt Nam [History of Vietnamese Thought and Buddhism in History of Vietnamese Thought]*. Hà Nội: Đại học Sư phạm. P. 419–430.

Trần Trọng Dương (2011). Văn hiến Đại Việt thế kỷ XV qua trường hợp hoàng đế Lê Thánh Tông [Tran Trong Duong. Culture of Dai Viet in 15th century through the Case of Emperor Lê Thánh Tông]. *Nghiên cứu và phát triển [Research and Development Review]*, 6: 3–28.

Trần Trọng Dương (2023). Doctrine beyond Borders: The Sinographic Cosmopolis and Religious Classics in Vietnam from the Tenth to Fourteenth Centuries. *Sungkyun Journal of East Asian Studies*, Duke University Press, 1 (23): 1–25.

Yu Insun (1978). *Law and Family in Seventeenth and Eighteenth Century Vietnam*. University of Michigan.

Nguyễn Tài Căn (2004). *Nguồn gốc và quá trình hình thành cách đọc Hán Việt* [Nguyen Tai Can. *Origin and Formation of Sino-Vietnamese Pronunciation*]. Hà Nội: Khoa học Xã hội.

Pham Hung Cuong

The Expression of Vietnamese Folk Art in the Painting Series “Technique du Peuple Annamite”

Abstract. Vietnamese folk painting art, a traditional art form, is the quintessence of the nation's cultural heritage and historical significance, expressing rustic beauty but containing a Vietnamese culturally conscious mind. In order to preserve the typical beauty in the daily life of ancient Vietnamese people, a genre of folk painting rich in visual art and meaning appeared in the early 20th century. That expression is a set of paintings in an ethnographic research work by Henri Oger, a French scholar. The “Technique du peuple Annamite” series of paintings was produced in large quantities by Vietnamese artisans and reflects the daily life of the Vietnamese people in the capital Hanoi and the Red River Delta. This research was conducted to clarify the elements that create the folk character of the painting from the perspective of visual arts. The results of this study show that the paintings, from themes to forms of expression, all reflect the quintessence of Vietnamese folk art.

Keywords: Vietnam, folk art, painting art, visual art, “Technique du peuple Annamite”.

Author: Pham Hung Cuong, PhD in Art, Principal of the University of Art and Design, Hanoi, Vietnam. E-mail: phamhungcuongmtn@gmail.com

For citation: Pham Hung Cuong (2024). The Expression of Vietnamese Folk Art in the Painting Series “Technique du Peuple Annamite”. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (1): 94–109.

Фам Хунг Кьонг

Отражение вьетнамского народного искусства в серии картин «Техника аннамитского народа»

Аннотация. Вьетнамская народная живопись, являющаяся традиционным видом искусства, представляет собой квинтэссенцию национального культурного наследия и имеет историческое значение, выражая вьетнамское культурное сознание. Богатый в изобразительном и смысловом отношении жанр народной живописи, призванный сохранить красоту повседневной жизни древних вьетнамцев, появился в начале XX в. Его представил набор картин из этнографического исследования французского ученого Анри Оже. Серия картин «Техника аннамитского народа», включающая большое количество работ, была создана вьетнамскими мастерами и отражает повседневную жизнь вьетнамцев в Ханое и дельте Красной реки. Данное исследование показывает, что все элементы картин, от тем до форм выражения, являются квинтэссенцией вьетнамского народного искусства.

Ключевые слова: Вьетнам, народное искусство, живопись, изобразительное искусство, «Техника аннамитского народа».

Автор: Фам Хунг Кыонг, к. иск., ректор Университета искусства и дизайна, Ханой, Вьетнам. E-mail: phamhungcuongmtcn@gmail.com

Для цитирования: Фам Хунг Кыонг. Отражение вьетнамского народного искусства в серии картин «Техника аннамитского народа» // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 94—109.

Introduction

Vietnam has a long historical cultural tradition and an identity of national art. The characteristics of the land and the regional climate associated with working life have created unique characteristics of people, who live in the Northern Delta. However, the late 19th and early 20th centuries was an important milestone in the process of exchange and acculturation of Vietnamese culture when Vietnam becomes a colony of France. In 1907, young French scholar Henri Joseph Oger first came to Hanoi, with curiosity and a desire to discover the material civilization and culture of the Annamese people. With his efforts, along with Vietnamese artisans, Henri Oger completed his unique research project which is the collection of illustrations “Technique du peuple Annamite” (The Mechanics and Crafts of the People of Annam).

As we can see, the function of illustrations is to clarify a story or a topic that is concretized by drawing, using visual language such as lines, colors, shapes, and layouts. This can make the content to be conveyed clearer and more vivid. In the “Technique du peuple Annamite” (TA), these illustrations have a different function, since it is an ethnographic research. As usual in this type of research, the authors collect data verbally. Illustrations are only a supplement to the data collected, and only a small part of it. This is consistent with the TA in the corpus (written), which is vocabulary data of An Nam people's daily life, including 159 pages with 32 illustrations [Nguyen Quang Minh et al. 2012]. Meanwhile, TA focuses on visual descriptions. The majority of this work consists of illustrations, including 700 pages with 4577 illustrations. Unlike the usual illustration categories, the drawings in the TA are not arranged according to the theme or order of the recorded data. The amount of text is small, and the main role is to clarify the meaning of the drawings. This is the unique difference of the TA Illustration Collection.

The aesthetic value of TA has demonstrated this collection of paintings as a typical visual art book of the Vietnamese people. The main visual language of TA is the strokes to describe the images, characters and contexts in the paintings, which reflect the material and spiritual cultural life of the people in Hanoi and surrounding areas in northern Vietnam. Using only simple, rustic but sophisticated drawings and engravings, artisans have recreated a realistic and vivid picture of Vietnamese society in the late 19th and early 20th centuries.

The purpose of this study is to explore the elements that express the folk characters of the TA painting collection from the perspective of visual arts. The results of the research will be presented from the themes to the visual art elements of the collection.

Literature review

As mentioned above, the TA painting collection is a project presenting cultural and social issues of people, who lived in the Northern Delta in the early twentieth century. In particular, the aesthetic value of the paintings and engravings was highly appreciated.

The TA painting collection has attracted the attention of domestic and foreign artists and researchers. In 1970, Pierre Huard published “The Pioneer of Vietnamese Engineering, Henri Oger (1885—1936)” in *Beffeo* (printed in Vietnamese) [Huard 1970]. The article summarizes Henri Oger's biography, his research plans and his scientific desire to study Vietnamese material civilization and its sociological aspects. In particular, the author also mentions the difficulties that Henri Oger and the Vietnamese artisans encountered when printing TA in bad weather conditions and when they had to improvise using traditional printing techniques: “After countless difficulties (especially the inability to put engraved boards under the printing press's rollers) in the middle of a hot summer, people had to use techniques from China and Vietnam, that is, is to use a hammer to pound sheets of paper made by Buoi village paper workers onto wooden carving boards” [Huard 1970: 200]. This is the evidence that shows the people in the creation and production process, from wood carving to printing by Vietnamese artisans.

In 2008, two researchers, Olivier Tessier and Philippe Le Failler, wrote about this topic in “Henri Oger's work “Technique du peuple Annamite” — The Beginning of Technical Anthropology in Northern Vietnam”, an article printed in the Proceedings of the Third International Conference on Vietnamese Studies [Tessier et al. 2008]. This article introduces Henri Oger's unique research and emphasizes the pioneering role of the original of his research.

The “Dictionnaire de l'ethnologie et de l'anthropologie” (Dictionary of Ethnology and Anthropology) by Pierre Bonte and Michel Izard (editors) also wrote about the method of collecting data for the TA painting collection, with a focus on gestures through the sketch series of the different activities of craftsmen or artisans when “using a tool or operating a primitive machine” [Bonte & Izard 1992:699].

Researchers have also conducted and published many studies on this topic in Vietnam. The book “Vietnamese Sketches of the Early 20th Century” (1988) presented 196 engravings by Henri Oger and other authors [Nguyen Manh Hung 1989]. Then, Nguyen Manh Hung also researched the topic of “Vietnamese society in the late 19th century — early 20th century through the work “Technique du Peuple Annamite” (Techniques of the An Nam people) by Henri Oger” in his doctoral thesis in history [Nguyễn Mạnh Hùng 1996].

Authors Phan Cam Thuong, Le Quoc Viet and Cung Khắc Luoc have provided general information about ancient Vietnamese graphic art, Henri Oger and the TA painting collection, and the artisan who made the TA in the book “Vietnamese Ancient Graphics” [Phan Cẩm Thượng, Lê Quốc Việt, Cung Khắc Lược 1999].

In 1988, the book “Woodcuts of the early 20th century” provided accurate and concise information about the context of its creation and Henri Oger's biography, the artisans involved and the process of making the TA painting collection. The important role of TA in the transition from folk art to modern art is once again emphasized in the book “Modern Vietnamese Woodblock Printing Graphics” [Hoàng Minh Phúc 2015].

Besides, the Encyclopedia of Intellectuals magazine under the Vietnam Social Science Committee (1985) introduced 351 drawings in “Encyclopedia of Paintings — Excerpt from the Encyclopedia of Vietnamese Material Culture — Unknown artist painted in the early 20th century” [Ủy ban khoa học xã hội Việt Nam 1958: 18]; the article “Revisiting the value of a collection of paintings in the early 20th century” in the

Journal of Cultural and Arts Research affirmed the uniqueness of the TA, because of the combination of Vietnamese folk style with Western working methods and organization [Quốc Anh 1998]; The two authors Nguyen Quang Minh and Nguyen Mong Hung in the article “Major publications written about the book “Technique du peuple annamite”” reviewed the publications and research works on the TA. The authors also provided critical opinions and corrections related to errors in some articles and research works of previous authors [Nguyễn Quảng Minh, Nguyễn Mộng Hưng 2012].

From the study of domestic and foreign researchers mentioned above, we can see that TA has a visual artistic and cultural value. Vietnamese artisans have created and expressed themselves beyond conventional illustration. However, the visual art of TA has not been systematically studied, especially the unique folk visual style of Vietnamese people. Based on these assessments, the study focuses on clarifying the expression of folklore in TA through the lens of visual art.

Table 1. Visual art elements in the painting set “Technique du peuple Annamite”

No.	“Technique du peuple Annamite” painting collection	The folk art expression	Typical paintings
1	Makers — Artisans	+	All
2	Data collection methods	+	All
3	Illustration method	+	All
4	Visual art elements (1): Layout	+	Leo cột mỡ (The grease pole); Ca nữ đang múa (Singers dancing); Chọi gà (Cockfight game); Bắt chuồn (Catching dragonfly); Cửa hiệu tạp hóa (Dry goods store); Bán gạo (Rice selling); Phố An Nam (Annam Street)
5	Visual art elements (2): Space	+	Gánh đồ lễ cưới (Transporting wedding gifts); Kéo quả lăn (Rolling earth); Đấu kiếm (Fencing); Phố (The street); Chợ (The market); Gieo mạ (Rice sowing); Cứu người chết đuối (Help for the drowning)
6	Visual art elements (3): Shape	+	Bà đỡ xoa bóp cho sản phụ (Midwife massaging a woman to give birth); Trò chơi trẻ con (Games of young children); Người mù cãi nhau (An argument among the blind)
7	Visual art elements (4): Lines express a rhythm for the movement of the figure	+	Tát gầu giai (Irrigation); Phơi hương (Drying incense sticks); Vò thóc (Trampling rice); Võ cổ truyền (Boxing); Múa đèn hoa (Dancers with torches); Bắt ếch (Frog catching); Bà bán đũa (Chopstick seller), Bỏ cau phơi (Preparation of areca nuts); Dùng bữa (Eating)
8	Visual art elements (5): Lines express materials	+	Thu hoạch lúa (The harvest); Cái đò đơm cá (Conical fishing basket); Bà bán gia cầm (The poultry seller); Phật (The Buddha); Dệt lĩnh (Silk weaver); Tát cá (Dry out a pond to catch fishes); Hái dâu nuôi tằm (Pick mulberry flowers)

This study is conducted based on an interdisciplinary approach, focusing on artistic studies methods to achieve the research goal and exploring the elements that express the folk aspect of the TA through the visual art perspective.

In this study, the artistic method is applied to classify engravings according to the level of the visual elements and principles. The study examined and evaluated all 4,577 illustrations of the TA, then selected and synthesized illustrations that represent the evaluation points of the visual design and folk character of the painting collection (Table 1). This study did not statistically classify the paintings into groups of occupations as previous studies. This creates a new perspective on the approaches and research methods of the TA painting collection.

Results and discussion

An overview of “Technique du peuple annamite”

With the messages conveyed through the visual language of the TA, the term “Technique” should be understood openly, including production, manipulation techniques and cultural quintessence in the daily life of Vietnamese people in the early twentieth century.

“Technique du peuple annamite” was made during Henri Oger's first visit to Indochina, when he stayed in Hanoi for about 20 months. During his two years of work in Vietnam (1908–1909), traditional life and culture held a special attraction for Henri Oger [Huard 1970]. He conducted field research on the “material civilized” life of the Vietnamese people and on sociological aspects, making statistics and lists on a large scale since there was a lack of social and ethnographic research in Vietnam at that time [Tessier & Philippe 2008]. With passion and scientific spirit, the scholar Henri Oger and a Vietnamese artist sketched and reflected the daily life of the people of Hanoi, from production and trade activities to entertainment and customs.

“Technique du peuple annamite” was made by Vietnamese artisans

The TA was drawn, engraved and printed by Vietnamese artisans using traditional manual engraving and printing methods. They were the next generation of artisan guilds originating from two traditional craft villages, Hong Luc and Lieu Trang, Hai Duong province, who participated in making Dong Ho and Hang Trong folk paintings [Hitchcock, Nguyen & Wesner 2010].

The TA confirms that the contribution of artisans in the An Nam region is very significant in the context of the French occupation. Through the works in the TA, it can be seen that Vietnamese artisans are not just workers, but they demonstrate a serious working spirit and high craftsmanship [Dinh 2016]. The paintings in the TA have similarities with folk art, which is the refinement of lines, the harmony of composition, the convention of space and form, along with the simplicity of expression.

Method of collecting data to create “Technique du peuple annamite”

To collect data for his research, Henri Oger used the main method of fieldwork, taking direct notes in words and drawings of research objects. Some research subjects were recorded through the stories of the people or the experiences of the craftsmen directly involved. In addition, the craftsman also has to redraw according to his own

memory and experience. After completion, these drawings were also edited according to indigenous people's comments [Huard 1970]. The method of collecting data also contributes to creating a folk character in the TA with two main methods as follows.

— Field collecting/drawing method: Under the direction of Henri Oger, the artist drew directly on paper in the field they visited. In particular, there were a large number of paintings redrawing folk, historical and religious paintings. This theme is strongly influenced by the folk painting style. In the process of redrawing these objects, to some extent, the craftsman was also influenced by the visual style of features of traditional Vietnamese visual art such as layouts, spaces, shapes and lines.

— Memory drawing method: This drawing style contains subjective elements, aesthetic thinking and visual style of the craftsman. Among the thousands of paintings in all areas of social life, some of them were redrawn by the artist's memory, for example, scenes of thieves climbing walls and hunting. Following this method, it requires a high level of experience, visual thinking and drawing skills of artisans

Folk art is expressed through the visual elements of “Technique du peuple annamite”

Visual art elements: Layout

The layout of the paintings in the TA is usually with traditional forms and in rectangular or square frames. However, the shape structure is calculated to suit the movements of the characters in each work. They are drawn in single, double, parallel, or spread layouts. Therefore, the layout with additional Chinese characters in each work is calculated to suit each layout in each painting. However, not all of them are arranged with additional text, which shows the convenience of TA layout. The text on the painting plays an important role in clarifying the meaning of the painting. It also plays a role in making the composition of each painting more solid and expressing a cultural characteristic of the indigenous people.

Despite the fact that Henri Oger introduced the necessity of arrangement according to large thematic groups and the logic of technical processes, the actual arrangement of the engravings on the set of paintings is completely different from this view. The arrangement here does not follow the order of the documents collected in the field. Moreover, the drawings should be printed in the order of the numbers written next to them, but Henri Oger printed many drawings with different contents on one sheet of paper, not in numerical order. It seems that he was only concerned with arranging the drawings so that they would fill a printed page. The authors Olivier Tessier and Philippe Le Failler commented on this arrangement of the series of drawings as follows:

“This messy arranging, whether intentional or due to technical constraints, does not cause difficulties in searching. On the contrary, it honestly reflects the diversity of an extremely rich folk culture nurtured by a seemingly limitless ingenuity” [Tessier & Philippe 2008: 214].

It is this arrangement that makes the viewer feel as if he is discovering the TA for the first time as he turns each page and begins to feel something new.

The layout in each painting is arranged according to convention, the inner layer is far away, the outer layer is near, and the main characters are always drawn larger. Although the Eastern method of expressing conventional perspective does not depict things according to visual laws, it still evokes a sense of time, space and distance. Artisans combine drawings to fill one printed page. The combination of drawings does not depend on the subject content and serial number but on the size of the drawings. Most printed pages are composed of 3 to 4 drawings (Figure 1), not including paintings with multiple characters. This is the reason why the engravings on a painting page are not arranged according to thematic content and in the correct numbered order in the drawings.

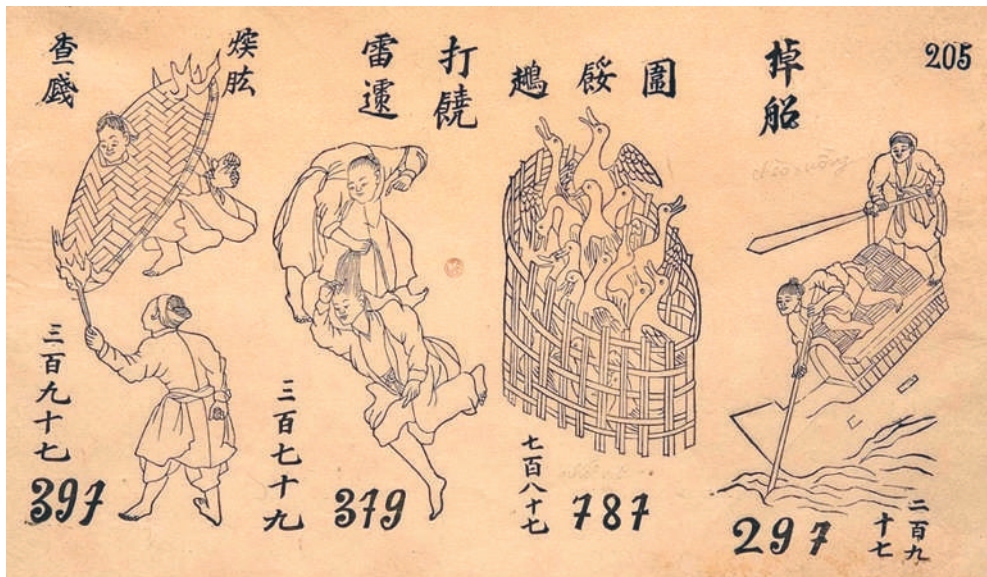

Fig. 1. Combine 3 to 4 drawings with a vertical rectangular layout to fit the printed page [Oger 2009]

In the 2009 edition of *An Nam People's Techniques*, engravings such as “Cửa hiệu tạp hóa” (Dry goods store), “Bán gạo” (Rice selling) and “Phố An Nam” (Annam Street) were compiled to express the vivid picture of Vietnamese society in the early twentieth century [Oger 2009]. The engravings are simplified and concise, giving the painting a clear layout. In addition, the characters all interact with each other according to their fields.

Visual art elements: Spaces

The spatial element in TA also has strong elements of folk art, similar to the space in Dong Ho, and Hang Trong paintings. With the conventions of space, the paintings give a sense of spatial depth. For example, the painting “Gánh đồ lễ cưới” (Transporting wedding gifts) shows a group of five characters carrying wedding gifts (Figure 2a). The painting “Kéo quả lăn” (Rolling earth) depicts the image of a farmer and a buffalo pulling a stone roller to pull rice. The layout overlaps, the next layer is hidden by the

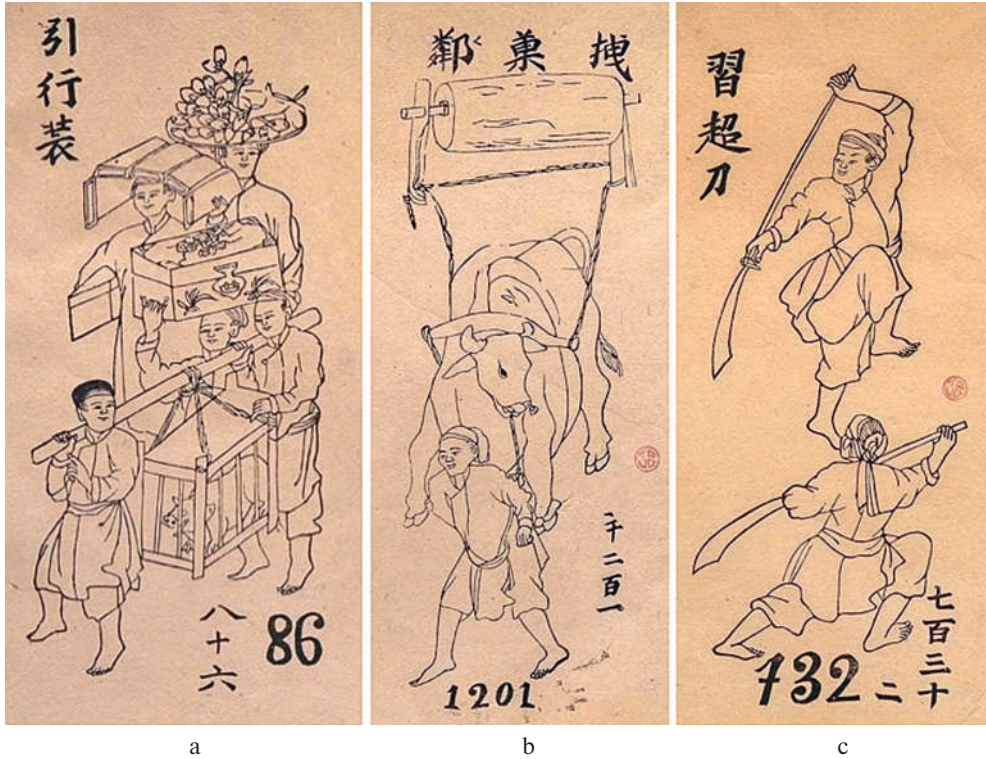

Fig. 2. a) Transporting wedding gifts; b) Rolling earth; and c) Fencing [Oger 2009]

previous one, and the stone shaft hanging on the buffalo's head looks illogical, but still allows the viewer to understand the activity of Northern farmers in a productive labor context (Figure 2b). This is also the layout that creates a conventional space of Vietnamese folk art.

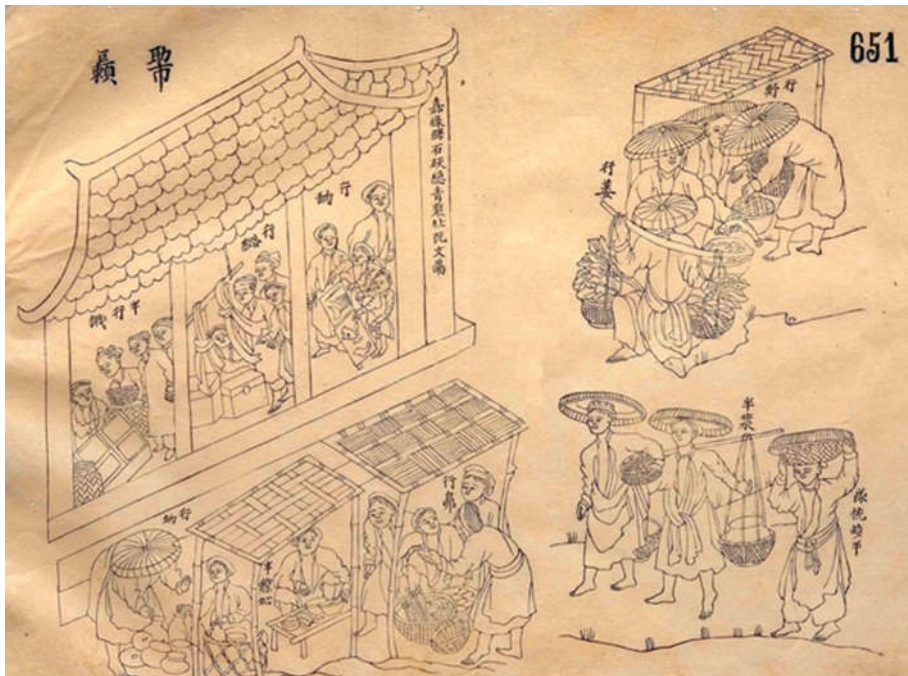
Meanwhile, the painting “Đấu kiếm” (Fencing) (Figure 2c) is a case of conventional space but does not follow the visual rules. This leads to absurdity in the proportions and arrangement of the characters on the surface of the painting. The “coexisting” space in the folk art style is also used by artists in many paintings with specific thematic content. The figures are given equal attention and are arranged to cover one side of the paper to show activities taking place at the same time, even with completely independent content, independent of scale and distance. This spatial arrangement is clearly shown in “The street” (Figure 3a), “The market” (Figure 3b).

To represent a certain spatial context, artisans do not describe it in very detail, but in very general and representative visual languages. Just a few promontories of land to represent the edge of the field, a few wavy lines to represent the surface of a lake, pond, or ditch, or a few plants to represent what is happening in the bushes and forests.

The painting “Gieo mạ” (Rice sowing) (Figure 4a) shows the character in a moving position. To represent this activity taking place in the field, the artisans used short curved lines and small dots to depict the promontories and grass bushes at the edge of

a

b

Fig. 3. a) The street and b) The market [Oger 2009]

a

b

Fig. 4. a) Rice sowing and b) Help for the drowning [Oger 2009]

the field. This is also shown in the painting “Cứu người chết đuối” (Help for the drowning) (Figure 4b) with a few simple lines. The artists used simple visual languages but achieved high visual effects.

Visual art elements: Shapes

In creating folk paintings or carving communal houses, artisans depict things in space according to their understanding and perception, without visual rules. Therefore, their drawings give the audience a feeling of connection and familiarity. According to the opinion of folk artisans when creating their works, drawings need “to be stylized”, “to catch a moving figure” and it is important to achieve the “spirit” [Truong Minh Hằng 2011:1231]. The same goes for the TA, the visual languages are created from a highly generalized line system, no coloring, no dark or light spots, and the drawings are built from practical activities in daily life. Like the layout elements, the form and shape elements of the TA are very conventional. The body shapes of the characters are not constrained by actual proportions, but focus mainly on describing the characters' activities and expressions. On the other hand, the body shape is also enlarged or reduced according to the content to attract the viewer's attention. For example, in the painting “Bà đỡ xoa bóp cho sản phụ” (Midwife massaging a woman to give birth), the body proportions between the midwife and the pregnant woman showed a major difference (Figure 5a). Perhaps the mother figure is the main focus of the painting, so the craftsman intentionally drew her many times larger than the midwife. This creates an interesting absurdity in the painting. The painting “Trò chơi trẻ con” (Games of young children) shows four characters with similar proportions and clothes (Figure 5b). It is a drawing of four children playing together a traditional folk game of Making Tiger and Catching Pigs. Although a closed system of strokes has been simplified in this picture,

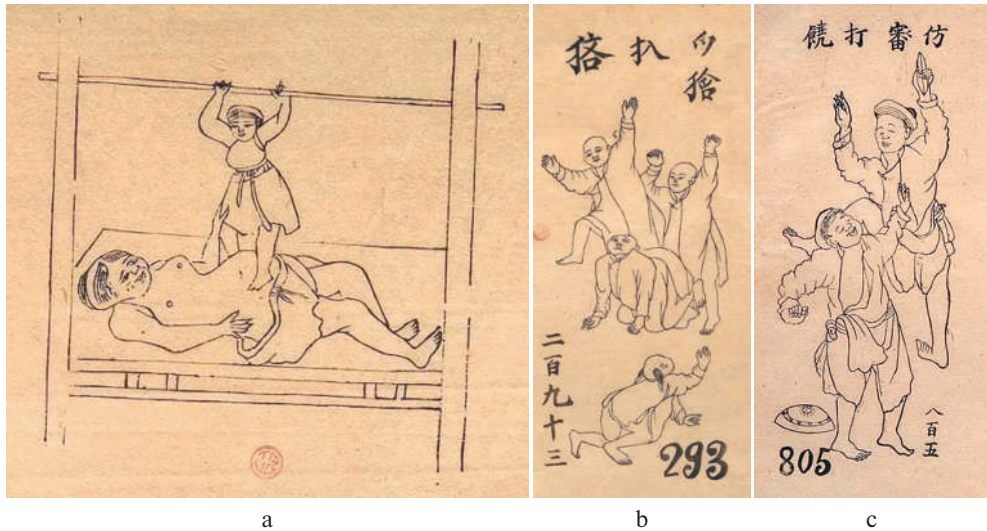

Fig. 5. a) Midwife massaging a woman to give birth; b) Games of young children and c) An argument among the blind [Oger 2009]

the picture is not monotonous because of the posture and movements of the characters participating in the game.

From a folk art perspective, the shape of the characters clearly shows that the artists do not pay attention to the structure of the human body, but only focus on the movements in specific contexts. The painting “Người mù cãi nhau” (An argument among the blind) shows two blind women arguing with very characteristic and vivid poses (Figure 5c). The artists captured the most intense part of the argument. The two women wave their arms in different positions. If we look closely, we can see that under the clothes, the arms, wrists, and elbows of these figures are conventionally drawn, with unclear structure and proportion. The wrinkles on the outer sleeves are also shown unrealistically, disrupting the structure of the arms. However, the lively poses of the characters may help us forget the absurdity of the physical structure. This is also a typical characteristic element of folk art painting.

Visual art elements: Lines

The main visual language in the TA is the element of lines since the characteristic of illustrations is the use of lines. The drawings are expressed in a rustic, simple, evocative and descriptive way according to theme, but without losing the accuracy of the content. The paintings do not use dark or light spots and colors. The line system is still closed, such as the “single line drawing” style, single lines on flat and mono-color, a popular drawing style in Oriental art, often seen in Dong Ho folk paintings (Figure 6).

Lines, one of the visual art elements in the TA, can express a character's emotions and personality in a traditional way. The different lines in the painting emphasize the theme and quality of the paintings. Most of the paintings show this kind of folk art, for example, the paintings “Bán đũa” (The chopstick seller), “Bỏ cau phơi” (Preparation of

Fig. 6. Scene of catching coconuts (Hứng dừa) — Đông Hồ paintings

areca nuts), “Dệt lĩnh” (Silk weaver), “Tát cá” (Dry out a pond to catch fishes), và “Hái dâu nuôi tằm” (Picking mulberry flowers) [Oger 2009].

Lines express a rhythm for the movement of the figure

As can be seen, one of the typical characteristics of lines in folk art is the potential creating the rhythm in the painting. Among many paintings that demonstrate this, the typical painting is “Tát gầu giai” (Irrigation). It shows two characters splashing water in a dynamic pose (Figure 7a). The carving is simple, generally covering the form. The skillful combination of carvings makes the painting not boring and monotonous, but creates the rhythm of movement working with rudimentary tools.

In the painting “Phoi hương” (Drying incense sticks) three female figures are depicted in three different positions beside the drying rack (Figure 7b). Three figures in a triangular arrangement with very lively poses, in separate positions but with close connection, expressing the rhythm of the painting. The straight lines of the drying rack and the incense sticks combine with the curves of the three women, creating harmony and flexibility in rhythm and composition. The painting “Vò thóc” (Tramplng rice) is one of the unique and beautiful paintings due to the choice of viewing direction and the way of expressing the character's activities (Figure 7c). The painting depicts two characters in the same posture, holding onto a bamboo frame to husk rice. The two

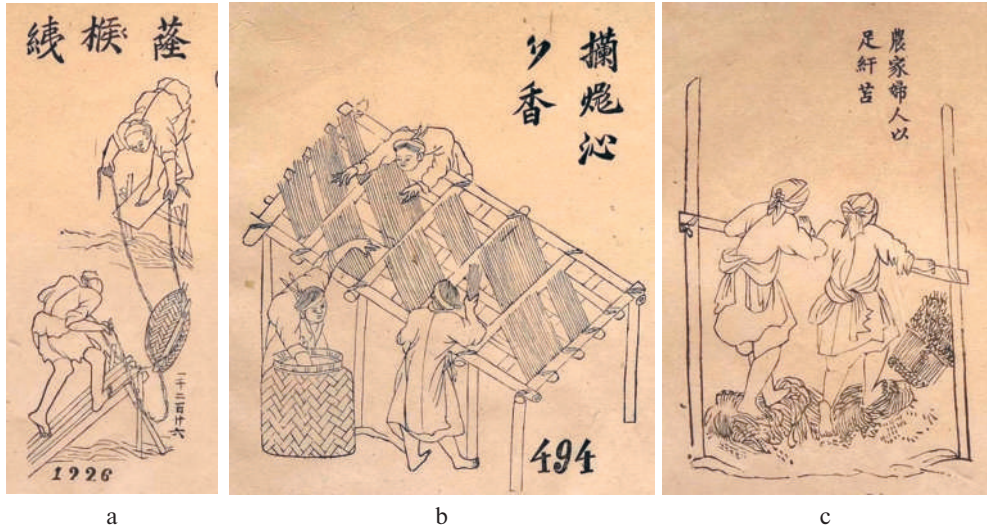

Fig. 7. a) Irrigation; b) Drying incense sticks; and c) Trampling rice [Oger:2009]

standing poses of the farmer repeat seemingly monotonous positions, but they create a contrast between the background and the movement. It can help the audience focus more on the rhythmic movement of the two farmers.

Lines express materials

Compared to other traditional folk paintings, the TA can express a variety of materials through the lines. It might depend on the requirements and purposes of Henri Oger's research to focus on the description of materials. Although they did not use colour, the artisans fully exploited the expressive element of line. The various materials of daily life and productive labor are flexibly and delicately expressed by Vietnamese artisans. For example, the painting “Thu hoạch lúa” (The harvest) shows a figure bending over a bundle of rice in a field (Figure 8a). The imagery is imbued with folk style and traditional space. Artisans used simple drawings and engravings to represent various materials such as leather, cloth, palm leaves, bamboo sheaves, and rice bundles. This can also be seen in some other typical paintings such as “Cái đóm cá” (Conical fishing basket) and “Bà bán gia cầm” (The poultry seller) (Figures 8b and 8c).

In addition to describing different materials through lines, artisans also demonstrate the ability to carefully and meticulously describe objects, especially in Buddhist topics. Floral and animal motifs with many winding lines are meticulously and delicately depicted by artisans. The skilful combination of lines has created attractive paintings. The painting “Phật” (The Buddha) shows the Buddha sitting on a lotus, surrounded by elaborate and delicate decorations (Figure 9). In addition, several paintings on this topic are skillfully expressed through lines, an effective visual language.

Some of the paintings in TA have a great number of details. They are difficult to redraw, but even more difficult to carve on wood. Through the engravings in the paintings one can see that the craftsmanship of the artisans is skillful. They have inherited the nation's artistic traditions and raised them to a new level. Although there

Fig. 8. a) The harvest; b) Conical fishing basket; and c) The poultry seller [Oger:2009]

Fig. 9. The Buddha [Oger:2009]

are some paintings with compositions and spaces approaching Western visual styles, they still carry folk elements that have been passed down from generation to generation of Vietnamese artisans.

Conclusion

The TA painting collection is an ethnographic research project by a foreigner in Vietnam, to explore the civilization of the indigenous people, supporting the French protectorate in Vietnam. However, the TA preserves the most vivid images of all aspects of Vietnam's cultural and social life in the early 20th century. Therefore, the TA has a certain significance in history, culture and society, as well as plays an important role in ethnographic and anthropological research.

The results of the study show that the traditional visual style and manual printing method of Vietnamese artisans also bring folk nuances to the painting collection. In addition, the study of folk art in TA reveals the high level of skills of Vietnamese artisans. They had the best understanding of life and people in the community where they lived. Therefore, they remembered the most typical materials. When put on paper, these materials were highly simplified and generalized. It can be affirmed that TA is a bridge between ancient art and modern art in Vietnam, and expresses the exchange and acculturation between the two cultures of Vietnam and France.

Received: January 22, 2024

Received in revised form: February 4, 2024

Accepted: March 13, 2024

Дата поступления статьи: 22.01.2024

Дата поступления в переработанном виде: 04.02.2024

Принята к печати: 13.03.2024

References

Bonte, P., & Izard, M. (1992). *Dictionnaire d'ethnologie et anthropologie [Dictionary of ethnology and anthropology]*, (2e éd.). Presses Universitaires de France. (In French)

Dinh Thi Van Chi (2016). Interaction between culture and economy in traditional handicraft villages in Vietnam. *Relacje. Studia z nauk społecznych*, (2): 119–138.

Hitchcock, M., Nguyen Thi Thu Huong, & Wesner, S. (2010). Handicraft heritage and development in Hai Duong, Vietnam. *Heritage tourism in Southeast Asia*, 221–235.

Hoàng Minh Phúc (2015). *Đồ họa in khắc gỗ hiện đại Việt Nam [Hoang Minh Phuc. Modern Vietnamese woodblock prints]*. Hà Nội: Nxb. Thế giới. (In Vietnamese)

Huard, P. (1970) Le Pionnier de la technologie vietnamienne Henri Oger (1885–1936?) [The Pioneer of Vietnamese Technology Henri Oger (1885–1936?)]. *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*, 57: 215–217. (In French)

Nguyễn Mạnh Hùng (1989). *Ký họa Việt Nam đầu thế kỷ XX [Nguyen Manh Hung. Vietnamese sketch in the early twentieth century]*. Thành phố Hồ Chí Minh: Nxb. Trẻ. (In Vietnamese)

Nguyễn Mạnh Hùng (1996). *Xã hội Việt Nam cuối thế kỷ XIX — đầu thế kỷ XX thông qua công trình “Technique du Peuple Annamite” (Kỹ thuật của người An Nam) của Henri Oger [Vietnamese society in the late 19th century — early 20th century through the work “Technique du Peuple Annamite” (Technique of the Annamese people) by Henri Oger]*. Luận án Phó tiến sĩ Khoa học lịch sử. Trường Đại học Tổng hợp Hà Nội. (In Vietnamese)

Oger, H. (2009). *Kỹ thuật của người An Nam [Technique du peuple Annammites Mechanics and Crafts of the Annammites]*. (In Vietnamese)

Phan Cẩm Thượng, Lê Quốc Việt, Cung Khắc Lược (1999). *Đồ họa cổ Việt Nam [Phan Cam Thuong, Le Quoc Viet, Cung Khac Luoc. Ancient Vietnamese graphics]*. Hà Nội: Nxb. Mỹ thuật. (In Vietnamese)

Quốc Anh (1998). Nhìn nhận lại giá trị của một tập tranh dầu thế kỷ XX [Quoc Anh. Rethinking the value of a collection of paintings in the early 20th century]. *Tạp chí Nghiên cứu VHNT*, 2 (79): 48–55. (In Vietnamese)

Tessier, O., & Philippe, L. F. (2008). Công trình “Kỹ thuật của dân tộc An Nam” của Henri Oger — bước khởi đầu của nhân học kỹ thuật ở miền Bắc Việt Nam [Henri Oger's work “Technique du Peuple Annamite” — the first step of technical anthropology in Northern Vietnam]. *Kỷ yếu Hội thảo Khoa học Quốc tế Việt Nam học lần thứ ba*. Hà Nội. (In Vietnamese)

Trương Minh Hằng chủ biên (2011). *Tổng tập nghề và làng nghề truyền thống Việt Nam [Trương Minh Hằng ed. General vocational training and traditional Vietnamese craft villages]*, tập 5. Hà Nội: Nxb. Khoa học xã hội.

Ủy ban khoa học xã hội Việt Nam [Vietnam Social Science Committee] (1958). Bách khoa thư bằng tranh — Trích Bách khoa thư văn hóa vật chất Việt Nam — Nghệ nhân vô danh vẽ đầu thế kỷ XX [Encyclopedia of paintings — Excerpt from the Encyclopedia of Vietnamese Material Culture — Unknown artist painted in the early 20th century]. *Tạp chí Tri thức Bách Khoa*, 3, 4, 5. (In Vietnamese)

Ю.Д. Минина

Заемствование и развитие сказочных сюжетов о чудесном герое в фольклоре народов Вьетнама

Аннотация. Статья посвящена анализу сказочного сюжета о чудесном ребёнке в облике териоморфного или фитоморфного существа в фольклоре вьетнамцев, хмонгов, тямов, седангов, стиенгов, тхаев, населяющих территорию современного Вьетнама, а также в фольклоре других народов Дальнего Востока. В работе применяется структурно-типологический и сравнительный анализ сюжетов, мотивов и героев фольклорных повествований, что помогает сделать предположения о путях заимствований и трансформации значимых элементов сказок у народов дальневосточного региона. В статье подробно рассматриваются три вьетнамских сказочных текста — «Человек, круглый, как кокосовый орех», «Волшебная черепаха» и «Маленький Черепашка», каждый из которых сопоставляется как с территориально близкими, так и удаленными друг от друга вариантами повествований.

Ключевые слова: вьетнамский фольклор, вьетнамские народные сказки, сказки малых народов Вьетнама, сказочный мотив, сказочный герой, структура сказочного сюжета.

Автор: Минина Юлия Дмитриевна, ст. преподаватель, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики».
ORCID: 0000-0002-3737-9478. E-mail: yminina@hse.ru

Для цитирования: Минина Ю.Д. Заемствование и развитие сказочных сюжетов о чудесном герое в фольклоре народов Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 110—124.

Yu. D. Minina

Borrowing and Historical Evolution of Tales and Fables about the Wonderful Hero in the Folklore Traditions of Vietnamese Peoples

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the fairy-tale plot about a wonderful child in the form of a theriomorphic or phytomorphic creature in the folklore of the Viet, Hmong, Cham, Sedang, Stieng, Thai ethnic groups inhabiting the territory of modern Vietnam, as well as in folklore of other peoples of the Far East. Through the study, the methods of structural, typological and comparative analysis of plots, motives and heroes of folklore narratives are used. Hopefully, this approach will help to make assumptions about the ways of borrowing and transforming significant elements of fairy tales in the region. The article examines three Vietnamese fairy-tale texts — “Man

Round as a Coconut”, “Magic Turtle” and “Little Turtle”, each of which is compared with both geographically close and distant versions of the narratives.

Keywords: Vietnamese folklore, Vietnamese folk tales, folk tales of Vietnamese ethnic minorities, folktale motif, fairy tale hero, folktale narrative structure.

Author: Minina Yulia D., Senior Lecturer, Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University. ORCID: 0000-0002-3737-9478. E-mail: yminina@hse.ru

For citation: Minina Yulia D. (2024) Borrowing and Historical Evolution of Tales and Fables about the Wonderful Hero in the Folklore Traditions of Vietnamese Peoples. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (1): 110—124.

Введение и постановка проблемы

В сказочном фольклоре народов Юго-Восточной Азии существует ряд сюжетов, которые обращают на себя внимание сходством структуры, мотивов и типов персонажей. Примером такого рода повествований может послужить сюжет о сыне бездетных родителей, который появляется на свет в виде териоморфного или круглого фитоформного существа, проходит трудные испытания и добывает невесту.

Первым из отечественных востоковедов обратил внимание на один из типов этого сюжета крупнейший исследователь вьетнамской литературы Н.И. Никулин. Ученый отметил сюжетное сходство сказок малых народов Вьетнама о круглом ребенке — герое, «не подающем надежд», по его выражению, — и высказал предположение, что протагонист тямского повествования «сближается с образом из мифологического предания — с первопродком царского рода Кокосов и легендарным основателем чамского¹ государства» [Сказки народов Вьетнама 1970: 7]. Российский востоковед Б.Б. Парникель развил данную гипотезу и привлек к исследованию индонезийский и малайский фольклорный материал [Парникель 1994: 148—153].

Сюжет о герое в теле «низкого», неприглядного животного в сказочной традиции народов Вьетнама до сих пор подробно не рассматривался, однако ценные выводы касательно специфики подобных повествований у других народов Азии сделаны выдающимся фольклористом-синологом Б.Л. Рифтиным [Дунганские сказки 2018: 184—188]. Немецкий и американский исследователь В. Эберхард упоминает 9 вариантов данного сюжета, записанных в Юго-Восточном Китае [Eberhard 1937: 78]. Более 30 вариантов из различных префектур Японии зафиксированы фольклористами Янагита Кунио [Yanagita 1986: 14—17] и Икэда Хироко [Ikeda 1971: 425A, 110—112]. Важные заключения о происхождении сказочных сюжетов вьетов и малых народов Вьетнама представлены крупнейшим вьетнамским фольклористом Нгуен Донг Тьи [Nguyễn Đông Chi 2000: 83—92].

В данной работе предлагается рассматривать сказки о ребенке в теле животного и ребенке-колобке как два типа одного сюжета, поскольку при общей устойчивости сюжетной схемы семантика образа главного героя и некоторые важные мотивы в повествованиях разнятся.

¹ Среди вьетнамоведов нет единой точки зрения по поводу русской транскрипции этнонима Châm (Chàm) и связанных с ним понятий; приемлемыми считаются варианты «тям» и «чам».

Задача исследования — проанализировать структуру, характеристики персонажей и наиболее значимые мотивы сказочных циклов о «низком» герое в фольклоре вьетов (киней), сравнив данные повествования с сюжетами, известными у хмонгов, тямов, тхаев, седангов, а также у других народов дальневосточного региона — корейцев, японцев, ли, тибетцев, минахасцев и пр. Такой анализ и сопоставление как территориально близких, так и удаленных друг от друга вариантов повествований позволит лучше понять пути заимствования сказочных сюжетов в регионе и процессы их исторического развития внутри фольклорной традиции одного народа.

Методология исследования

Методологической основой работы послужили структурно-типологический подход Е.М. Мелетинского [Мелетинский 2005, 2018], применяемый для анализа сюжетной организации фольклорного повествования и структуры мотива, и теоретические труды В.Я. Проппа [Пропп 2021]. Типы сказочных сюжетов и мотивов приводятся согласно указателям А. Аарне [The Types of the Folktale 1961] (далее — АaTh) и С. Томпсона [Thompson 1955—1958] (далее — ThMot), кроме того, к исследованию привлекаются данные аналитического каталога фольклорно-мифологических мотивов Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина [Березкин, Дувакин 2023] (далее — БД).

Из собственно вьетнамских сказочных повествований выбраны три текста — «Человек, круглый, как кокосовый орех» [Сказки и легенды Вьетнама 1958: 112—125] (тип «Круглый ребёнок»), «Волшебная черепаха» [Сказки народов Востока 1962: 81—86] и «Маленький Черепашка» [Сказки и предания Вьетнама 2021: 69—74] (тип «Ребёнок в облике животного»). Ключевые характеристики героев, сюжетные ходы и мотивы сравниваемых сказок обоих типов у разных народов представлены в сводных таблицах (табл. 1, 2).

Тип «Ребёнок в облике животного»

Как и сказки типа «Круглый ребёнок» (см. ниже), вьетнамские повествования о ребенке в облике маленького презираемого животного представляют собой вариации широко распространенного у народов Европы и Азии сюжета о чудесном сыне бездетных родителей, который обладает волшебной силой, проходит испытания и женится на дочери правителя, помещика, богача, реже — родственников (АaTh 425, 425А; БД К76). По ночам или при особых обстоятельствах герой превращается в прекрасного юношу. Затем жена (иногда ее родственники, соседи) уничтожает или портит его звериную шкуру (панцирь, кожу), после чего он либо окончательно приобретает человеческий облик, либо исчезает.

Структурно важные элементы сказок интересующих нас типов можно представить в виде схемы-последовательности:

первый ход: чудесное зачатие и рождение героя → первая группа испытаний (инициация) → сватовство → вторая группа испытаний (обычно поиск брачных даров) → окончательное превращение в человека → свадьба;

второй ход: смерть героя и/или героини → поиск (ожидание) → воссоединение.

Как отмечает Б.Л. Рифтин, подобные сказки распространены в Юго-Восточном и Северо-Западном Китае, встречаются они и в Тибете, в Японии, Корее, у многих народов Юго-Восточной Азии [Дунганские сказки 2018: 184].

У народа ли, населяющего остров Хайнань и юг материкового Китая [Глаза дракона 1959: 95—97], у дунган [Дунганские народные сказки 2013: 65—71], монголов [Тодаева 1973: 216—230], тибетцев [Глаза дракона 1959: 84—94] герой рождается в облике лягушки; в эпосе алтайских тюрков — в облике бобра [Когутэй 1935]; у корейцев — в облике змея [Шкуркин 1941: 127—134]; у японцев — в облике обезьяны (которая хорошо умеет плавать), кабана, угря, каппы¹, лягушки, змея, улитки, слизня [Yanagita: 14—17]; у индонезийцев — в облике змея, варана, обезьяны [Парникель 1994: 151]; у батаков известен также «женский вариант» данного сюжета о дочери-ящерице [Волшебный жезл 1972: 94—106]. Как видно, чаще всего животная форма чудесного ребенка тесно связана с водной стихией, а если точнее — говорит о возможности находиться и в воде, и на суше.

В двух наиболее популярных сказках вьетов из этого сказочного цикла чудесный сын рождается в теле черепахи. Этот образ в рамках традиционной вьетнамской культуры многогранен и связывается как с благими предзнаменованиями, так и с силами, враждебными человеку.

Черепаша издревле почиталась вьетнамцами как одно из четырех священных животных (*вьет. tú linh / tú thánh thú*) наряду с драконом, цилинем и фениксом. Золотая черепаха Ким Куи связана с идеей государственности и борьбы с иноземными захватчиками, она покровительствует строительству дамб и укреплений, хранит чудесный меч, с помощью которого возможно победить китайцев [Мифы и предания Вьетнама 2000: 15; 135—138].

Согласно китайской концепции пяти элементов *у-син*, воспринятой вьетнамцами, черепаха соотносится с северным направлением, водой и зимним сезоном. Черепаха почитается вьетнамцами как символ мудрости и конфуцианского учения и ассоциируется с образом териоморфного постаменты, на спину которого водружаются стелы с именами лауреатов государственных экзаменов. Однако традиция устанавливать стелы (и вообще тяжести, которые призваны увековечить что-либо) на спинах черепах, очевидно, имеет куда более глубокие корни и связана не столько с постижением мудрости и важными текстами, сколько с концепцией долголетия и космогоническими представлениями о животном, держащем на себе острова, горы или весь мир [Духовная культура Вьетнама: 260, 264—267].

Во вьетнамской фольклорной традиции описаны и вредоносные черепахи, с которыми сражаются богатыри и прославленные воины [Там же: 199, 201].

В сказочных повествованиях «Волшебная черепаха» и «Маленький Черепашка» герой описывается как маленькое, некрасивое, с виду слабое существо. В то же время в ряде сказок этого цикла другие персонажи относятся к чудесному

¹ Японский водяной, внешний облик которого обычно представляется как нечто среднее между лягушкой и черепахой.

ребёнку с опаской, особенно поначалу, боясь воздействия недобрых духов. В одном из тибетских сюжетов старик принимает героя-лягушонка за злого оборотня [Игра Веталы с человеком 1969: 99]; в корейской сказке отец ребёнка-змея сам является оборотнем [Шкуркин 1941: 133—134]. В подобных эпизодах выражается специфическое восприятие образов рептилий и земноводных в культуре дальневосточных народов.

Для сказок данного типа характерны мотивы чудесного зачатия (табл. 1) — чаще всего от выпитой воды (ThMot T512.3) или съеденного плода (ThMot T511.1; БД K93b2). В несколько измененном виде этот мотив обозначен в повествовании «Волшебная черепаха» — безмужняя женщина зачинает ребёнка от случайно проглоченной золотой пуговицы. В сказке «Маленький Черепашка» эпизод с зачатием полностью опущен, зато обращает на себя внимание мотив рождения героя из ноги (ThMot T551.12; БД F2), также типичный для данного сказочного цикла. У хмонгов Западного Китая повествование начинается с того, что у бездетной жены вспухло колено и из него выкатилось яйцо, а из яйца вылупилась вонючая жаба [Graham 1954: 180—181]. У хмонгов Вьетнама известна сказка о сыне-лягушонке, который выпрыгнул из распухшего пальца ноги [Чудесный посох 1990: 125—128].

Таблица 1. Ключевые характеристики героев, сюжетные ходы и мотивы сказок типа «Ребенок в облике животного» у разных народов

Народ, название сказки	Зачатие/рождение героя	Облик героя	Первая группа испытаний	Вторая группа испытаний	Эпизод с привязыванием мелкого предмета
<i>Вьеты I</i> «Волшебная черепаха»	Безмужняя девица зачала от проглоченной золотой пуговицы	Черепаха	Пасти буйволов	Добыть свадебный выкуп: лошадь с девятью гривами; петуха с девятью шпорами; 12 бамбуковых стволов, наполненных жиром кузнечиков	—
<i>Вьеты II</i> «Маленький Черепашка»	Вышел из распухшего колена бездетной старухи	Маленькая черепаха	Построить дворец для государя	Добыть свадебный выкуп: три бочки свинины, три чана вина, выстлать путь от дома жениха до дворца разноцветной тканью	Герой просит привязать к его спине нож
<i>Хмонги (Вьетнам)</i> «Государь лягушка»	Вышел из распухшего пальца на ноге бездетной старухи	Лягушонок	Добывает хвост, работает на пашне	Свадебные испытания: притащить толстое бревно, каменную скалу; испытания после женитьбы: противостоять стражникам государя	Сам сидит верхом на топоре

Окончание табл. 1

Народ, название сказки	Зачатие/рождение героя	Облик героя	Первая группа испытаний	Вторая группа испытаний	Эпизод с привязыванием мелкого предмета
<i>Дунгане</i> «Лягушонок»	Увязался за бездетным стариком, сам пришел в дом	Лягушонок с глазами, горящими как красные огоньки	Купить мясо в лавке	Свадебные испытания: построить золотой мост от дома жениха до дворца государя, по бокам насадить ивы, на которых плоды — жемчуг и агаты (не исполнено); построить заново разрушенный дворец	Герой просит завязать деньги в платок, платок повесить ему на шею
<i>Ли</i> «Как вождь племени ли превратился в лягушку»	Бездетная старуха попросила ребёнка у бога лесов, забеременела и родила спустя 18 месяцев	Большой лягушонок	—	Разбить вражеское войско	—
<i>Тибетцы</i> «Лягушонок-наездник»	Бездетные старик со старухой молились духу гор и рек, старуха забеременела и через 7 месяцев родила	Лупоглазый лягушонок	Помогает родителям по хозяйству	Свадебные испытания: герой показывает свою силу (смеется, плачет, танцует); испытания после женитьбы: превращается в юношу, участвует в скачках (не выполнено до конца)	Герой просит мать испечь булочку, положить в мешочек и дать ему
<i>Корейцы</i> «Ын-куре. Серебряный змей»	Муж и жена долго не могут обзавестись детьми, наконец жена беременеет и рождает	Толстый змей, покрытый золотой и серебряной чешуей	—	Свадебные испытания: соблюдает все обычаи сватовства; испытания после женитьбы: собственно превращение в человека	Герой несет в зубах сверток со свадебными подарками (деревянный гусь и ящичек с рисом)
<i>Японцы</i> (префектура Кумамото) «Сын-змей»	Бездетные супруги нашли в полях змея, стали растить как сына	Длинный и толстый змей	Терпит изгнание, роет пруд	Спасает тонущую девушку	—

Первые испытания героя сказок обоих сюжетных типов несут функцию инициации. Чудесный ребенок берется за трудную работу и обещает родителям скорое благоденствие. В сказках типа «Ребёнок в облике животного» особый инте-

рес представляет эпизод с привязыванием предмета к спине или шее героя. В дунганской сказке лягушонок, собираясь в лавку, просит завязать деньги в платок и этот узелок повесить ему на шею [Дунганские народные сказки 2013: 66]. В монгорском варианте лягушонок несет на шее горшок с питьем для старика, который работает на поле [Тогаева 1973: 222]. В сказке «Маленький черепашка» герой отправляется на строительство императорского дворца вместо своих пожилых родителей и просит привязать к его спине нож. По-видимому, через передаваемые от земных родителей предметы подчеркивается готовность героя к взрослой человеческой работе.

В обоих типах повествований о чудесном ребёнке почти всегда встречаются упоминания о кормлении героя. Либо говорится о том, что он очень много или наоборот мало ест («Маленький Черепашка»), либо включается эпизод с отправлением дочери к герою с обедом для него («Волшебная черепаха»). Семантика этого мотива, по-видимому, связана с ритуальным кормлением духов и других нечеловеческих агентов в рамках традиций культа предков.

Второй блок испытаний следует вскоре за сватовством (ThMot T121). Герой отправляет мать к отцу девушки с просьбой устроить его помолвку, после чего получает наказ выполнить еще более трудную работу и/или отыскать небывалые свадебные дары. Примечательно, что в сказке «Волшебная черепаха» государь требует выстлать путь от дома жениха до дворца тканью. Это задание — ослабленный мотив строительства чудесного моста (ThMot H1131), изначально соединявшего земное и водное царства (шире — мир небожителей и мир людей). Как указывает Б.Л. Рифтин, этот мотив соединения двух противопоставляемых миров встречается уже в сборнике «Мелкие рассказы» И Иня (*сяошо* I—VI в.). Среди этих рассказов есть история о том, как император Цинь Шихуан встретился с царем драконов на небывалом мосту, построенном в море [Дунганские сказки 2018: 186].

В ряде известных сюжетов герою в случае нарушения обещания отцом невесты приходится доказывать свои права на брак и другими способами (БД K76H). В дунганской, тибетской, монгорской сказках лягушонок устраивает наводнение, бурю, ливень и т. д. Во вьетнамской сказке «Волшебная черепаха» эта связь героя с водной стихией тоже прослеживается, но в измененном виде. В ночь накануне свадьбы случается страшная гроза, а поутру мать черепахи находит все необходимое для выкупа.

Превращение «низкого» героя в прекрасного юношу (ThMot D712) в подобных повествованиях происходит обычно по ночам, однако в Юго-Восточной Азии распространены сюжеты, где трансформация происходит во время работы, тайных встреч с возлюбленной. В некоторых сказках дунган, монголов, тибетцев, хмонгов Китая герой превращается в человека перед походом на празднество или представление, такой вариант мы находим и у вьетнамцев («Маленький Черепашка»). Уничтожение или порча звериной «одежды» обычно происходит из-за того, что ее находит жена героя, вернувшись домой раньше времени. Далее концовка имеет два варианта — либо герой навсегда остается в человеческом облике, либо вновь обретает свою чудесную «одежду» и безвозвратно исчезает из мира людей (похоже, более поздние вариации).

Как и сказка народа ли о герое-лягушке (видимо, один из наиболее архаических и полных вариантов данного типа повествований), вьетнамская сказка «Маленький Черепашка» оканчивается наказанием государя за многократно нарушенное обещание. Государь в шутку ложится в черепаший панцирь своего зятя и сам превращается в черепаху. Герой же остается человеком и счастливо живет со своей женой в мире людей. В целом «Маленький Черепашка» по ряду мотивов и ключевых эпизодов близок вариантам сказок хмонгов Вьетнама и народа ли. Сказка изобилует деталями, характерными для образа жизни и хозяйствования в горных районах Северного Вьетнама. В частности, упоминаются весенние игры юношей и девушек в горах, возделывание горных полей, заплечная корзина *куай тау* и т. д. По-видимому, данный вариант повествования был заимствован вьетнамцами у народов, населяющих пограничные с Китаем провинции, вероятнее всего, у хмонгов.

В сказке «Волшебная черепаха» мотив избавления от животного облика несколько видоизменен. Завистницы смертельно ранят героя, и тот, умирая, оставляет жене свою окровавленную рубашку (не панцирь), чтобы они смогли встретиться на Небе. Далее следует второй ход сказки, включающий инициацию героини.

Тип «Круглый ребёнок»

Во Вьетнаме сказки о круглом ребёнке распространены в основном у тямских, бахнарских и тайских народов, сюжет о сыне-тыкве записан также у хмонгов. За пределами Вьетнама сказки о ребёнке в облике круглого фитоморфного существа (кокос, камень, тыква) встречаются у народов Индонезии.

В сказках данного типа мотив чудесного зачатия нередко содержит прямое указание на то, что волшебный ребёнок является посланцем из загробного мира — предком, вернувшимся в мир живых. Так, в сказке народа тхай «Парень-Мешок» [Сказки народов Вьетнама 1970: 343—346] вдова забеременела после того, как уснула на могиле мужа. Во вьетнамской сказке «Человек, круглый, как кокосовый орех» женщина выпила воды из черепа, найденного в лесу. В тямской сказке о царском зяте Кокосовом Орехе [Там же: 138—155] девушка набрела в джунглях на источник, бьющий из-под земли, напилась воды и искупалась в озере, образовавшемся между скал. Вода и камень в пространстве тямских верований представляют собой божественные начала, связанные с идеей плодородия [Парникель 1994: 149]. В данном контексте эпизод с питьем воды из подземного источника и зарождение новой жизни посредством этого могут быть интерпретированы как союз человека и божественных сил, в результате которого рождается чудесный ребёнок — основатель новой династии в тямской мифологической картине мира.

В сказках типа «Круглый ребёнок» особое внимание обращает на себя странный, отгалкивающий облик героя. Ребёнок в теле «низкого» животного также вызывает у прочих персонажей удивление и неприязнь, но в данном случае важ-

но несколько иное — речь идет о существе, которое ассоциируется с чем-то, что в привычном смысле не относится к категории живого/одушевленного, но способно служить вместилищем неких благ. Наиболее популярные варианты сказочных сюжетов рассказывают о тыкке (и других бахчевых), кокосе, камне, черепе (голове), мешке, котелке (табл. 2).

Таблица 2. Ключевые характеристики героев, сюжетные ходы и мотивы сказок типа «Круглый ребёнок» у разных народов

Народ, название сказки	Зачатие/рождение героя	Облик героя	Первая группа испытаний	Вторая группа испытаний	Помощники
<i>Вьетны</i> «Человек, круглый, как кокосовый орех»	Бездетная жена выпила воды из черепа, найденного в лесу	Круглый кусок мяса, поросший волосами (есть глаза, нос, рот, уши; нет рук и ног)	Пасти коз	Добыть свадебный выкуп: найти вазу из литого золота, 10 кусков шелка, затканного серебром и жемчугом, 10 свиней, 10 коз, 10 кувшинов вина; построить чудесный дом	10 юношей и девушек
<i>Тямь</i> «Царский зять Кокосовый Орех»	Безмужняя девица выпила воды из подземного источника и искупалась в нем	Круглый, как орех, без рук и ног	Пасти коз	Пасти буйволов, починить плетень	Люди и животные
<i>Седанги</i> «Юноша Тыква»	—	Похож на тыкву	Сторожить урожай риса	Разбить поле	Множество юношей
<i>Стиенги</i> «Юноша Котелок»	Жена съела плод смородины	Черный, как дно котелка	Дает богатство семье	Кормит всю деревню	—
<i>Тхаи</i> «Парень-Мешок»	Вдова уснула на могиле мужа; тот является женщине во сне и обещает сына	Мешок	Распахать и возделывать поля	Бьют палками, варят в кипятке	3333 юноши
<i>Хмонги (Вьетнам)</i> «Сынок Тыква»	Сын приемный; с тыквой обращались, как с сыном и она ожила	Тыква	—	Натаскать воды, принести бревна	—
<i>Минахасцы</i> «Капиту»	—	Маленькая голова, длинная шея, большой зад, похож на тыкву	Помогает семье	Свадебные испытания: построить дом; испытания после женитьбы: найти жену, пострадавшую от козней сестер	—

В тямской сказке герой является в облике кокоса, что продолжает мотив соединения мифологической природы и культуры. Ребёнок-кокос является сыном человека и кокосовой пальмы, ценнейшего растения региона. В этиологических мифах многих народов Индокитая и Южной Азии кокосовый орех отождествляется с головой — из головы (череп) человека вырастает первая кокосовая пальма (БД G21).

Семантика образа тыквы и вообще бахчевых культур связана с концепцией сосуда, в котором помещаются благие дары; множество семечек в тыквине символизируют богатое потомство. В сказках типа «Круглый ребёнок» эта идея изобилия реализуется в эпизодах с испытаниями: тело героя раскалывается и оттуда выходит не только прекрасный юноша, обладающий многими талантами, но и множество его помощников.

Частотность вариантов сказки о тыкве, скорее всего, указывает на связь этих повествований с мифом о происхождении предков людей в процессе создания мира или после мировой катастрофы, известном у народов Тибета, Северной Индии, Бирмы, Вьетнама, лоло, лису, хмонгов, ли и др (БД E38B). В таких мифологических повествованиях тыква рождается у женщины, либо же ее находят, выращивают; из созревшей бахчи выходят семечки-люди, иногда — животные. У китайцев также известны сюжеты с тыквой и прародителями людей (БД E38B, Ганьсу, Гуандун, Чжэцзян, Хунань, Сычуань), но заметно трансформированные — как правило, в них включены эпизоды с лепкой людей из глины. Вероятно, миф о тыкве пришел в Юго-Восточную Азию из Индии и прочнее всего закрепился у народов «индианизированной» культуры.

Отметим, что не только бахча, но и кокос-голова-череп в народном мышлении могут рассматриваться в качестве сосуда. Здесь нелишним будет вспомнить варианты русского сказочного сюжета под условным названием «Теремок», где собственно дом-теремок варьируется с горшком, рукавицей и... лошадиным черепом [Русские народные сказки 1913: 117—119].

В ряде повествований народов Центрального Вьетнама некоторые ключевые эпизоды опущены, мотивы ослаблены. Например, в сказке стиенгов [Сказки народов Вьетнама 1970: 260—262] герой похож на котелок (вновь идея вместилища благ) лишь тем, что у него черная кожа — традиционно нежелательное для народов Азии качество внешности.

Тямский вариант данного сюжета (наиболее структурно полный из рассматриваемых нами у народов Вьетнама) содержит большое количество мифологических мотивов, характерных для культуры малайско-индонезийского мира. Особый интерес представляет второй ход сказки, включающий инициацию героини. Царевна, жена героя-кокоса, тонет в море и перерождается в раковине, которую затем волнами выносит на сушу (БД K33). Женщину берут под свою опеку бездетные старики, после чего она возвращается к мужу. После смерти царя-отца счастливые супруги правят страной. Как отмечает Б.Б. Парникель, этот эпизод перекликается с тямским мифом о богине По Нагар, которая тесно связана с водной стихией [Парникель 1994: 150—151].

Вьетнамский текст чрезвычайно близок тямскому варианту несмотря на то, что некоторые его эпизоды и детали претерпели изменения. В частности,

во вьетнамской сказке герой-кокос постигает конфуцианское учение и успешно сдает государственные экзамены (очевидно, позднее включение); тямский царь превратился в алчного богача, на первый план выступила тема социальных противоречий между жителями деревни. Вьетнамская версия сохраняет значимые элементы тямского текста — это также двухходовая сказка, где второй ход описывает смерть героини через утопление и ее перерождение (Ath 450 IV; БД К32). Эпизод с утоплением героини и/или ее превращением в «низкое» животное, проглатыванием морским чудовищем (путешествие в нижний мир) и возвращением на сушу (в верхний мир) является структурно важным для целого ряда повествований, которые не подверглись значительной редукции: у зярай [Dournes 1977: 108—109], срэ [Там же: 113—114], шанов [Griggs 2015: 87—98], лао [Серебряный ключ 1963: 21—26], таи Вьетнама [Degeorge 1925, № 18: 502—505]), кхму [Чудесный посох 1990: 207—210]). Встречается он и во вьетнамском фольклоре. В сказке «Там и Кам» [Сказки и предания Вьетнама 2021: 89—99] добрая Там тонет в пруду и последовательно перерождается в облике птицы (БД К32С), дерева, ткацкого стана и плода хурмы, из которого затем выходит в облике прекрасной девушки¹. Очевидно, смерть в воде — стихии, которая ассоциируется с женским началом, — играет ключевую роль в эпизодах инициации героини.

В редуцированном виде эпизод с инициацией героини встречается в сказке минахасцев, населяющих северо-восточную часть о. Сулавеси [Волшебный жезл 1972: 91—94], — женщина срывается с качелей, которые раскачивают завистливые сестры, и падает, но не в воду, а на далекий остров. Смерть из-за качания на качелях присутствует также в повествовании народа зярай [Dournes 1977: 108—109] о чудесном супруге-змее, а также во вьетнамском повествовании «Заколдованный муж» [Сказки народов Востока 1962: 74—78], что, скорее всего, является заимствованием от тямских народов.

Выводы

В сказках обоих типов качества чудесного ребёнка указывают на его связь со стихией суши и воды, мира людей и мира божеств, при этом в повествованиях о герое в теле животного на первый план выходят его умения и характеристики, связанные с водой. Предположительно, сказки о териоморфном герое представляют собой позднюю версию мифа о тотемном предке или почитаемом животном, облик которого занимает одно из важнейших мест в картине мира того или иного народа; образ его амбивалентен, а реакции на него в рамках нарратива сохраняют отголоски априорного страха перед божественным. В сюжетах типа «Круглый ребёнок» хорошо прослеживается семантическая связь облика героя с неким вместилищем благ, которое является плодом союза высших сил и челове-

¹ Обилие сюжетов с многократным перерождением утопленницы (особенно в волшебное дерево или деревья) у народов, говорящих на тай-кадайских языках, может указывать на заимствованный характер этого сюжетного элемента в сказке вьетов «Там и Кам».

ка. В наиболее полных версиях угадывается история о чудесном происхождении нового монарха и его супруге.

На данном этапе изученности вопроса можно сделать предположение, что герой-рептилия/земноводное в таких повествованиях более характерен для фольклора народов Восточной Азии, тогда как герой в облике круглого предмета чаще встречается у народов Индокитая и Нусантары, что, вероятно, объясняется индийским влиянием.

Сказка «Маленький Черепашка» близка вариантам повествований хмонгов и ли, в ней присутствуют весьма архаичные мифологические мотивы. «Волшебная черепаха», напротив, содержит больше элементов, характерных для фольклора вьетнамцев, и видимо, является более поздней версией сюжета. Сказка «Человек, круглый, как кокосовый орех» представляет собой заимствованную и трансформированную версию тямского предания.

Дата поступления статьи: 20.12.2023

Received: December 20, 2023

Дата поступления в переработанном виде: 28.02.2024

Received in revised form: February 28, 2024

Принята к печати: 10.03.2024

Accepted: March 10, 2024

Список литературы

Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог. Ruthenia. URL:<https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 21.12.2023).

Волшебный жезл. Сказки народов Индонезии и Малайзии / пер. с индонез., малайск., англ., нем. и гол.; сост. и предисл. В. Брагинского. М.: Художественная литература, 1972. 214 с.

Глаза дракона. Легенды и сказки народов Китая / пер. с кит., примеч. Лин Лин и П. Устина. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 428 с.

Дунганские народные сказки и предания / Запись текстов и пер. Б.Л. Рифтина, М.А. Хасанова, И.И. Юсупова. М.: Наука — Восточная литература, 2013. 469 с.

Дунганские сказки и предания / пер. Б.Л. Рифтина. М.: Наука — Восточная литература, 2018. 335 с.

Игра Веталы с человеком (тибетские народные сказки) / пер. с тибет., предисл., примеч. Ю. Парфионовича. М.: Наука, 1969. 144 с.

Кнорозова Е.Ю. Духовная культура Вьетнама. Традиционные религиозно-мифологические воззрения вьетнамцев. СПб.: БАН, 2020. 506 с.

Когутэй: алтайский эпос / сказитель М. Ютканаков; пер. Г. Токмашова; ред. В. Зазубрина; коммент. Н. Дмитриева. М.; Л.: Academia, 1935. 201 с.

Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Академия Исследований Культуры. Традиция, 2005. 240 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, 2018. 480 с.

Мифы и предания Вьетнама / предисл., пер. с вьет. и ханваня, коммент. Е.Ю. Кнорозовой. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000— 201 с.

Парникель Б.Б. Чамское предание о кокосовом орехе: миф или сказка? // Языки и лит. Дал. Востока и Юго-Вост. Азии: материалы конф., Санкт-Петербург, 18—20 янв., 1994 г. СПб., 1994. С. 148—153.

Пропн В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Русский героический эпос. СПб.: Азбука, 2021. 256 с.

Русские народные сказки А.Н. Афанасьева: в 5 т. / под ред. А.Е. Грузинского. Изд. 4-е. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1913. Т. 1. 226 с.

Серебряный ключ. Тайские сказки / пер. и примеч. В.И. Корнева. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 231 с.

Сказки и легенды Вьетнама / пер. с вьет. В. Карпова и М. Ткачева. М.: Гослитиздат, 1958. 359 с.

Сказки и предания Вьетнама / пер. с вьет. Ю.Д. Минаиной, Е.В. Лютик, А.М. Харитоновой; сост. Ю.Д. Минаина. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021. 295 с.

Сказки народов Востока / коммент. Ю.М. Осипова, Т.М. Холмовского. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 415 с.

Сказки народов Вьетнама / пер. с вьет. Н.И. Никулина, И.С. Быстрова, И.И. Глебовой; сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Никулина. М.: Наука — Главная редакция восточной литературы, 1970. 391 с.

Тодаева Б.Х. Монгольский язык. М.: Наука, 1973. 391 с.

Чудесный посох. Сказки народов Вьетнама / сост., предисл., пер. с вьет. Н. Никулина. М.: Художественная литература, 1990. 382 с.

Шкуркин В.П. Корейские сказки. Шанхай: Тип. изд-ва «Слово», 1941. 253 с.

Degeorge J.B. Légendes Des Tay, Annam (Suite) [Легенды таев Аннама (Продолжение)] // *Anthropos*. 1925. Vol. 20. № 3/4. P. 496—515. (На франц. яз.)

Dournes J. Un amour de serpent. Analyse de contes à travers quatre ethnies indochinoises [Змеиная любовь. Анализ сказок четырех этнических групп Индокитая] // *Cahiers de Littérature Orale 2* [Записки об устной словесности]. 1977. P. 103—164. (На франц. яз.)

Eberhard W. Typen Chinesischer Volksmärchen [Типы китайских народных сказок]. Helsinki: *Suomalainen Tiedekatemia, Academia Scientiarum Fennica*, 1937. 437 s. (FF Communications. No. 120). (На нем. яз.)

Graham D.C. Songs and Stories of the Ch'uan Miao. Washington D.C.: Smithsonian Institution, 1954. 336 p. (Smithsonian Miscellaneous Collections. Vol. 142. No. 1).

Ikeda Hiroko. A Type and Motif Index of Japanese Folk-literature. Helsinki: *Suomalainen Tiedekatemia, Academia Scientiarum Fennica*, 1971. 375 p. (FF Communications. No. 209).

Nguyễn Đông Chi. Kho tàng truyện cổ tích Việt Nam [Сокровищница вьетнамских сказок]. Quyển 1. Tập 1. Hà Nội: NXB Giáo dục, 2000. 1025 tr. (На вьет. яз.)

Shan Folklore Stories from the Hill and Water Country of Burma / Comp. by William C. Griggs. — London: Abela Publishing, 2015. 158 p.

The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen / Transl. and enlarged by St. Thompson. 2nd rev. Helsinki: *Suomalainen Tiedekatemia, Academia Scientiarum Fennica*, 1961. 588 p. (FF Communications. No. 3).

Thompson St. Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Revised and enlarged edition. Bloomington: Indiana University Press, 1955—1958. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/thompson/> (дата обращения 11.12.2023).

Yanagita Kunio. The Yanagita Kunio guide to the Japanese folk tale / Ed. and transl. by Fanny H. Mayer. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 365 p.

References

- Berezkin, Yu.E., Duvakin, E.N. (2023). *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam: analiticheskii katalog* [Electronic Analytical Catalogue of Folklore-Mythological Motifs: Thematic Classification and Areal Distribution]. Ruthenia. Retrieved on 21.12.2023 from URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/>. (In Russian)
- Chudesnyi posokh. Skazki narodov V'etnama [The Magic Crook. Folk Tales of Vietnam's Peoples] (1990). Comp., introduction and transl. from Vietnamese by N. Nikulin. M.: Khudozhestvennaya literatura. 382 s. (In Russian)
- Degeorge, J.B. (1925). *Légendes Des Tay, Annam (Suite)* [Tay Legends, Annam (Sequel)]. *Anthropos*, 20, (3/4): 496—515, Anthropos Institut. (In French)
- Dournes, J. (1977) *Un amour de serpent. Analyse de contes à travers quatre ethnies indochinoises* [Love of a Snake. Analysis of Narratives across Four Indochinese Ethnic Groups], in: *Cahiers de Littérature Orale 2* [Notes on Oral Literature]. P. 103—164. (In French)
- Dunganskie narodnye skazki i predaniya [Dungan folk tales and legends] (2013). Transcribed and transl. by B.L. Riftin, M.A. Khasanov, I.I. Yusupov. M.: Nauka — Vostochnaya literatura. 469 s. (In Russian)
- Dunganskie skazki i predaniya [Dungan Fairy-tales and Legends] (2018). Transl. by B.L. Riftin. M.: Nauka — Vostochnaya literatura. 335 s. (In Russian)
- Eberhard, W. *Typen Chinesischer Volksmarchen* [Types of Chinese Folk Tales] (1937). (FF Communications № 120). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, Academia Scientiarum Fennica. 437 pp. (In German)
- Glaza drakona. Legendy i skazki narodov Kitaya [Eyes of a Dragon. Legends and Tales of the Peoples of China] (1959). Transl. from Chinese and comments by Lin Lin i P. Ustin. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 428 s. (In Russian)
- Graham, D.C. (1954). *Songs and Stories of the Ch'uan Miao*. (Smithsonian Miscellaneous Collections, vol. 142, № 1). Washington D.C.: Smithsonian Institution. 336 pp.
- Igra Vetaly s chelovekom (tibetskie narodniye skazki) [Vetala's Game with a Man (Tibetan folk tales)] (1969). Transl. from Tibetan, introduction and comments by Yu. Parfionovich. M.: Nauka. 144 s. (In Russian)
- Ikeda Hiroko (1971). *A Type and Motif Index of Japanese Folk-literature* (FF Communications № 209). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, Academia Scientiarum Fennica. 375 pp.
- Knorozova, E.Yu. (2020). *Dukhovnaya kul'tura V'etnama. Traditsionnye religiozno-mifologicheskie vozreniya v'etnamtsev* [Spiritual Culture of Vietnam. Traditional Religious and Mythological Views of Vietnamese People]. Saint-Petersburg: Library of the Russian Academy of Sciences. 506 s. (In Russian)
- Kogutei (1935). Story-teller M. Yutkanakov; transl. by G. Tokmashov; ed. by V. Zazubrin; comment. by N. Dmitriev. Moscow; Leningrad: Academia. 201 s. (In Russian)
- Meletinskii, E.M. (2005). *Geroi volshebnoi skazki* [Hero of a Fairy Tale]. Moscow; Saint-Petersburg: Akademiya Issledovaniy Kul'tury, Traditsiya, 2005. 240 s. (In Russian)
- Meletinskii, E.M. (2018). *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2018. 480 s. (In Russian)
- Mify i predaniya V'etnama [Myths and Legends of Vietnam] (2000). Introduction and transl. from han van, comment. by E.Yu. Knorozova. Saint-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 201 s. (In Russian)
- Nguyễn Đông Chi (2000). *Kho tàng truyện cổ tích Việt Nam* [Nguyen Dong Chi. Treasury of Vietnamese Folk Tales]. Quyển 1, tập 1. Hà Nội: NXB Giáo dục. 1025 tr. (In Vietnamese)

Parnikel, B.B. (1994) *Chamskoe predanie o kokosovom orekhe: mif ili skazka?* [Cham Legend about the Coconut: a Myth or a Fairy Tale?] *Yazyki i lit. Dal. Vostoka i Yugo-Vost. Azii: materialy konf [Languages and Literature of the Far East: Proceedings of the Conference]*, Saint-Petersburg, 18—20 Jan., 1994. Saint-Petersburg. S. 148—153. (In Russian)

Propp, V.Ya. (2021) *Morfologiya volshebnoi skazki. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. Russkii geroideskii epos [Morphology of a Fairy Tale. The Historical Roots of a Fairy Tale. Russian Heroic Epic]*. Saint-Petersburg: Azbuka. 256 s. (In Russian)

Russkie narodnye skazki A. N. Afanas'eva: v 5 t. [Russian Folk Tales by A.N. Afanasyev in 5 Vol.] (1913). Ed. by A.E. Gruzinskii. Ed. 4th. M.: I.D. Sytin's Printing House. Vol.1. 226 s. (In Russian)

Serebryanyi klyuch. Taiskie skazki [The Silver key. Thai Fairy Tales] (1963). Transl. and comment. by V. I. Kornev. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 231 s. (In Russian)

Shan Folklore Stories from the Hill and Water Country of Burma (2015). Comp. by William C. Griggs. London: Abela Publishing. 158 pp.

Shkurkin V.P. (1941) *Koreiskie skazki [Korean Fairy Tales]*. Shanghai: Printing house of the Publishing house «Slovo». 253 s. (In Russian)

Skazki i legendy V'etnama [Folk Tales and Legends of Vietnam] (1958). Transl. from Vietnamese by V. Karpov and M. Tkachev. M.: Goslitizdat. 359 s. (In Russian)

Skazki i predaniya V'etnama [Folk Tales and Legends of Vietnam] (2021). Transl. from Vietnamese by Yu.D. Minina, E.V. Lyutik, A.M. Kharitonova; comp. by Yu. D. Minina. Moscow: HSE Publishing House. 295 s. (In Russian)

Skazki narodov V'etnama [Folk Tales of the peoples of Vietnam] (1970). Transl. from Vietnamese by N.I. Nikulin, I.S. Bystrov, I.I. Glebova. Comp., introduction and comment. by N.I. Nikulin. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 391 s. (In Russian)

Skazki narodov Vostoka [Folk Tales of the Peoples of the East] (1962). Comment. by Yu.M. Osipov and T.M. Kholmovskii. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 415 s. (In Russian)

The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen (1961). Transl. and enlarged by St. Thompson. 2nd rev. (FF Communications № 3). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, Academia Scientiarum Fennica. 588 pp.

Thompson, S. (1955—1958) *Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends*. Revised and enlarged edition. Bloomington: Indiana University Press. Retrieved on 21.12.2023 from URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/thompson/>

Todaeva, B.Kh. (1973). *Mongorskii yazyk [Monguor Language]*. M.: Nauka. 391 s. (In Russian)

Volshebnyi zhezl. Skazki narodov Indonezii i Malaizii [Magic wand. Tales of the Peoples of Indonesia and Malaysia] (1972). Transl. from Indonesian, Malaysian, English, German and Dutch. Comp. by V. Braginskii. M.: Khudozhestvennaya literatura. 214 s. (In Russian)

Yanagita Kunio (1986). *The Yanagita Kunio guide to the Japanese folk tale*. Ed. and transl. by Fanny H. Mayer. Bloomington: Indiana University Press. 365 pp.

Е.В. Никулина

Научная конференция в память о выдающемся учёном

Аннотация. Даётся обзор прошедшей в ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова Всероссийской научной конференции «Политическая культура и духовные ценности Вьетнама и других стран Индокитая», посвященной памяти видного востоковеда Оксаны Владимировны Новаковой, стоявшего у истоков отечественной вьетнамистики. В мемориальной части конференции коллеги и ученики О.В. Новаковой поделились своими воспоминаниями и раскрыли различные грани её жизни и научной деятельности. В научной части конференции были освещены те темы, которые интересовали О.В. Новакову и были отражены в её работах.

Ключевые слова: Вьетнам, О.В. Новакова, история, колониальный период, христианство в ЮВА, культурное влияние.

Автор: Никулина Елена Вадимовна, н. с., Центр изучения Вьетнама и АСЕАН, ИККА РАН. ORCID: 0000-0003-2640-6634. E-mail: elenavtn@mail.ru

Для цитирования: Никулина Е.В. Научная конференция в память о выдающемся учёном // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 125—131.

E.V. Nikulina

Scientific conference in Memory of an Outstanding Scholar

Abstract. That is the review of the All-Russian scientific conference “Political culture and spiritual values of Vietnam and other countries of Indochina” held at the IAAS of Lomonosov Moscow State, dedicated to the memory of the prominent orientalist Oksana Vladimirovna Novakova, who stood at the origins of domestic Vietnamese studies. In the memorial part of the conference, O.V. Novakova’s colleagues and students shared their memories and revealed various facets of her life and scientific work. The scientific part of the conference covered those topics that interested O.V. Novakova and were reflected in her works.

Keywords: Vietnam, O.V. Novakova, history, colonial period, Christianity in Southeast Asia, cultural influence.

Author: Nikulina Elena V., Researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, ICCA RAS. ORCID: 0000-0003-2640-6634. E-mail: elenavtn@mail.ru

For citation: Nikulina E.V. (2024) Scientific Conference in Memory of an Outstanding Scholar. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (1): 125—131.

21 февраля 2024 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ) прошла Всероссийская научная конференция «Политическая культура и духовные ценности Вьетнама и других стран Индокитая». Конференция была посвящена памяти выдающегося учёного, одного из основоположников вьетнамистики в России XX в. Оксаны Владимировны Новаковой, ушедшей из жизни летом 2023 г. 20 января 2024 г. ей исполнилось бы 85 лет.

Конференция проводилась в очно-заочном формате в Музее истории востоковедения ИСАА, в витринах которого среди работ известных востоковедов хранится немало книг, написанных и отредактированных О.В. Новаковой. Конференция получилась камерной и душевной, но содержательной в научном отношении. В её первой, мемориальной части собравшиеся коллеги, друзья и ученики Оксаны Владимировны рассказали о ней как о человеке и учёном. Из этих воспоминаний родился образ человека, влюбленного в жизнь, в науку, в студентов, во Вьетнам, смелого и внимательного исследователя, неутомимого организатора, строгого, но всегда готового помочь педагога.

С приветственным словом к собравшимся обратилась профессор Н.Н. Бектемирова, возглавляющая кафедру истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, на которой Оксана Владимировна проработала всю свою жизнь. Профессор Бектемирова рассказала о том, с каким уважением Оксана Владимировна относилась к традициям своего учителя академика А.А. Губера — основоположника изучения ЮВА в России, о большом авторитете, которым О.В. Новакова пользовалась среди своих коллег, о той поддержке, которую она всегда оказывала Н.Н. Бектемировой как заведующему кафедрой, о её большой научной работе и отношении к студентам. О.В. Новакова была ведущим российским специалистом по новой и новейшей истории Вьетнама, а также по истории католицизма в этой стране и в ЮВА. Она воспитала большую плеяду вьетнамистов, внёсших немалый вклад в изучение истории, экономики, религии, культуры Вьетнама и ставших потом коллегами Оксаны Владимировны в научной деятельности.

Один из её учеников, ведущий российский специалист по экономике Вьетнама, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН, профессор ИСАА МГУ В.М. Мазырин (рис. 1) рассказал о том, как в тяжёлый для российской науки период конца XX — начала XXI в. О.В. Новакова создала в ИСАА Центр современных исследований по Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанскому региону, который на регулярных заседаниях-чаепитиях обсуждал со своими интересными гостями самые актуальные проблемы региона. Результатом этих обсуждений становились выпуски тематических сборников статей и альманаха «Тихоокеанское обозрение». Альманах, по мнению докладчика, стал прообразом новых научных журналов, издающихся в ИКСА РАН («Вьетнамские исследования») и ИВ РАН («Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития»). К заслугам ответственного редактора альманаха отнесено умение найти в то трудное время спонсоров и издателей для него.

Особо докладчик выделил серию книг, выпущенных под редакцией О.В. Новаковой, и представивших труды целой плеяды учёных-востоковедов России из разных вузов и академических учреждений, что тогда было редким научным со-

Рис. 1. В.М. Мазырин на конференции памяти О.В. Новаковой. Фото: ИСАА МГУ.

бытием. Среди изданных центром трудов упомянуты «АСЕАН и ведущие страны АТР: проблемы и перспективы» (2002), «Политическая культура и деловая этика стран Востока» (2006), «Позиции России в АТР» (2007). «Элиты стран Востока» (2011), «Владивосток 2012: АТЭС и новые возможности России» (2011).

В этих и других трудах О.В. Новаковой написаны десятки статей, отличавшихся использованием редких материалов и вниманием к каждому слову.

Главными книгами О.В. Новаковой можно считать учебник для вузов «История Вьетнама. Т. 2» и монографию «Крест и Дракон: у истоков вьетнамской католической церкви (XVI—XVII века)». Об этой уникальной книге на конференции рассказал её ответственный редактор, ученик и коллега О.В. Новаковой П.Ю. Цветов (рис. 2).

«Эта книга — большой вклад в науку и большой человеческий вклад, который останется на земле. Оксана Владимировна в этой книге показала, почему вьетнамцы так легко приняли католическую веру, показала взаимодействие католичества с вьетнамской традицией. Эта работа писалась очень долго, а редчайшие документы, на основе которых создавалась эта книга, она собирала всю жизнь». О. В. Новакова была крупнейшим специалистом по католичеству во Вьетнаме и во всей ЮВА. В этом качестве она выступила одним из авторов нового портала Большой российской энциклопедии (bigenc.ru), подготовила обширный материал о католичестве во Вьетнаме, миссионерах и мучениках вьетнамской католической церкви, католических учёных и государственных деятелях, а также дополнила статью энциклопедии «Иезуиты» разделом «Орден

Рис. 2. П.Ю. Цветов на конференции памяти О.В. Новаковой. Фото: ИСАА МГУ.

иезуитов на Востоке». Об этом рассказала научный редактор портала, ученица Оксаны Владимировны Е.В. Гордиенко (рис. 3). Годы не могли помешать активной научной и организаторской деятельности Оксаны Владимировны. Она стала организатором ряда межвузовских конференций, посвящённых христианству в странах Южной Азии и Дальнего Востока и ответственным редактором интереснейших книг, написанных на основе выступлений на этих форумах. Эту страницу её биографии раскрыла доцент кафедры истории Южной Индии А.В. Бочковская, вместе с Оксаной Владимировной работавшая над выпуском этих изданий.

Всю свою жизнь после окончания в 1961 г. в составе вьетнамской группы только что созданного Института восточных языков МГУ им. Ломоносова О.В. Новакова посвятила преподаванию. Она была строгим наставникам, но была всегда готова прийти на помощь студентам, учила их думать и анализировать, готовила из них исследователей и ученых. «Слово об Учителе» — так назвал свои воспоминания о ней доцент кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии М.А. Сюннерберг.

Об участии О.В. Новаковой в создании самой молодой из трёх российских школ вьетнамоведения — дальневосточной — рассказал её коллега и друг, профессор Дальневосточного федерального университета А.Я. Соколовский. Лекции по истории Вьетнама, которые О.В. Новакова читала студентам Дальневосточного университета в конце 1980-х годов, многие из них помнят до сих пор. Оксана Владимировна живо интересовалась развитием этой школы, дарила университету свои книги и книги своих коллег.

Рис. 3. Е.В. Гордиенко на конференции памяти О.В. Новаковой. Фото: ИСАА МГУ.

Во второй, научной части конференции прозвучали доклады на те темы, которыми занималась Оксана Владимировна: колониальный период в странах Индокитая (формирование местных элит и политических партий, политика колониальных держав; социокультурные изменения в странах Индокитая и т. д.); христианство на Востоке; духовная жизнь Вьетнама и других стран Индокитая; поиск национальной идентичности в эпоху глобализации.

Большой интерес вызвал доклад заведующего Центром изучения ЮВА, Австралии и Океании Института востоковедения РАН профессора Д.В. Мосякова (рис. 4), посвящённый современному состоянию российско-вьетнамских отношений. Учёный считает, что в последние 30 лет в этих отношениях было утеряно 90 % того, что было наработано в советский период. Сейчас Россия не играет важной роли для Вьетнама ни в экономическом, ни в научном и образовательном, ни в культурном отношении. Вьетнам зависит от США, которые являются его главным экспортным рынком и профицит в торговле с которыми помогает покрывать дефицит в торговле с Китаем. К тому же США очень активно используют «мягкую силу». Очевидная экономическая зависимость переходит сейчас во Вьетнаме в социокультурную зависимость, создаётся слой политических активистов, интеллектуалов, националистов, выступающих за западный путь и являю-

Рис. 4. Д.В. Мосяков на конференции памяти О.В. Новаковой. Фото: ИСАА МГУ.

шихся в конечном итоге латентной оппозицией нынешней власти. Из-за опасения вторичных санкций вьетнамцы отказываются от крупных проектов с Россией. Американцы ведут курс на последовательное вытеснение России и из Вьетнама, и из всего региона. Но в условиях обострения геополитической обстановки возрастает роль России как поставщика вооружений, обеспечивающих безопасность страны и режима.

С. н. с. Института Востоковедения РАН А.А. Соколов рассказал о воздействии корейской культуры на современную вьетнамскую культуру. За последнюю четверть века южнокорейская массовая культура, более известная как «корейская волна», или халлю, стала доминировать в культурной жизни Вьетнама, прежде всего на телевидении, в популярной музыке и в кинематографе. Учёный отметил, что это влияние ощущается только на уровне массовой культуры и массового потребления и никак не влияет на духовные основы и высокую культуру (прежде всего в литературе), в отличие от китайской, французской и русской культуры.

Тему культурного влияния продолжила доцент ИСАА МГУ Т.Н. Филимонова, показав взаимодействие вьетнамских литературных традиций с европейскими на примере романа «Поместье Пу Сунлин» одного из ведущих вьетнамских поэтов и прозаиков XX в. Тхе Лы. В докладе было продемонстрировано, как традиционный рассказ об удивительном сочетается с элементами западного детектива.

Так любимой О.В. Новаковой теме христианства было посвящено два доклада. Зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока, директор Института Хо Ши Мина СПбГУ профессор В.Н. Колотов рассмотрел знаменитую книгу иезуита

Александра де Рода с «Катехизис за восемь дней» с точки зрения современных методов психологического воздействия и пришёл к выводу, что в XVII в. во Вьетнаме европейские миссионеры использовали технологии боевого гипноза для изменения традиционных духовных ценностей местного населения.

Е.В. Гордиенко поделилась впечатлениями от посещения общины вьетнамских протестантов-пятидесятников в международной церкви «Слово жизни» в Москве (Lời Sự Sống). Общину возглавляет вьетнамский пастор (помимо него, в службе участвует русский пастор, ведущий проповедь через переводчика). Вьетнамская служба в целом воспроизводит русскоязычную службу, однако вьетнамское собрание обладает собственным колоритом, подразумевает семейное участие в собрании и пении молитв. В частности, молитвенные песнопения, исполняющиеся в русскоязычной версии как рок-опера, на вьетнамском собрании звучат как современная вьетнамская поп-музыка в формате караоке. Е.В. Гордиенко предполагает дальнейший сбор материала об общине и религиоведческий анализ ее деятельности.

В конференции также приняли участие доцент ИСАА МГУ А.Е. Кириченко и руководитель Центра АСЕАН МГИМО Е.В. Колдунова, чьи доклады касались событий колониального периода в Бирме и Сиаме.

Конференция помогла должной оценке заслуг и сохранению памяти о выдающемся ученом, организаторе и педагоге Оксане Владимировне Новаковой.

Дата поступления статьи: 01.03.2024
Принята к печати: 12.03.2024

Received: March 1, 2024
Accepted: March 12, 2024

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЙ ФОРМАТ

DOI: 10.54631/V.S.2024.81-629446

В.Н. Колотов

Сложная история яркой метафоры Хо Ши Мина

Аннотация. В статье рассматриваются различные версии перевода одной из самых ярких политических метафор Хо Ши Мина про пиявку, сосущую кровь пролетариата метрополии и колоний, а также сделанные при переводе на русский язык ошибки, которые существенно искажают первоначальный смысл. В день столетия первой публикации данной метафоры в газете *La Vie Ouvrière* предлагается оставить сделанные ошибки в прошлом и, сделав «исправление имен», вернуться в изначальному смыслу знаменитой метафоры Хо Ши Мина.

Ключевые слова: Хо Ши Мин, пиявка, спрут, капитализм, трудности перевода.

Автор: Колотов Владимир Николаевич, д. и. н., профессор, зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока, директор Института Хо Ши Мина СПбГУ.
ORCID: 0000-0002-1810-4348. E-mail: v.kolotov@spbu.ru

Для цитирования: Колотов В.Н. Сложная история яркой метафоры Хо Ши Мина // *Вьетнамские исследования*. 2024. Т. 8. № 1. С. 132—137.

V.N. Kolotov

A Complex Story of a Striking Metaphor of Ho Chi Minh

Abstract. The article examines different versions of the translation of one of the most striking political metaphors of Ho Chi Minh about a leech sucking the blood of the proletariat of the metropolis and colonies, as well as errors made during translation to Russian that significantly distort the original meaning. On the centenary of the first publication of this metaphor in the newspaper *La Vie Ouvrière*, it is proposed to leave the mistakes made in the past and by “correcting the names” to return to the original meaning of the famous Ho Chi Minh metaphor.

Keywords: Ho Chi Minh, leech, octopus, capitalism, lost in translation.

Author: Vladimir N. Kolotov, D.Sc. (History), Professor, Head of The Far East History Department, Director of the Ho Chi Minh Institute, St Petersburg University.
ORCID: 0000-0002-1810-4348. E-mail: v.kolotov@spbu.ru

For citation: Kolotov V.N. (2024) A Complex Story of a Striking Metaphor of Ho Chi Minh. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (1): 132—137.

21 марта 2024 г. исполняется ровно 100 лет со дня первой публикации одной из самых ярких политических метафор Нгуен Ай Куока (в будущем получившего широкую известность под другим псевдонимом — Хо Ши Мин) во французской

Et la Solidarité ?

Hall'in-la-Rouge a brûlé Ley L'Île des Chiens

Les socialistes ont toujours été les premiers à reconnaître que la solidarité est la base de toute action sociale. Mais, hélas ! cette solidarité, qui est le lien qui unit les hommes, est souvent trahie par les intérêts particuliers. C'est ce que nous voyons dans le monde actuel, où chaque nation cherche à se défendre seule, sans tenir compte des autres. Cette attitude est contraire à l'esprit de la solidarité, qui est le fondement de la civilisation.

La solidarité est une vertu qui nous permet de vivre ensemble en harmonie. Elle est le ciment qui lie les individus et les nations. Sans elle, le monde serait un chaos. C'est pourquoi nous devons nous efforcer de la cultiver et de la défendre. Elle est le véritable remède à tous les maux de la société.

Les socialistes ont toujours été les premiers à reconnaître que la solidarité est la base de toute action sociale. Mais, hélas ! cette solidarité, qui est le lien qui unit les hommes, est souvent trahie par les intérêts particuliers. C'est ce que nous voyons dans le monde actuel, où chaque nation cherche à se défendre seule, sans tenir compte des autres. Cette attitude est contraire à l'esprit de la solidarité, qui est le fondement de la civilisation.

La solidarité est une vertu qui nous permet de vivre ensemble en harmonie. Elle est le ciment qui lie les individus et les nations. Sans elle, le monde serait un chaos. C'est pourquoi nous devons nous efforcer de la cultiver et de la défendre. Elle est le véritable remède à tous les maux de la société.

La solidarité est une vertu qui nous permet de vivre ensemble en harmonie. Elle est le ciment qui lie les individus et les nations. Sans elle, le monde serait un chaos. C'est pourquoi nous devons nous efforcer de la cultiver et de la défendre. Elle est le véritable remède à tous les maux de la société.

La solidarité est une vertu qui nous permet de vivre ensemble en harmonie. Elle est le ciment qui lie les individus et les nations. Sans elle, le monde serait un chaos. C'est pourquoi nous devons nous efforcer de la cultiver et de la défendre. Elle est le véritable remède à tous les maux de la société.

La solidarité est une vertu qui nous permet de vivre ensemble en harmonie. Elle est le ciment qui lie les individus et les nations. Sans elle, le monde serait un chaos. C'est pourquoi nous devons nous efforcer de la cultiver et de la défendre. Elle est le véritable remède à tous les maux de la société.

La solidarité est une vertu qui nous permet de vivre ensemble en harmonie. Elle est le ciment qui lie les individus et les nations. Sans elle, le monde serait un chaos. C'est pourquoi nous devons nous efforcer de la cultiver et de la défendre. Elle est le véritable remède à tous les maux de la société.

La solidarité est une vertu qui nous permet de vivre ensemble en harmonie. Elle est le ciment qui lie les individus et les nations. Sans elle, le monde serait un chaos. C'est pourquoi nous devons nous efforcer de la cultiver et de la défendre. Elle est le véritable remède à tous les maux de la société.

La solidarité est une vertu qui nous permet de vivre ensemble en harmonie. Elle est le ciment qui lie les individus et les nations. Sans elle, le monde serait un chaos. C'est pourquoi nous devons nous efforcer de la cultiver et de la défendre. Elle est le véritable remède à tous les maux de la société.

La solidarité est une vertu qui nous permet de vivre ensemble en harmonie. Elle est le ciment qui lie les individus et les nations. Sans elle, le monde serait un chaos. C'est pourquoi nous devons nous efforcer de la cultiver et de la défendre. Elle est le véritable remède à tous les maux de la société.

La solidarité est une vertu qui nous permet de vivre ensemble en harmonie. Elle est le ciment qui lie les individus et les nations. Sans elle, le monde serait un chaos. C'est pourquoi nous devons nous efforcer de la cultiver et de la défendre. Elle est le véritable remède à tous les maux de la société.

L'émancipation de la solidarité

La solidarité est une vertu qui nous permet de vivre ensemble en harmonie. Elle est le ciment qui lie les individus et les nations. Sans elle, le monde serait un chaos. C'est pourquoi nous devons nous efforcer de la cultiver et de la défendre. Elle est le véritable remède à tous les maux de la société.

La Révolution Russe et les Peuples Coloniaux

La révolution russe a été un événement majeur de l'histoire moderne. Elle a ouvert une nouvelle ère pour les peuples coloniaux, qui ont pu se libérer de l'oppression et de l'exploitation. Cette révolution a montré que le peuple a le droit de décider de son propre destin.

Le Droit Ouvrier

Le droit ouvrier est un ensemble de règles qui protègent les travailleurs contre l'exploitation et l'abus de pouvoir de l'employeur. Il est essentiel pour garantir la dignité et le bien-être des ouvriers. Ce droit doit être respecté par tous les gouvernements.

Contre l'autonomie

Contre l'autonomie, qui est une forme de sécessionisme et de désunion. L'autonomie ne peut être que le résultat d'une lutte pour la reconnaissance des droits et des intérêts d'un peuple. Elle ne doit pas servir à diviser les peuples.

ÉTATS-UNIS

La situation politique aux États-Unis est très tendue. Les tensions entre les différents groupes sociaux continuent de s'accroître. Il est urgent de trouver une solution pacifique à ces conflits.

La Vieille Sire des Femmes

La vieillesse est une étape importante de la vie humaine. Les femmes âgées méritent le respect et la reconnaissance de la société. Elles ont beaucoup contribué à la civilisation et à l'éducation des générations futures.

ÉTATS-UNIS

La situation politique aux États-Unis est très tendue. Les tensions entre les différents groupes sociaux continuent de s'accroître. Il est urgent de trouver une solution pacifique à ces conflits.

La Vieille Sire des Femmes

La vieillesse est une étape importante de la vie humaine. Les femmes âgées méritent le respect et la reconnaissance de la société. Elles ont beaucoup contribué à la civilisation et à l'éducation des générations futures.

ÉTATS-UNIS

La situation politique aux États-Unis est très tendue. Les tensions entre les différents groupes sociaux continuent de s'accroître. Il est urgent de trouver une solution pacifique à ces conflits.

La Vieille Sire des Femmes

La vieillesse est une étape importante de la vie humaine. Les femmes âgées méritent le respect et la reconnaissance de la société. Elles ont beaucoup contribué à la civilisation et à l'éducation des générations futures.

ÉTATS-UNIS

La situation politique aux États-Unis est très tendue. Les tensions entre les différents groupes sociaux continuent de s'accroître. Il est urgent de trouver une solution pacifique à ces conflits.

La Vieille Sire des Femmes

La vieillesse est une étape importante de la vie humaine. Les femmes âgées méritent le respect et la reconnaissance de la société. Elles ont beaucoup contribué à la civilisation et à l'éducation des générations futures.

Fig. 1. Номер газеты La Vie Ouvrière от 21 марта 1924 г.

Источник: URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t5562226k/f5.item> (дата обращения: 21.03.2024).

газете *La Vie Ouvrière* (Рабочая жизнь). В номере от 21 марта 1924 г. на пятой странице была опубликована заметка *La Révolution russe et les peuples coloniaux* (Русская революция и колониальные народы), которая начиналась со слов: «*Le capitalisme est une sangsue...*» [Nguyễn Ai Quoc. *La Révolution russe...* 1924: 5] (рис. 1). В данной статье с самого начала капитализм объявлялся пиявкой (*фр.* *la sangsue*, букв. кровопийца), имеющей два хоботка, при помощи которых она высасывает кровь пролетариата как метрополии, так и колоний.

Это открытое объявление войны капитализму и французскому колониализму со стороны первого представителя новой формации профессиональных вьетнамских революционеров стало действительно историческим событием. В Москве в это время уже началась подготовка будущей новой вьетнамской элиты, которая освободит страну, а во Франции было принято решение о создании религиозных сект, которые будут мешать освобождению, имитируя патриотическое движение под негласным контролем французских колониальных спецслужб.

Точный перевод этой яркой метафоры на вьетнамский язык поднимал народ на борьбу против французских колонизаторов в течение десятилетий. Эта статья переписывалась от руки, издавалась отдельными брошюрами и входила во многие собрания сочинений основателя ДРВ.

Вот данная метафора на вьетнамском языке, которая полностью соответствует изначальной версии на французском: “*Chủ nghĩa tư bản là một con đỉa có một cái vòi bám vào giai cấp vô sản ở chính quốc và một cái vòi khác bám vào giai cấp vô sản ở các thuộc địa. Nếu người ta muốn giết con vật ấy, người ta phải đồng thời cắt cả hai vòi. Nếu người ta chỉ cắt một vòi thôi, thì cái vòi kia vẫn tiếp tục hút máu của giai cấp vô sản; con vật vẫn tiếp tục sống và cái vòi bị cắt đứt lại sẽ mọc ra*” [Hồ Chí Minh. Toàn tập: 320].

При переводе на русский язык получается следующее: «Капитализм — это пиявка, присосавшаяся одним хоботком к пролетариату метрополии, а другим хоботком к пролетариату колоний. Если захотите её убить, то надо одновременно отрубить оба хоботка. Если отрубить только один хоботок этого существа, то другой всё равно продолжит сосать кровь пролетариата, существо выживет, а отрубленный хоботок отрастет вновь». Никаких затруднений грамматического, лексического или терминологического характера данный текст при переводе не вызывает. На все основные языки легко переводится и вполне однозначно воспринимается и понимается. Стилистически метафора не содержит ругательств и оскорблений, а только характерное для политической публицистики гипертрофированное описание ситуации. Сама метафора выглядит понятной и актуальной даже в наши дни, не говоря уже про середину 20-х годов XX в. От встречающегося в природе явления отличие состоит лишь в наличии двух голов у описываемого существа. Описание дано культурно, без ругательств, живо, понятно и полностью соответствует как естественному поведению пиявок в дикой природе, так и капитализма в известной политической реальности.

В природе у пиявки только одна голова и две присоски. Интересующее нас при переводе рассматриваемой цитаты строение кровососущего аппарата у пиявки выглядит следующим образом. В центре головной присоски имеется три, расположенные под углом 120 градусов (очень похоже на эмблему автомобиля Мер-

седес), челюсти, за которыми скрывается кровососущий хоботок. Прикрепляясь к жертве обеими присосками, пиявка выдвигает три челюсти, надрезает кожу и вводит в ранку хоботок, при помощи которого и сосет кровь. Млекопитающим в норме эта операция не нравится, как собственно и пиявки, которые промышляют подобным образом. Негативное отношение к пиявкам вполне логично использовать при разработке политических метафор и критике противника, вызывая к нему путём проведения подобного сравнения негативное отношение.

Согласно современным представлениям, капитализму для развития необходимо постоянное расширение за счет захвата новых рынков, и это не связано с честной конкуренцией и предполагает включение новых рынков на условиях неэквивалентного экономического обмена, т. е. эксплуатации, что в гиперболизированной метафорической форме вполне соответствует высасыванию крови посторонним существом.

100 лет спустя данная яркая метафора продолжает сохранять актуальность и в отношении современного капитализма, колониализма и неоколониализма. Статья Хо Ши Мина в переводах на вьетнамский и другие языки широко разошлась по миру и в определённом смысле стала символом вьетнамской революции.

Несмотря на широкую известность, яркость и актуальность, у данной яркой метафоры получилась довольно сложная судьба.

Нам удалось обнаружить перевод статьи «Русская революция и колониальные народы» в сборнике произведений Хо Ши Мина, вышедшем в свет в Москве в 1979 г., в следующей версии: «**Колониализм** — это **спрут**, присосавшийся одним щупальцем к пролетариату метрополии и другим — к пролетариату колонии. Для того чтобы его убить, надо отсечь оба **щупальца**. Отсечь только одно — другое будет продолжать сосать кровь пролетариата, **спрут** останется жить, и отсеченное **щупальце** вырастет вновь» [Хо Ши Мин. Избранное 1979: 218]. (Важные ошибки выделены жирным шрифтом. — В.К.).

Комментируя данную версию перевода, которая позднее десятилетиями тиражировалась в русскоязычной литературе, следует отметить, что в ней произошла замена капитализма на колониализм и пиявки на спрута, что негативно отразилось на смысле метафоры, поскольку в реальности спрут при помощи своих щупалец кровь не сосет, а просто присасывается, вернее, прикрепляется к жертве. В реальности рот у головоногого моллюска, если уж настаивать на спруте вместо пиявки, находится посередине, и при помощи присосок и щупалец он перемещает к нему пищу. Следует отметить, что при таком переводе происходит существенное искажение смысла изначальной метафоры. Причины, по которым это было сделано, нам непонятны.

Случайно перепутать капитализм и колониализм, пиявку и спрута, а также всё остальное невозможно. Вероятно, в те годы существовали какие-либо идеологические запреты или ограничения, которые нам в XXI в. неизвестны, но данный перевод в целом не соответствует оригиналу ни по форме, ни по смыслу.

Через 86 лет после первой публикации статьи и через 31 год после публикации московского сборника в Москве выходит перевод с вьетнамского языка биографии Хо Ши Мина с новой версией перевода знаменитой метафоры.

«Капитализм — это спрут, присосавшийся одним соском к рабочему классу метрополий, а другим — к пролетариату колоний. Если мы хотим уничтожить эту тварь, необходимо одновременно отрубить оба соска, а если отрубим только один, то оставшийся продолжит сосать кровь рабочего класса, а сама эта тварь будет жить, и её отрубленный сосок быстро вырастет вновь» [Хо Ши Мин. Политическая биография 2010: 36].

Комментировать данную версию перевода еще сложнее, поскольку помимо замены пиявки на спрута произошла ещё и подмена присущих спруту щупалец на соски (!), которые обычно ассоциируются с млекопитающими, к которым ни спруты, ни пиявки отношения, как известно, не имеют. Эта версия ещё дальше от оригинала не только благодаря четырём подменам [тут неведомая «тварь» ещё сосёт кровь «рабочего класса» (в оригинале «пролетариата»), тогда как использованный Хо Ши Мином термин *con vật* — нейтральный и в отличие от слова «тварь» не используется в качестве ругательства], но и предстает в виде совершенно неизвестного и сложно вообразимого монстра в виде головоногого млекопитающего с сосками, который просто рвёт шаблоны, поскольку обладает возможностью сосать кровь (у млекопитающих соски выполняют иную функцию). Остается только догадываться, к чему крепились соски у этого спрута, к голове или щупальцам и как это всё вообще могло выглядеть и функционировать? А может, это был спрут новой формации, припав к соскам которого пролетариат колонии и метрополий мог чем-нибудь напитаться? Однозначно можно заключить, что к такой метафоре Хо Ши Мин уже никакого отношения не имел!

Если суммировать в таблице основные лексические и соответственно последовавшие из них смысловые ошибки, то получается следующая картина.

Оригинальный термин	Перевод 1979 г.	Перевод 2010 г.	Правильный перевод
Chủ nghĩa tư bản	Колониализм	Капитализм	Капитализм
con đỉa	спрут	спрут	пиявка
cái vòi	щупальце	сосок	хоботок
giai cấp vô sản giai cấp vô sản giai cấp vô sản	пролетариат пролетариат пролетариат	рабочий класс пролетариат рабочий класс	пролетариат пролетариат пролетариат
con vật	спрут	тварь	существо

С четырьмя подменами терминов (пиявку на спрута, хоботков на соски, пролетариат на рабочий класс, существо на тварь) и стиля изложения изначальный смысл метафоры улетел в неведомые дали, а читатель впал в ступор от нарисованного в воображении монстра. Современному читателю непросто понять, что имел в виду Хо Ши Мин, который якобы разработал такой когнитивно-диссонансный образ, даже при условии наличия в современной виртуальной реальности самых разных гибридных чудовищ, созданных посредством компьютерной графики, но до такого ещё никто не додумался.

Представляется необходимым хоть через 100 лет восстановить справедливость и, зафиксировав наличие разных версий перевода знаменитой цитаты вы-

дающего представителя национально-освободительного движения Вьетнама, выбрать наиболее точный перевод одной из самых ярких политических метафор без искажения изначального смысла.

Ещё великий Конфуций настаивал на принципе исправления имен 正名 (zhèng míng) с целью восстановления истины и выполнения каждым своей точной социальной функции. Если какое-либо существо сосёт кровь, то это пиявка, а не спрут, тем более с сосками. Как учил Уильям Оккам «Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem» — «Не следует множить сущности сверх необходимого». Думается, и нам следует следовать этим мудрым наказам при переводе особенно важных политически значимых исторических текстов и не пытаться вкладывать новые смыслы там, где в этом нет никакой необходимости.

Дата поступления статьи: 05.03.2024
Принята к печати: 17.03.2024

Received: March 5, 2024
Accepted: March 17, 2024

Список литературы

Хо Ши Мин. Избранное / Перевод с вьетнамского, французского и ханваня; Вступительная статья К. Симонова. М.: Прогресс, 1979. 296 с.

Хо Ши Мин. Политическая биография и его наследие / под общей редакцией председателя Центрального правления Общества российско-вьетнамской дружбы В.П. Буянова. М.: Северный город-7, 2010. 180 с.

Hồ Chí Minh. Toàn tập. Tập 1. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia, 2011. (На вьет. яз.)

Nguyen Ai Quoc. La Révolution russe et les peuples coloniaux [Русская революция и колониальные народы] // *La Vie Ouvrière* [Рабочая жизнь]. 21.03.1924. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t5562226k/f5.item> (дата обращения: 21.03.2024). (На франц. яз.)

References

Ho Chi Minh (1979). *Izbrannoe*. Pervod s v'etnamskogo, francuzskogo i hanvanya; Vstupitel'naya stat'ya K. Simonova [*Favorites*. Translation from Vietnamese, French and Han Van; Introductory article by K. Simonov]. M.: Progress. 296 s.

Ho Chi Minh (2010). *Politicheskaya biografiya i ego nasledie*. Pod obshchej redakciej predsedatelya Central'nogo pravleniya Obshchestva rossijsko-v'etnamskoj družby V. P. Buyanova [*Political biography and his legacy*. Chairman of the Central Board of the Russian-Vietnamese Friendship Society V. P. Buyanov ed.]. M.: Severnyj gorod-7. 180 s.

Hồ Chí Minh (2011). Toàn tập. Tập 1 [Ho Chi Minh. Complete works. Vol. 1]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia. (In Vietnamese)

Nguyễn Ai Quoc (1924). La Révolution russe et les peuples coloniaux [Russian Revolution and colonial peoples]. *La Vie Ouvrière* [*Working life*], 21 mars. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t5562226k/f5.item> (дата обращения: 21.03.2024). (На франц. яз.)

О ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИЙ

О защите диссертации на соискание учёной степени кандидата политических наук Бутко Александра Александровича (ФГБУН «Институт Африки РАН») на тему «Влияние споров вокруг использования ресурсов реки Меконг на международные отношения в Юго-Восточной Азии»

On the defense of the thesis for the degree of candidate of political sciences by Aleksandr Aleksandrovich Butko [Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences] on the topic “The impact of disputes over the use of Mekong River resources on international relations in Southeast Asia”

Защита диссертации по специальности 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования — состоялась 21.02.2024 на заседании диссертационного совета 24.1.033.02 (Д 002.030.02) при ФГБУН «Институт Африки РАН» (рис. 1).

Работа является одной из первых попыток комплексного анализа влияния водных споров в бассейне реки Меконг на развитие не только отношений стран самого бассейна, но и международных отношений в ЮВА в целом в контексте роста американо-китайского противостояния. Изучение взаимодействия стран бассейна реки Меконг показал, что противоречия между странами приводят не к конфликту, а к поискам возможностей для сотрудничества. Все страны субрегиона прилагают усилия к совместному освоению гидроэнергетических ресурсов реки, развивают трансграничную торговлю электроэнергией. Процесс электроэнергетической интеграции сопровождается увеличением влияния Китая, занимающего сильные позиции в сфере строительства гидротехнических сооружений и являющегося одним из основных экспортеров электроэнергии в субрегионе. Возможность управления стоком воды позволяет КНР оказывать давление на страны нижнего течения реки, сельское хозяйство которых испытывает большую зависимость от водных ресурсов Меконга. Это стимулирует страны нижнего бассейна избегать конфронтации с Китаем и способствует развитию интеграционных процессов в субрегионе, а также вызывает стремление стран к поиску других партнеров для сотрудничества. Тем самым возникают новые возможности для развития отношений между Россией и материковыми странами ЮВА.

Научный руководитель: Плотников Николай Дмитриевич, д. полит. н., заведующий Центром научно-аналитической информации Института востоковедения РАН, член научного совета при Совете Безопасности РФ.

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Оппоненты:

Рогожина Наталья Григорьевна, д. полит. н., главный научный сотрудник Группы региональных политических проблем стран Востока и Юга Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН;

Колотов Владимир Николаевич, д. и. н., заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока СПбГУ, директор Института Хо Ши Мина СПбГУ.

Основные публикации по теме диссертации

1. *Бутко А.А.* Развитие трансграничного речного сотрудничества в субрегионе Большого Меконга // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 4. № 4 (57). С. 46—57.

2. *Бутко А.А.* Состояние и перспективы развития споров вокруг использования ресурсов реки Меконг // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 2. С. 93—104.

3. *Бутко А.А.* Политика Лаоса, Таиланда, Камбоджи и Вьетнама в отношении проблемы Меконга // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 1. № 1 (58). С. 45—57.

Рис. 1. А.А. Бутко на защите диссертации в Институте Африки РАН.
Фото: Институт Африки.

О защите диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук Нгуен Ань Фыонгом (ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II») на тему «Обеспечение устойчивого развития топливно-энергетического комплекса Социалистической Республики Вьетнам»

On the defense of the thesis for the degree of candidate of economic sciences by Nguyen Anh Phuong [The Saint Petersburg Mining University] on the topic “Ensuring sustainable development of the fuel and energy complex of the Socialist Republic of Vietnam”

Защита диссертации по специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика — состоялась 12.02.2024 на заседании диссертационного совета ГУ.1 при ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II» (рис. 2).

Актуальность диссертации вызвана тем, что сложившаяся ситуация в топливно-энергетическом комплексе СРВ не отвечает в полной мере критериям устойчивости и формирует перед отраслью долгосрочные вызовы. Энергобаланс Вьетнама более чем наполовину основывается на угле и слабо диверсифицирован, что требует системных реформ по укреплению энергетической безопасности. Собственные запасы топливно-энергетических ресурсов и потенциал энергообеспечения Вьетнама сокращаются на фоне роста спроса на энергию в стране. Диссертант рекомендует проработать долгосрочные меры не только в области диверсификации энергетического баланса страны, но и в части обеспечения энергетической самодостаточности и независимости от импорта ТЭР в долгосрочной перспективе.

В диссертации предложено теоретическое обоснование и выработан методический подход, который позволит выполнить индикативную количественную оценку устойчивого развития топливно-энергетического комплекса СРВ в рассматриваемый период и в долгосрочной перспективе. Дополнительные индикаторы устойчивого развития топливно-энергетического комплекса страны разработаны с учетом целей, обозначенных в документах государственного стратегического планирования и обеспечения энергетической безопасности страны.

Исследование может быть полезно органам власти СРВ, а также российским, вьетнамским и зарубежным компаниям, осуществляющим деятельность в области стратегического планирования устойчивого развития топливно-энергетического комплекса. Аналитические материалы исследования применимы в учебных курсах вузов и в научных разработках по соответствующей тематике.

Научный руководитель: Череповицын Алексей Евгеньевич, д. э. н., профессор, заведующий кафедрой организации и управления. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II».

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет».

Оппоненты:

Плотников Владимир Александрович, д. э. н., профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»;

Сопилко Наталья Юрьевна, д. э. н., декан экономического факультета, профессор кафедры мировой экономики ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».

Основные публикации по теме диссертации

1. *Нгуен Ань Фьонг*. Роль энергетического комплекса в обеспечении устойчивого развития экономики Социалистической Республики Вьетнам // *Инновации и инвестиции*. 2020. № 8. С. 84–86.

2. *Нгуен Ань Фьонг*. Энергетическое сотрудничество нефтегазовых компаний РФ и Вьетнама. Перспективы и вызовы / Фьонг Нгуень Ань, Г.О. Халова // *Вестник РГГУ*. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 3. С. 110–119.

3. *Нгуен Ань Фьонг*. Государственная энергетическая политика Социалистической Республики Вьетнам // *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. 2022. № 9 (213). С. 54–60.

4. *Нгуен Ань Фьонг*. Обзор развития возобновляемых источников энергии в странах-лидерах мировой экономики / Фьонг Нгуень Ань, Г.О. Халова // *Инновации и инвестиции*. 2022. № 11. С. 83–85.

5. *Нгуен Ань Фьонг*. Вызовы и возможности развития топливно-энергетического комплекса Вьетнама // *Инновации и инвестиции*. 2023. № 4. С. 309–312.

Рис. 2. Нгуен Ань Фьонг на защите диссертации в Санкт-Петербургском горном университете императрицы Екатерины II. СПбГУ.

О защите диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук Чан Тхань Тхао (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы») на тему «Ответственность за коррупционные преступления по уголовному законодательству Вьетнама»

On the defense of the thesis for the degree of candidate of legal sciences by Tran Thanh Thao [RUDN University] on the topic “Responsibility for corruption crimes under the criminal law of Vietnam”

Защита диссертации по специальности 5.1.4. — Уголовно-правовые науки — состоялась 23.01.2024 на заседании диссертационного совета ПДС 0900.006 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Коррупция сегодня является одной из самых острых проблем вьетнамского общества, влияющей на развитие страны, угрозой политической и социальной стабильности. Природа коррупции все более усложняется, способы совершения преступлений становятся все более изощренными, а масштабы коррупции — очевидными. Коррупционные дела приводят к очень серьезным последствиям, нанося ощутимый ущерб государству, негативно влияя на оценку международными организациями инвестиционной привлекательности Вьетнама. Диссертация является первым во вьетнамской уголовно-правовой науке исследованием, в котором на монографическом уровне проанализированы проблемы установления и реализации уголовной ответственности за коррупционные преступления в СРВ. Сформулированные автором научные предложения, выводы и рекомендации могут быть применены при совершенствовании норм уголовного законодательства, в практической деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, адвокатов (защитников), в следственной и судебной практике.

Научный руководитель: Чистяков Алексей Алексеевич, д. ю. н., профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Ведущая организация: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя».

Оппоненты:

Трунцевский Юрий Владимирович, д. ю. н., профессор, зав. отделом методологии противодействия коррупции ФГНИИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»;

Борков Виктор Николаевич, д. ю. н., профессор, нач. кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Основные публикации по теме диссертации

1. *Чан Тхань Тхао*. Совершенствование нормативно-правовой основы для коррупционных преступлений во Вьетнаме в тенденции международной интеграции // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 77—80.
2. *Чан Тхань Тхао*. Коррупция в частном секторе по уголовному праву Российской Федерации и опыт для Вьетнама // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10 (161). С. 295—297.
3. *Чан Тхань Тхао*. Совершенствование правовой основы для коррупционных преступлений в частном секторе во Вьетнаме // Евразийский юридический журнал. 2022. № 7 (170). С. 286—289.
4. *Tran Thanh Thao*. Provisions on Corruption Crimes in The Private Sector: International Legislation and Lessons for Vietnam // Journal of Law and Political Sciences. 2022. Vol. 4 (35). P. 317—338.
5. *Чан Тхань Тхао, Нгуен Тхи Ван Хуен*. Совершенствование положений уголовного кодекса Вьетнама о коррупционных преступлениях в частном секторе // Совершенствование законодательной и правоприменительной практики в сфере уголовно-правовых наук в современных условиях: дискуссионные вопросы. Изд-во ТулГУ, 2022. С. 263—271.

Joint Statement on the Elevation to a Comprehensive Strategic Partnership between Vietnam and Australia

Совместное заявление о повышении уровня отношений между Вьетнамом и Австралией до всеобъемлющего стратегического партнерства

Аннотация. Приводится текст Совместного заявления премьер-министра СРВ Фам Минь Тиня и премьер-министра Австралии Энтони Альбанезе о повышении уровня вьетнамо-австралийских отношений до всеобъемлющего стратегического партнерства, согласованного в Австралии 7 марта 2024 г.

1. Viet Nam and Australia have built a strong and broad relationship through mutual strategic trust and understanding since establishing diplomatic relations in 1973. The Viet Nam Australia Strategic Partnership, announced in 2018, supported the deepening of ties across all areas of the bilateral relationship. Our friendship and cooperation are underpinned by complementary economies, converging interests and deep people-to-people ties.

2. We share a common vision for an inclusive, stable, peaceful, resilient and prosperous Indo Pacific, free from coercion, where independence, sovereignty and international law are respected. We jointly determine to abide by international law, including the United Nations Charter, which underpins regional and global peace, stability and prosperity.

3. Recognising that our relationship is now stronger than ever, the Honourable Anthony Albanese MP, Prime Minister of Australia and H.E. Mr. Pham Minh Chinh, Prime Minister of the Socialist Republic of Viet Nam announced the elevation of the bilateral relationship to a Comprehensive Strategic Partnership, at their Annual Leaders' Meeting on 7 March 2024, on the occasion of the official visit to Australia by H.E. Mr. Pham Minh Chinh from 7—9 March 2024. This reflects our high level of ambition for the relationship and deepening cooperation.

4. In declaring a Comprehensive Strategic Partnership, our two Governments undertake to continue to develop all aspects of our relationship and commit to take forward our elevated partnership while respecting international law and each other's sovereignty, independence, territorial integrity and political systems.

Deepening Political, Defence Security and Justice Cooperation

5. We renew our commitment to frequent high-level engagement in all channels between the Communist Party, Government and National Assembly of Viet Nam, and the political parties, Government and Parliament of Australia; and to bilateral cooperation mechanisms, including Annual Leaders' Talks.

6. We acknowledge our close defence, security and justice ties, which contribute to peace, stability and the development of the region, including through education and training, practical exchange and peacekeeping support. We will work together to expand these programs, including elevating our peacekeeping cooperation to a Peacekeeping Partnership and the current Vice-Ministerial Security Dialogue to the Ministerial level.

7. We commit to enhancing law enforcement and intelligence cooperation through closer cooperation between Vietnamese and Australian police, maritime and border authorities, to target and disrupt transnational organised crime impacting our mutual interests, including people smuggling and human trafficking, drug-related crimes, money laundering, terrorism and its financing, cybercrime and sexual exploitation. We will strengthen our cooperation on legal and judicial matters of mutual interest.

8. We commit to broadening cooperation, including in defence industry, maritime security, information and intelligence sharing; strengthening maritime cooperation, including sustainable marine resource management and combating illegal, unreported and unregulated fishing; and enhancing cooperation in cyber-security and critical technology, including through cyber capacity building initiatives to address cyber security threats.

9. We will continue the good practice of information sharing and forecasting on strategic issues of mutual concern related to each country's national security and interests.

Enhancing Economic Engagement

10. We commit to further deepening the bilateral trade and investment relationship, enhancing economic cooperation and pursuing more open trade and investment through global and regional economic integration. We acknowledge the need to build supply chain resilience and pursue trade diversification to promote economic resilience. We reaffirm our commitment to the full and effective implementation of the Viet Nam-Australia Enhanced Economic Engagement Strategy and additional actions to implement Invested: Australia's Southeast Asia Economic Strategy to 2040.

11. We recognise the importance of high-quality investment to support shared prosperity, skills and innovation, green growth, productivity, people-to-people links, women's economic empowerment and inclusive economic growth for all people in their diversity. We will promote market access and trade facilitation measures for both countries, including in agriculture, fisheries and forestry. We confirm our commitment to enhanced labour mobility, including through access for Vietnamese citizens to work in Australia and Australian citizens to work in Viet Nam.

12. We recognise the importance of promoting a transparent business and regulatory environment, including to support investment and sustainable financing through capital markets and other mechanisms.

13. We continue to cooperate closely to advance a strong rules-based, non discriminatory, fair, inclusive, equitable and transparent multilateral trading system as

the basis for open international trade based on market principles, with the World Trade Organization (WTO) at its core. We reaffirm our commitment to strengthening and reforming the WTO, including the dispute settlement system.

14. We reaffirm our commitment to fully implementing the agreements of which both countries are members such as the ASEAN Australia New Zealand Free Trade Area (AANZFTA), the Regional Comprehensive Economic Partnership agreement (RCEP), and the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTTP). We will work together through other international mechanisms such as ASEAN-related mechanisms, Asia-Europe Meeting (ASEM), the WTO, the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) and the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF), to create a more stable, predictable, inclusive and transparent trade and investment environment and generate business confidence in our strong economic relations, while addressing new and emerging trade challenges.

15. We recognise the vital role of international standards and best practice regulatory approaches to facilitate trade, drive innovation, enhance resilience and tackle global economic, social and environmental challenges. We affirm our shared commitment to promoting the mutual understanding and uptake of international standards.

16. We commit to further strengthening our agricultural partnership by enhancing trade and investment, co-operating on shared regional challenges and promoting technical, research collaboration and capacity development initiatives that support more competitive, resilient and sustainable agriculture, fisheries and forestry sectors.

17. We acknowledge Australia's long-standing official development assistance (ODA) to Viet Nam. Australia will continue to support Viet Nam's development efforts through bilateral, sub regional and regional initiatives focused on areas that are consistent with Viet Nam's socio economic development orientation. We acknowledge the contribution that social organisations continue to make to Viet Nam's socio-economic agenda. We recognise the importance of ensuring timely and effective delivery of ODA and commit to ensuring domestic approvals processes are streamlined to meet this goal.

Building Knowledge and Connecting People

18. We recognise the pivotal role of people-to-people ties in fostering our relations and acknowledge the strengthening connections between the communities and people's organisations of both countries.

19. We recognise the strong contribution of knowledge and innovation partnerships to our relationship and the improvement of the lives of our citizens and commit to strengthening the participation and leadership of women and girls and persons in vulnerable situations in all areas of cooperation.

20. We commit to working together to support Viet Nam's human resource development and explore opportunities to increase education and training cooperation through dialogues, cooperation mechanisms and institutional linkages. We will continue to work together to enable increased cooperation and foreign investment in education in Viet Nam to enable Australian universities to open foreign branch campuses in Viet Nam.

21. We commit to working together to support skills formation, including by supporting Viet Nam to develop national policies and frameworks that encourage industry engagement and a responsive vocational education and training system. We also encourage institutional partnerships between Australian and Vietnamese vocational education institutions and Viet Nam's private sector.

22. We welcome and will look for opportunities to support increased travel and tourism between our two countries. We commit to strengthening the two-way flow of young people seeking to holiday and work in Australia and Viet Nam through the reciprocal Work and Holiday visa arrangement. We commit to continuing the two-way flow of students between Australia and Viet Nam.

23. We acknowledge the rich contribution of the Australian Vietnamese community and its role in boosting the strong people to people links, economic ties and engagement, which underpin our bilateral relationship. We will continue to facilitate the important contributions made by the Vietnamese community in Australia and the Australian community in Viet Nam to our close bilateral ties.

24. We renew our commitment to promote and protect human rights in accordance with international law and to strengthen and contribute to the work of the United Nations Human Rights Council and its mechanisms. We will continue sincere, frank and constructive conversations, including through our annual Human Rights Dialogue. We will cooperate to foster inclusive societies that embrace and provide equal opportunities and respect for the human rights of all people, without discrimination of any kind.

25. We recognise the importance of cultural collaboration in strengthening people to people links between Australia and Viet Nam and will explore opportunities to invest in cultural exchange and collaboration across all art forms and collecting institutions.

26. We commit to deepening our cooperation on civil service reform by promoting good governance and regulatory reform. In this regard, we affirm our commitment to the growth of the Viet Nam-Australia Centre as a platform to develop capacity building opportunities across the civil services of Viet Nam and its neighbours.

Strengthening Climate, Environment and Energy Cooperation

27. We acknowledge the significant impacts the climate crisis is having in our region and the importance of taking urgent and ambitious climate action to deliver on the goals of the Paris Agreement, while ensuring economic prosperity as we transition our economies to net-zero by 2050. We recognise the shared challenges Australia and Viet Nam face in responding to climate change. We affirm the importance of adopting an ambitious, cooperative and proactive approach to the challenges that lie ahead. We commit to seizing the opportunities inherent in our respective clean energy transitions to strengthen our economies and support global decarbonisation goals. We will work together to support Viet Nam's Just Energy Transition that balances economic growth and net zero goals by helping to stimulate higher levels of private sector finance and investment into Viet Nam's mitigation and adaptation efforts, developing high quality human resources and strengthening governance.

28. In support of Viet Nam's efforts to respond to the impacts of climate change, we commit to drawing on a range of Australia's resources, including ODA, trade and export finance, climate finance and our domestic expertise. We continue to explore

opportunities for cooperation on climate action, carbon markets and in the green economy.

29. We will deepen our collaboration on climate adaptation and resilience, climate resilient agriculture, biodiversity conservation, marine science for sustainable development, plastic pollution reduction and food and water security, especially in the Mekong Delta, including through the Mekong-Australia Partnership.

30. We reaffirm our commitment to a Ministerial Dialogue on Energy and Minerals and will explore opportunities to deepen cooperation on commodities, products, technologies and services associated with energy systems and carriers, power generation, mining, extractives, processing, minerals and fossil fuels, including coal, oil and gas.

Supporting Science, Technology, Innovation and Developing Digital Transformation

31. We commit to deepening strategic cooperation in science, technology (including new and critical emerging technologies), cyber and innovation. We will increase our cooperation to build capacity across science, innovation and technology for the sustainable and inclusive development of Viet Nam's national research and innovation system, including by supporting women in the fields of science, technology, engineering and mathematics.

32. We will continue to work closely to foster collaboration between Australian and Vietnamese businesses, universities and research institutions via initiatives to enhance research quality, knowledge mobility and training young and talented scientists; promoting safe and responsible technology adoption among small and medium enterprises (SMEs); and improving national innovation ecosystems and building capacity for the sustainable and inclusive development of Viet Nam's national research and innovation system.

33. We will deepen cooperation on digital transition and digital inclusion, including through a Digital Economy Memorandum of Understanding, which will identify priority areas for digital trade cooperation and include a work plan for implementation. We reaffirm our commitment to sharing experiences that support Viet Nam and Australia to enhance digital government transformation and address digital government objectives.

Reinforcing Regional and International Cooperation

34. We will continue to work closely bilaterally, trilaterally and multilaterally to extend mutual support to the institutions that underpin an open, stable and prosperous Indo-Pacific region. We commit to our shared goal of reinforcing and developing regional, sub-regional and international institutions to promote our common political, economic, and security interests and address regional and global issues of concern. We will seek to encourage all in our region to pursue dialogue as the first step to build confidence, de-escalate any tensions and take positive steps to maintain an environment that guards against conflict.

35. We recognise the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) as central to regional stability and prosperity and support ASEAN centrality and unity in the evolving regional architecture that is open, transparent, inclusive and rules-based, anchored in international law. We will deepen our cooperation in ASEAN-led mechanisms and work collaboratively to further develop the ASEAN-Australia Comprehensive Strategic Partnership in a meaningful, substantive and mutually beneficial manner. We reaffirm

our support for the ASEAN Outlook on the Indo Pacific (AOIP) and the importance of the principles set out in the AOIP in shaping a peaceful, secure and prosperous region.

36. We express our concerns on the situation in the South China Sea and reaffirm our commitment to peace, security, stability, freedom of navigation and overflight, unimpeded lawful commerce, to the respect for legal and diplomatic processes and to the settlement of disputes, including those in the South China Sea, by peaceful means without resorting to the threat or use of force, in accordance with international law, particularly the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS). We reaffirm that UNCLOS sets out the comprehensive legal framework within which all activities in the oceans and seas must be carried out. We maintain our call that the 2002 Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea (DOC) should be implemented in its entirety and that any Code of Conduct for the South China Sea should be effective and substantive, in accordance with international law, especially the 1982 UNCLOS, and should not prejudice the rights of any state under international law.

37. We acknowledge the importance of a prosperous and resilient Mekong sub region and the need for regional cooperation to address shared challenges, including climate change, energy transition, transboundary water management and food security and to ensuring regional security. We commit to continuing our longstanding cooperation to support the sub-region's integration and sustainable development, including through the Mekong-Australia Partnership and Friends of the Mekong, and supporting other Mekong-led frameworks to promote a resilient, sustainable and inclusive Mekong sub-region.

Source: URL: <https://www.pm.gov.au/media/#:~:text=Mr.,from%207%2D9%20March%202024>

И.А. Конорева

Новая книга по истории советско-вьетнамских отношений

И.Н. Селиванов Советский Союз и Вьетнам: «балканский вектор» в их отношениях при Сталине, Хрущеве и Брежнев. СПб.: Алетей, 2024. 574 с.: илл. ISBN 978-5-00165-725-5

Аннотация. Рецензия на монографию проф. И.Н. Селиванова, посвященную влиянию «югославского» и «албанского» факторов на становление и развитие советско-вьетнамских отношений во второй половине 1940-х — начале 1980-х годов. Рассматриваемые события сыграли важную роль в истории международного коммунистического и рабочего движения. Автор затрагивает и такую важную проблему, как специфика межгосударственных отношений внутри «лагеря социализма» в период нахождения у власти в Советском Союзе И.В. Сталина, Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева. Книга состоит из трёх основных частей, в которых раскрыты различные стороны отношений СССР и Вьетнама с Югославией и Албанией. Отдельный раздел посвящен рассмотрению процессов принятия внешнеполитических решений в Советском Союзе. Каждый раздел книги снабжен тематическим списком источников и иллюстрациями.

Ключевые слова: история советско-вьетнамских отношений, история внешней политики СССР, история социалистической системы, внешняя политика Вьетнама, принятие внешнеполитических решений в СССР, Сталин, Хо Ши Мин, Хрущев, Брежнев.

Автор: Конорева Ирина Александровна, д. и. н., профессор, декан исторического факультета Курского государственного университета.
E-mail: ikonoreva@yandex.ru

Для цитирования: Конорева И.А. Новая книга по истории советско-вьетнамских отношений // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 150—155.

I.A. Konoreva

New Book on the History of Soviet-Vietnamese Relations

Selivanov I.N. The Soviet Union and Vietnam: the “Balkan vector” in their relations under Stalin, Khrushchev and Brezhnev. St. Petersburg: Aletheya, 2024. 574 p.: ill. ISBN 978-5-00165-725-5

Abstract. It is a review of the monograph by prof. I.N. Selivanov, dedicated to the influence of the “Yugoslav” and “Albanian” factors on the formation and development of Soviet-Vietnamese relations in the second half of the 1940s — early 1980s. The events in question played an important role in the history of the international communist and labor movement. The author also touches on such an important problem as the specifics of interstate relations within the “camp of socialism” during the period in which I.V. Stalin, N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev was in power in the Soviet Union. The book consists of three main parts, which reveal various aspects of relations between the USSR and Vietnam with Yugoslavia and Albania. A separate section is devoted to consideration of the processes of making foreign policy decisions in the Soviet Union. Each section of the book is provided with a thematic list of sources and illustrations.

Keywords: history of Soviet-Vietnamese relations, history of foreign policy of the USSR, history of the socialist system, foreign policy of Vietnam, adoption of foreign policy decisions in the USSR, Stalin, Ho Chi Minh, Khrushchev, Brezhnev.

Author: Konoreva Irina A., D. Sc. (History), Professor, Dean of the Faculty of History, Kursk State University. E-mail: ikonoreva@yandex.ru

For citation: Konoreva I.A. (2024) New Book on the History of Soviet-Vietnamese Relations. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (1): 150—155.

Новая книга доктора исторических наук, профессора И.Н. Селиванова посвящена важной, но пока, на наш взгляд, недостаточно изученной проблеме истории международных отношений внутри «лагеря социализма». Данная работа является продолжением научных исследований автора, уже нашедших свою аудиторию, как в нашей стране, так и за её пределами [см., например: Селиванов 2013, 2014, 2021; Selivanov 2017, 2018 (2), 2022]. Монография подготовлена в рамках исследовательского проекта «Международные отношения в Индокитае после Второй мировой войны», реализуемого на кафедре всеобщей истории Курского государственного университета, а также в рамках работы научной лаборатории исторического факультета КГУ «Международные отношения в XX веке», которыми руководит И.Н. Селиванов.

В рецензируемой работе на основе анализа большого количества документального и историографического материала автор рассмотрел отношения между Советским Союзом и Вьетнамом в контексте их взаимодействия с Югославией и Албанией, показал, каким образом в СССР принимались те или иные внешнеполитические решения. Это представляется интересным, поскольку в упомянутых странах на практике осуществлялись различные модели «социалистического строительства», что не всегда воспринималось однозначно советским руководством, становясь предметом дискуссий на самом высшем уровне.

Следует отметить жанровое своеобразие работы — сочетание научного аналитического текста с публикацией (в формате приложений) исторических источников: архивных документов, выдержек из мемуаров, обзоров периодики. Читатель имеет возможность сравнить авторскую трактовку с документальными материалами, многие из которых в силу разных обстоятельств зачастую труднодоступны. Текст сопровождается значительным объёмом иллюстративного материала, ещё в большей степени расширяющим представления читателя об описываемых исторических событиях.

Три основные части работы охватывают так называемые позднесталинский (1945—1953), хрущёвский (1953—1964) и брежневский (1964—1982) периоды советской истории. Такое деление представляется вполне обоснованным, поскольку позволяет автору последовательно распределить теоретический и фактический материал.

Впечатляет научно-справочный аппарат книги. Автор сделал более 1200 ссылок на использованные исторические источники и литературу. Кроме советских документальных материалов, хранящихся в российских архивах, также были привлечены источники вьетнамского, югославского, албанского, китайского происхождения, опубликованные в разные годы как у нас в стране, так и за рубежом. Значительная часть из них была выявлена лично И.Н. Селивановым, они издавались с его комментариями в ведущих российских исторических журналах [см., например: Селиванов 2008, 2016, 2019].

Дополняют основной текст 112 иллюстраций, размещенных как в основной части, так и в специальной цветной вкладке. Книга снабжена именным указателем, что в значительной степени облегчает читателю работу со столь объемным изданием.

Первая часть монографии посвящена рассмотрению отношений в треугольнике «Москва—Ханой—Белград». В ней автор показал, как складывались отношения между Советским Союзом и Вьетнамом в контексте выстраивания ими связей с титовской Югославией. При работе над данным разделом автор использовал не публиковавшиеся ранее документы не только из российских архивов, но и из Архива Югославии в Белграде.

В работе раскрыты обстоятельства визита Хо Ши Мина в Белград в августе 1957 г., участие Партии трудящихся Вьетнама (ныне КПВ) в критике Союза коммунистов Югославии, инициированной руководством КПСС (май 1958 г.). Предметом отдельного рассмотрения стали такие темы, как обсуждение проблем Вьетнама в ходе визита И.Б. Тито в СССР в июне 1965 г., оценки «вьетнамской проблемы» югославской дипломатией в ходе встреч советских и югославских лидеров во второй половине 1960-х — середине 1970-х годов.

Особый интерес у читателя, вероятно, вызовут разделы, в которых впервые в отечественной историографии, на основании большого количества материалов из фондов Архива внешней политики Российской Федерации и Архива Югославии, анализируются отношения СССР, Вьетнама и Югославии в контексте так называемой камбоджийской проблемы. В своё время данная проблематика вызвала острые дискуссии в международном сообществе.

Во второй части книги исследуются отношения в треугольнике «Москва—Ханой—Тирана». Автор убедительно продемонстрировал, насколько неоднозначными были отношения между СССР, Вьетнамом и Албанией во все рассматриваемые в работе исторические периоды. Также подняты вопросы, связанные с определением роли Хо Ши Мина и Энвера Ходжи в проведении И.В. Сталиным советской политики в отношении стран Индокитая и на Балканах. Дано авторское видение места Северного Вьетнама и Албании во внешнеполитических планах СССР после прихода к руководству страной Н.С. Хрущёва.

В книге И.Н. Селиванова дан анализ итогов встречи Хо Ши Мина и Хрущёва, состоявшейся в августе 1961 г. в Пицунде, в ходе которой обсуждалась «албанская тема», в частности, критика руководства Албании на XXII съезде КПСС. В этой части книги проанализированы позиции Партии трудящихся Вьетнама и Албанской партии труда в отношении решений XXII съезда КПСС, определены причины, по которым руководители ДРВ и Албании в ходе советско-китайской полемики заняли сторону КНР.

Автором охарактеризована албанская реакция на поездку в феврале 1965 г. главы правительства СССР А.Н. Косыгина в ДРВ. Отдельные подразделы посвящены «вьетнамским» и «албанским» темам, поднимавшимся советским партийным руководством в ходе работы XXIII—XXV съездов КПСС. Интерес читателей, вероятно, вызовет и характеристика политических предпочтений СССР и Албании после объединения Вьетнама.

Третья часть книги также представляет несомненную важность, хотя и не имеет непосредственного отношения к заявленной в заглавии темы. На основе опубликованных мемуаров и свидетельств очевидцев, а также иных исторических источников автором показан механизм выработки советским руководством внешнеполитических решений, касающихся Вьетнама, Югославии и Албании.

Автор дает высокую оценку работе специалистов-вьетнамистов, работавших в советское время в аппарате ЦК КПСС и МИД СССР (А.С. Воронина, Е.П. Глазунова, Е.В. Кобелева, Г.М. Локшина, И.А. Огнетова и др.), которые в значительной степени сформировали положительный имидж Вьетнама в глазах советского партийного и государственного руководства. Им приходилось отстаивать свое видение советско-вьетнамских отношений в дискуссиях с работниками аппарата, придерживавшимися иной точки зрения (например, А.Е. Бовиным), о чём также достаточно подробно пишет И.Н. Селиванов, приводя в качестве доказательства фрагменты отдельных воспоминаний и служебных записок.

В заключение И.Н. Селиванов сформулировал основные выводы, сделанные на основании проведенного исследования. На наш взгляд, они в достаточной степени аргументированы и дают объективную оценку деятельности советской дипломатии на «вьетнамском» и «балканском» направлениях в 1945—1982 гг. Следует отметить, что автор придерживается точки зрения, высказанной в свое время И.А. Огнетовым, что вьетнамская внешняя политика не была ни «просоветской», ни «прокитайской», а отражала национально-государственные интересы Вьетнама, в чём и заключалась её самая сильная сторона.

Работа И.Н. Селиванова носит новаторский характер, она вызовет интерес как у специалистов-историков и практических работников, так и у аспирантов и

студентов высших учебных заведений, изучающих историю внешней политики Советского Союза, Вьетнама, Югославии и Албании периода существования мировой социалистической системы.

Дата поступления статьи: 20.02.2024
Принята к печати: 03.03.2024

Received: February 20, 2024
Accepted: March 3, 2024

Список литературы

Селиванов И.Н. Неудавшаяся акция против Хо Ши Мина. Записка Чан Нгок Дана в ЦК КПСС, 1950 г. // Исторический архив. 2008. № 2. С. 86—111.

Селиванов И.Н. Чан Нгок Дан // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 50—63.

Селиванов И.Н. Сталин, Хо Ши Мин и «дело» Чан Нгок Дана. — Курск: КГУ, 2014. 270 с.

Селиванов И.Н. Беседа Э. Карделя и А.И. Микояна (июнь 1956 г.) о проблемах нормализации советско-югославских отношений в свете XX съезда КПСС // Славяноведение. 2016. № 5. С. 43—53.

Селиванов И.Н. Москва — Ханой — Београд: особенности изградње односа у условима сазревања другог раскола светског социјалистичког система (1957—1964) // Војноисторијски гласник (Београд). 2018. № 1. С. 160—182. (На серб.)

Селиванов И.Н. «Југословенски фактор» у совјетско-вијетнамско односима (1948—1956) // Војноисторијски гласник. 2018. № 2. С. 189—209. (На серб.)

Селиванов И.Н. Беседа члена Политбюро ЦК Компартии Китая Пэн Чжэня с К.Е. Ворошиловым о ситуации в Югославии, апрель 1957 года // Славяноведение. 2019. № 5. С. 58—65.

Селиванов И.Н. Эпоха XX съезда. Международная деятельность А.И. Микояна в 1956 году. СПб.: Алетейя, 2021. 440 с.

Selivanov I. N. Moscow — Hanoi — Tirana. Relation in the Context of the Split in the «Socialist Camp» // *Sojourn* (Singapore). 2017. Vol. 32. № 2. P. 479—514.

Selivanov I. N. The Vietnamese Workers' Party and Yugoslav model of socialism // *The Communist Party of Vietnam: Empowering National Progress*. M., 2022. P. 380—395.

References

Selivanov, I.N. (2008) Neudavshayasya akciya protiv Ho SHi Mina. Zapiska Chan Ngoc Dana v CK KPSS, 1950 g. [Failed action against Ho Chi Minh. Note from Tran Ngoc Dan to the CPSU Central Committee, 1950]. *Istoricheskij arhiv*, 2: 86—111. (In Russian)

Selivanov, I.N. (2013) Chan Ngok Dan [Tran Ngoc Dan]. *Voprosy istorii*, 3: 50—63. (In Russian)

Selivanov, I.N. (2014) *Stalin, Ho SHi Min i «delo» Chan Ngoc Dana [Stalin, Ho Chi Minh and the «case» of Tran Ngoc Dan]*. Kursk: KSU, 2014. 270 p. (In Russian)

Selivanov, I.N. (2016) Beseda E. Kardelya i A.I. Mikoyana (iyun' 1956 goda) o problemah normalizacii sovetско-yugoslavskih otnoshenij v svete XX s'ezda KPSS [Conversation between E. Kardel and A.I. Mikoyan (June 1956) on the problems of normalizing Soviet-Yugoslav relations in the light of the 20th Congress of the CPSU]. *Slavyanovedenie*, 5: 43—53. (In Russian)

Selivanov I.N. (2017) Moscow—Hanoi—Tirana. Relation in the Context of the Split in the «Socialist Camp». *Sojourn* (Singapore), 32 (2): 479—514.

Selivanov, I.N. (2018) Moskva—Hanoj—Beograd: osobennosti izgradn'e odnosa u uslovima sazrevan'a drugog raskola svetskog socijalistikog sistema (1957—1964) [Moscow-Hanoi-Belgrade: features of building relations in the conditions of the second split of the world system of socialism (1957—1964)]. *Vojnoistorijski glasnik*, 1: 160—182. (in Serbian)

Selivanov, I.N. (2018) «Jugoslovenski faktor» u sovjetsko-vijetnamsko odnosima (1948—1956) [“The Yugoslav factor” in Soviet-Vietnamese relations (1948—1956)]. *Vojnoistorijski glasnik*. Military, 2: 189—209. (In Serbian)

Selivanov, I.N. (2019) Beseda chlena Politbyuro CK Kompartii Kitaya Pen Chzhenya s K.E. Voroshilovym o situaciji v Jugoslavii, aprel' 1957 goda [A conversation between Peng Zhen, a member of the Politburo of the Central Committee of the Communist Party of China, and K.E. Voroshilov about the situation in Yugoslavia, April 1957]. *Slavyanovedenie*, 5: 58—65. (In Russian)

Selivanov, I.N. (2021) *Epoha XX s'ezda. Mezhdunarodnaya deyatel'nost' A.I. Mikoyana v 1956 godu* [The era of the 20th Congress. International activities of A.I. Mikoyan in 1956]. St. Petersburg: Aletheia, 2021. 440 p. (In Russian)

Selivanov, I.N. (2022) The Vietnamese Workers' Party and Yugoslav model of socialism, in: *The Communist Party of Vietnam: Empowering National Progress*. M., 2022: 380—395.

Научное издание

Вьетнамские исследования

2024. Т. 8. № 1

Выпускающий редактор: Никулина Е.В.

Редактор: Мальцева О.И.

Дата публикации: 01.04.2024

Контакты:

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИКСА РАН

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: (499) 124 08 33

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, издаваемых ИКСА РАН,
размещаются в электронной библиотеке со свободным доступом
на сайте:

URL: <http://www.iccaras.ru>